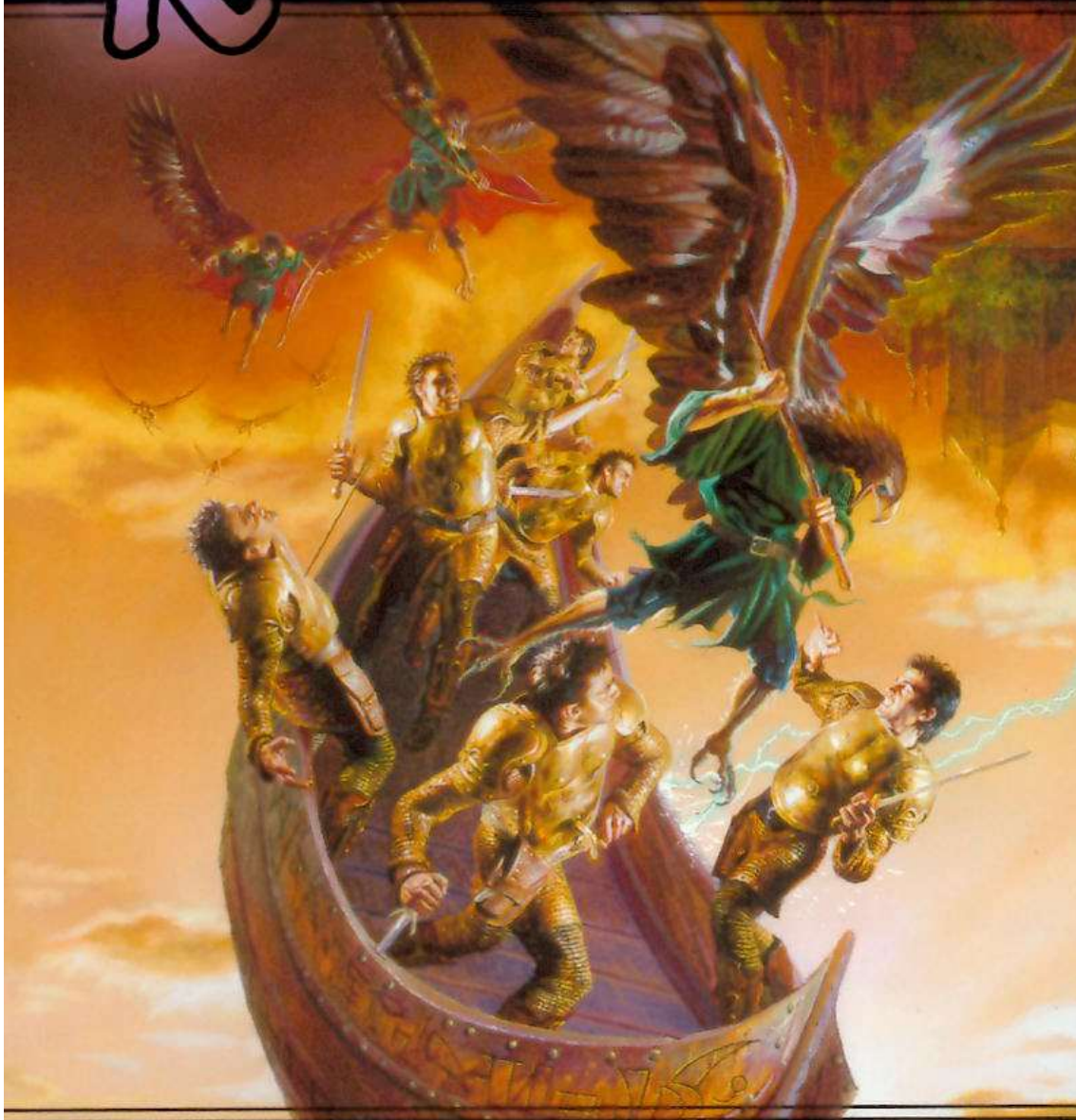

FORGOTTEN REALMS®

КОРОЛЕВСТВА ТЕНИ

Возвращение Архималов • Антология

*Включая
новый рассказ*

Р.Э. САЛЬВАТОРЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЛИЗЗ БОЛДУИН

Когда Анклав Шейдов вернулся из тысячелетнего изгнания на плане Тени, весь Фазрун стал доступен темным замыслам. Когда племя кенку восстало против архимага, научившего их волшебству, но державшего рабами, с небес хлынула смерть. Когда кормирский рыцарь попал в руины Тильвертона, он осознал ужасающую мощь архимагов. Когда фазримм странствует по миру, поработав орков и людей, великие силы должны положиться на союзника, не менее смертельного чем враг. Антология, связанная с серией "Возвращение Архимагов", включает в себя новые истории таких авторов, как Р. Э. Сальваторе, Трой Деннинг, Эд Гринвуд и Элейн Каннингем.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Испытание - Лиза Смедман - **Arianna**
2. Убийца Тени - Джесс Лебоу - **AlexMustaeff**
3. Слишком долго во тьме - Пол С. Кемп - **Arianna**
4. Тёмный меч - Трой Деннинг - **Crash**
5. Игра лжеца - Джессика Бивен - **Борис Маслов**
6. Такой любопытный меч - Р.А.Сальваторе - **Robin**
7. Немного знаний - Элейн Каннингем - **Алекс**
8. Верхом на ветре - Филипп Этанс - **Борис Маслов**
9. Павшие Земли - Мюррей Джей Ди Лидер - **Борис Маслов**
10. Когда тени приходят за тронном - Эд Гринвуд - **Борис Маслов**
11. Великая Тень - Ричард Ли Байерс - **MysteryDrou, Lanjane**
12. Движущиеся Пески - Питер Арчер - **Verhanna**

Редактура: **Даризель**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

«КОРОЛЕВСТВА ТЕНИ»

Возвращение Архимагов - Антология

ИСПЫТАНИЕ

Лиза Смедман

Нетерильский год 3389

(Год Мучительного Пламени, -470 по летоисчислению Долин)

Сцепив руки за спиной, Андорис Дератар смотрел сквозь резное окно на облака, проплывавшие над фермерскими угодьями, распластавшимися далеко внизу. Город сейчас пролетал над пестрым лоскутным одеялом из зеленой листвы, желтой пшеницы и коричневой глины, но вдаль он мог разглядеть обесцвеченную солнцем белую кромку, которой не должно было быть, – низкие дюны надвигающейся пустыни.

Андорис только что вернулся из Зала Суда, и на нем до сих пор была служебная мантия: накрахмаленная черная плиссированная юбка до самого пола и черная рубашка с длинными рукавами и весами, вышитыми золотыми нитями на левой стороне груди. На поясе была повязана золотая веревка, с которой свисала маска – гладкий костяной круг с отверстиями для глаз и ноздрей и прорезью для рта. Цвет ее гармонировал со светлыми волосами Андориса, обрамлявшими высокий лоб. Черты маски были такими же ровными, как черты лица самого Андориса, чьи гладко выбритые щеки не были отмечены линиями старости и тревог.

Отвернувшись от окна, он посмотрел на камень, который до этого держал за спиной: огромный кроваво-красный рубин с настолько диковинной огранкой, что казалось, все его грани обращены друг на друга. В центре камня слегка извивалась призрачная субстанция – душа человека, которого Андорис только что признал виновным в убийстве. Две дырки – по всей вероятности, глаза – печально таращились сквозь стены кристальной тюрьмы.

– Смерть, – вымолвил Андорис, повторив приговор, который только что вынес, – без возможности воскрешения в течение пятидесяти лет.

Он поставил рубин в нишу в стене рядом с дюжиной других.

За спиной Андориса едва слышно фыркнул гомункул – человекоподобное существо с зеленой жесткой кожей, огромными как у летучей мыши ушами и блестящими черными глазами. Завернувшись в кожистые крылья, словно в плащ, он сделал презрительный жест перепончатыми пальцами.

Хорбал был жестоким ублюдком, сказал он. Его голос, который мог слышать только Андорис, напоминал нечто среднее между писком и карканьем. Он убил этого кота медленно и наслаждался видом его мучений. Ты должен был дать ему пятьсот лет, а не пятьдесят.

Андорис посмотрел на гомункула. Даже стоя в полный рост, существо едва достигало его колен. Созданное алхимическим путем с помощью пинты крови

самого Андориса, оно имело постоянный телепатический контакт со своим хозяином. Все эти годы, с самого своего создания, оно служило бесценным инструментом в продвижении Андориса вверх по карьерной лестнице судебной системы.

– Пятьдесят лет – наказание, предусмотренное законом за убийство фамилиара, – сказал Андорис.

Он произнес это вслух – что делал только в тех случаях, когда они с гомункулом были наедине.

Это нечестно! хныкнуло существо. *Этот ублюдок Хорбал будет свободен через пятьдесят лет, а вот бедный Джелал...*

Гомункул подскочил к рубину, намереваясь хорошенько его потрясти. Даже учитывая то, что это не причинило бы вреда ни камню, ни его содержимому, приличия должны были быть соблюдены. Андорис направил свою волю в разум гомункула и с силой дернул его за руку. Надувшись, существо свернулось калачиком, сжимая вывихнутое плечо.

Андорис, чей разум был защищен от боли, смотрел на гомункула с таким же безразличным видом, какой был у маски, висевшей у него на поясе. Щелкнув пальцами, он наложил исцеляющее заклинание.

Спустя секунду раздался резкий стук в дверь. Андорис отдал пальцем молчаливый приказ, и гомункул, окостенев, забежал под стол. Существо смотрело большими блестящими глазами, как Андорис сначала наложил на него заклинание иллюзии, чтобы скрыть его присутствие, а затем легким взмахом руки направил искру магической энергии в сторону двери, отперев ее.

– Войдите.

Дверь распахнулась, на пороге стояла Судья Влоуир, женщина с длинными черными волосами и хмурым видом, отчего на лбу прослеживались глубокие борозды. На ней была черная судейская мантия, и костяная маска на поясе.

– Лорд Верховный Судья Дератар, – сказала она, – прошу прощения, что беспокою вас так скоро после вынесения приговора, но есть дело, требующее вашего рассмотрения.

Маленький кулак стукнул в раздражении под столом, но звук не был услышан.

– Каковы детали дела? – спросил Андорис ничего не выражающим голосом.

– Шпионаж – точнее, кража секретов государственной важности. Чародей Алгар Птак по приказу Лорда Карсуса искал способ обратить одно из своих заклинаний. Лорд Карсус надеялся, что обращенное заклинание может оказаться полезным в расшифровке Нетерийских Свитков. Однако проектные записи исследований Птака украли.

Андорис кивнул. Лорд Карсус какое-то время назад посвятил его в детали этого особого исследовательского проекта. Птак пытался обратить свое заклинание Секретного Шифра, делавшее невозможным расшифровку магического текста без особого командного слова, которое обходит шифр. Если бы ему удалось обратить заклинание, – учитывая, что Нетерийские Свитки когда-нибудь снова найдут – анклав, обладающий им, узнал бы первым секреты свитков и стал бы самым влиятельным во всем государстве.

Дело, без сомнения, было очень важным, но означало ли это, что именно Андорис должен был взяться за него?

Под столом раздался краткий вздох, услышанный только Андорисом.

– Верховный Судья Эмилус Вентар уполномочен слушать дела государственной важности, – сказал он.

Борозды на лбу Судьи Влоурир стали глубже.

– Он заслушал дело, но счел невозможным вынести вердикт. Он говорит, разбирательство касается вопросов о процессуальных нормах, на которые может ответить только Лорд Верховный Судья... и сами показания представляют собой неразрешимую загадку.

Видимый только Андорису гомункул выпрямился, наострив уши, глаза его еще больше заблестели. *Загадку?*

Словно услышав переспрос, Судья Влоурир продолжила:

– Подсудимых двое. Верховный Судья Вентар сказал, что решать, кто из них виновен – это как пытаться выбрать между отражением и зеркалом.

И что он под этим имел в виду?

Андорис лишь слегка склонил голову набок.

– Где слушается дело?

– В Спиральном Зале. Оно временно отложено, и Верховный Судья Вентар ждет вас там.

Андорис кивнул.

– Скажите Верховному Судье Вентару, что я сейчас приду.

* * * * *

Спиральный Зал получил свое название благодаря одной особенности: гладкой инкрустации из белой кости шириной в два шага, которая спиралью поднималась вверх по стенам круглой комнаты. Подобно эху, которым отдавались голоса, звучавшие с пола этого глубокого, похожего на колодец, зала, эбонитово-черные буквы поднималась вверх по спирали – записи показаний, дававшихся внизу.

Сила тяготения была изменена во время строительства Спирального Зала, позволяя стенам служить полом, и сейчас на этих стенах толпились жители анклава Карсуса – могущественные чародеи, маги-дилетанты. Они стояли под прямым углом к полу и могли отлично видеть и судебное разбирательство, и записи, струившиеся под ногами.

На дне Спирального Зала сидел Андорис в кресле из массивного серебра, украшенном резьбой и парившем над полом на расстоянии ширины ладони. На нем была судейская маска, но она была сдвинута на лоб, оставляя лицо открытым. В двух шагах позади него Верховный Судья Вентар сидел в точно таком же кресле, слушая молча показания, которые были заслушаны ранее, а сейчас повторялись. Лицо его было скрыто за судейской маской. Тело выглядело молодым и подтянутым, волосы густыми и темными благодаря омолаживающей магии, и только опущенные плечи выдавали истинный возраст Судьи Вентара, став такими под грузом десятилетий трудных решений.

В противоположном конце зала на каменном полу кистью из хвостовых волос минотавра были нарисованы два замысловатых круга. Диаметр каждого такого круга-лабиринта равнялся примерно двум шагам, и внутри каждого стояла женщина с гордым узким лицом и длинными рыжими волосами. Одна из женщин убрала волосы, перетянув сзади золотой лентой, глаза и губы были подведены рубиновым порошком, длинное серебристо-серое платье было усыпано мелкими черными крапинками, завитки из которых струились по нему словно легкий дымок. У второй – волосы были распущены, из одежды на ней были серые колготы, свободная серая рубашка и длинные ботфорты с потертыми носками и коленями.

Несмотря на то, что две женщины выбрали изумительно разную одежду, чтобы явиться в суд – одна выглядела так, будто собралась на торжество в башню Лорда Карсуса, другая – словно собралась в дорогу – они были похожи друг на друга как две капли воды. Даже выражения лиц были одинаковыми. Обе стояли неподвижно, одаривая друг друга высокомерными взглядами сквозь мерцающие круги скрытой магии, которая заставит их заблудиться внутри кругов-лабиринтов, попытайся они переступить их физическим или магическим способом. Обе женщины даже свое напряжение выражали одинаково: прищуривая бледно-зеленые глаза и время от времени постукивая пальцами правой руки по бедру.

Одна из женщин, согласно показаниям, была тeneвым двойником, но магия его создания была настолько искусной, что невозможно было сказать, кто из них чародей, а кто – магический конструкт. Верховный Судья Вентар перепробовал уже все стандартные тесты, но ни один из них не пролил свет на этот вопрос. Обеих женщин окружала плотная аура магического двеомера, но было хорошо известно, что Бламира, как и большинство чародеев, продлила срок своей жизни с помощью могущественной магии. Вентар устал, пытаясь определить, какое именно заклинание создавало эту ауру, и у него так ничего и не получилось. Магия Бламиры была слишком сильной.

Затем он приказал женщинам полностью раздеться и проверил каждую снятую вещь на предмет нефункциональности. Если они появились в то же время, что и двойник, как часть заклинания Бламиры, то магия была бы не в состоянии поддерживать их, как только они утратят контакт с двойником. Но все вещи были полностью свободны от двеомера – обычные предметы, полученные тeneвым двойником уже после его создания.

В последнем тесте Вентар на короткое время телепортировал одну из женщин на другой План в надежде, что вторая рассеется – то, что обычно происходит, когда магическая связь между чародеем и конструктом на таком большом расстоянии разрывается. Как и предыдущие, этот тест не дал никаких положительных результатов.

Внимательно следя за женщинами, Андорис отметил, что одна двигается независимо от другой и, казалось, полностью контролирует свои действия. Не было никаких обычных признаков того, что тeneвой двойник управляется своим создателем: никакого замешательства в речи, никакого копирования движений.

Магия, поддерживавшая тeneвого двойника, была продолжительной. Вентар слушал показания уже большую часть дня, а тeneвой двойник ни на йоту не

потускнел. Было очевидно, что его создатель применил заклинание с постоянным эффектом.

Из комнаты Андориса – где был надежно заперт гомункул – послышался нервный, обеспокоенный голос.

Нам не нравится это дело, сказала существо, сжимая руки. Оно напоминает нам о...

Сходство несущественное, перебил Андорис. Тихо.

Он спокойно смотрел на чародея, дававшего показания. Алгар Птак, мужчина с высоким лбом и жидкими светлыми волосами, достигавшими плеч, ходил из стороны в сторону перед креслами, в которых сидели судьи. На нем был алхимический кожаный фартук, надетый поверх брюк, и просторная белая рубашка. На манжетах рукавов осел желтый порошок, от одежды исходил запах горящей серы – свидетельства того, что он явился прямо из лаборатории, чтобы дать показания. Глаза выглядели огромными за стеклянными линзами, висевшими в воздухе прямо перед лицом. Давая показания, Птак сверлил взглядом обеих женщин внутри магических кругов.

Время от времени он поглядывал на судей, как будто ища поддержки, но не находил ее в пустой маске Вентара и бесстрастном лице Андориса. Мантия, которую Птаку было приказано надеть на время дачи показаний – тонкая золотая накидка, – развевалась позади него и с каждым произносимым словом издавала звуки, похожие на переливы мелодичной арфы.

– Вы знаете, что я не могу лгать – не с этой вещью на мне, – проворчал Птак. – Я говорю правду. Ширис Бламира – воровка. Я нанял ее в качестве консультанта для... ээ, для моего последнего исследования. Мне нужен был ее опыт в экстрапланарной магии. Она догадалась, что в моих исследовательских записях, и вычислила, как... где я их прячу, – поморщился он. – И я ей еще доверял! Никогда больше не буду работать с другим магом... тем более, если он из Союза Тени.

Со стен послышался ропот приглушенных голосов, после того как слова Птака поднялись по спирали костяной инкрустации. Толпа зрителей увеличивалась в течение всего дня, как только разошелся слух, что ученик Тени обвиняется в краже государственных секретов.

В голове Андориса раздалось злобное хихиканье: *Тени теперь лучше действовать осторожно! Если его ученика признают виновным, Карсус может лишить его своей милости.*

Андорис проигнорировал хихиканье гомункула.

– Это серьезное заявление, – предупредил он Птака. – Вы обвиняете товарища-чародея, члена Союза Тени, в государственной измене, но до сих пор не предоставили никаких доказательств, кроме своих слов о том, что записи магического исследования были украдены вчера вечером и что кражу совершила Ширис Бламира.

Глаза Птака вспыхнули за линзами висящих в воздухе очков.

– Есть свидетель, – он произнес. – Один из моих слуг. Он все видел, но Верховный Судья Вентар отказался выслушать его показания.

Вентар, до этого сидевший молча, резко выпрямился. Белая пустая маска скрывала выражение его лица, но голос выдавал раздражение:

– Он хотел вызвать элементаря! Это слишком опасно. В этом зале нет надлежащей магической защиты от...

Андорис знаком попросил коллегу замолчать и сказал:

– Если есть свидетель, показание должно быть заслушано.

– Если Птак потеряет контроль над ним, элементарь может убить нас всех! – поспешно возразил Вентар.

В комнате Андориса гомункул нервно покачивался взад-вперед, грызя один из когтей.

Что если он освободится? Что если он убьет кого-нибудь? Винить будут нас! Стоит ли так рисков...

– Свидетельские показания будут заслушаны, – объявил Андорис.

Наверху толпа стала рассеиваться – зрители переглядывались, качали головами и телепортировались прочь.

Андорис повернулся к Птаку:

– Вызывайте своего свидетеля.

Кивнув, Птак залез в карман брюк и вытащил оттуда комок сырой глины. Опустившись на колени, он нарисовал им толстые линии на полу, после чего, растерев остатки глины между ладонями, отступил назад и, делая над знаками пассы, похожие на подкапывающие движения, начал произносить заклинание.

Через мгновение камень у его ног начал увеличиваться в размерах. Еще мгновение – и он стал принимать форму лица. Глаза медленно повернулись в сторону Птака со звуком, будто волочили булыжники по твердой поверхности. Образовавшаяся трещина приняла форму рта, источая запах сырой земли. Губы начали медленно двигаться, и пол под ногами задрожал.

Когда, наконец, послышались слова, их звук был тягучим и тяжелым, напоминая звук работающего жернова:

– *Хозяяяинн.*

Со стен послышались вздохи облегчения, когда зрители – те, что оказались достаточно храбрыми, чтобы остаться – поняли, что элементарь действительно успешно контролируется. Некоторые телепортировались, чтобы сообщить новость, и постепенно зал начал снова заполняться. Возбужденный гул голосов стал громче, когда зрители осознали, свидетелями чего являются.

Птак только что вызвал земного элементаря – создание, о существовании которого в анклав Карсуса никто и не подозревал. Когда Лорд Карсус срезал вершину скалы, чтобы использовать ее в качестве фундамента для своего летающего города, он, должно быть, случайно поднял вместе с ней и элементаря, приговорив его тем самым к вечному существованию вдали от родной стихии. Несмотря на это, элементарь все еще был жив и находился под контролем Птака. Не менее удивительным было также то, что обычно скрытный чародей обнаружил сей факт.

Птак сконцентрировался на заклинании, его ладони давили вниз с невидимой силой, удерживая земного элементаря на месте.

– Расскажи Лорду Верховному Судье, что ты видел, – приказал он. – Опиши вора, укравшего мои свитки.

– *Человееек. С... сильной... мааагией. Она... хооодит... в... тениии.*

Андорис кивнул. Заклинание Теневого Перемещения объясняло, как вор – если это действительно была Бламира – смог проникнуть в лабораторию Птака, защищенную множеством магических замков и ловушек.

– Это был кто-то из этих двух людей? – спросил он, показывая на обвиняемых.

Немигающие глаза элементаля задвигались в глазницах и остановились на ближайшей к нему рыжеволосой женщине. Пол под ее ногами выпятился, затем опустился.

– *Эээтаа...*

Медленно, со скрежетом глаза повернулись в другую сторону, и пол выпятился под второй женщиной.

– *И... эээтаа...*

– Как я и говорил! – воскликнул Птак.

Его взгляд за парящими линзами на мгновение метнулся в сторону Андориса, чтобы проверить его реакцию, но лишь на мгновение. Пот струился по вискам чародея от усилия, которое он прилагал для удержания огромного элементаля в земле. Глаза существа медленно перекатывались туда-сюда со слабым скрежетом. Андорис, сидя в своем кресле, подался вперед.

– Кто из них вор? – спросил он.

Над ртом элементаля задрожало марево, когда он облизал губы языком из жидкой лавы.

– *Они... пааахнут... одинаааково.*

– Они обе проникли в лабораторию твоего хозяина?

Пол задрожал, и Птаку пришлось приложить усилия, чтобы устоять на ногах, когда элементаль медленно закачал головой из стороны в сторону. На стенах некоторые зрители, вернувшиеся из любопытства, опять исчезли.

– *Тоооолько... однаа.*

– Можешь сказать, которая? – спросил Андорис.

– *Нееет.*

Птак, с которого пот уже лил градом, плечом вытер с виска струйку пота, но его ладони, направленные в сторону элементаля, оставались неподвижными.

– Бламира знала об элементале, – сказал он. – И тем не менее, она имела наглость украсть мои записи, несмотря на то что ее видели в этот момент. Она, вероятно, рассчитывала, что Вен... что суд испугается заслушать его показания.

– Когда элементаль сообщил вам о краже? – спросил Андорис.

– Сразу же, – ответил Птак. – К сожалению, Бламира уже успела исчезнуть с моими записями.

Андорис бросил взгляд на обвиняемых – внимание обеих было приковано к элементалю, на которого они смотрели молча и насупившись, – затем откинулся в кресле, размышляя. Была возможность, что элементаль лжет, но на это не было похоже. Птак мог управлять им и заставить выполнять его приказы, но он не мог управлять мыслями элементаля. Это было независимое существо со своим собственным разумом – разумом, в котором кипела ярость оттого, что его принудили служить жалкому человечешке. Если бы элементаль врал, он делал бы это со злым умыслом, чтобы навредить показаниям Птака.

Мы бы никогда не сделали ничего подобного. Мы бы никогда не стали лгать про хозяина, если бы нас вызвали давать показания. Но нас никогда и не вызовут давать показания, так ведь? Если бы люди узнали о нас правду, это повредило бы нашей репутации.

Андорис оставил без внимания слова гомункула, сказанные хоть и раболепным тоном, но с едва слышимой колкостью.

– Показания свидетеля признаются действительными, – объявил он. – Свидетель может быть отпущен.

Глубоко вздохнув, Птак подался вперед, с видимым усилием опуская ладони ближе к полу. Лицо элементаля исказилось, стены и пол бешено затряслись. Постепенно он исчез в земле. Птак провел руками взад и вперед, словно стирал нарисованную картину. Через мгновение пол стал гладким и чистым, как будто никакого элементаля и не было.

Верховный Судья Вентар громко и с облегчением вздохнул, а Андорис повернулся к обвиняемым и сказал:

– Вы слышали показания против вас. Теперь у вас есть возможность признать себя виновными или...

Обе тут же прервали его.

– Но я невиновна! – закричали они. Каждая тыкала в сторону другой и говорила, их слова подхватывали друг друга.

– Это она...

– Она...

И обе выпалили одновременно:

– виновна!

Они продолжали протестовать, пытаясь перекрычать друг друга. Андорис заметил, что показания стали смешиваться на костяной спирали, – даже Спиральный Зал с трудом мог отличать одну от другой. Направив два пальца правой руки в форме вилки в сторону женщин, он наложил на обеих заклинание Удержания. Женщины застыли и могли только дышать, моргать и слушать.

– Они обе виновны, – пробурчал Птак, бросая взгляд то на одну, то на вторую застывшую фигуру. – Одна из них чародей, другая – ее теневой двойник. Одна руководила преступлением, другая совершала его. Накажите их обеих, но сначала заставьте сказать, куда они дели записи моих исследований.

Андорис пальцем сделал знак:

– Мантию.

Птак сорвал ее со своих плеч с таким благодарным трепетом, словно избавлялся от пиявки. Андорис сделал жест, и мантия по воздуху пересекла круг, удерживающий женщину в платье и с макияжем. Как только с нее было снято заклинание, обвиняемая с высокомерным видом накинула мантию на плечи и с полным спокойствием и невозмутимостью стала ждать вопросов Андориса.

– Вы Ширис Бламира? – спросил он.

– Да, – ответила она, но затем поморщилась, когда мантия издала фальшивую ноту. – То есть, я *думаю*, что я Ширис Бламира. Я, конечно, могу и ошибаться. Если я теневой двойник, то я об этом не знаю. Я обладаю всеми физическими и

умственными способностями Ширис Бламиры, включая и магические способности... и даже воспоминания.

– И такие же мотивы для совершения кражи? – спросил Вентар.

Ха! Так ее!

Андорис поднял руку.

– Обвиняемая не должна говорить, *могла бы* она совершить преступление или нет, – предупредил он, – только *совершала ли* она его.

Вентар задумался на минуту, затем сказал:

– Предположите, что вы настоящая Ширис Бламира, и отвечайте на мои вопросы соответствующе.

Он указал на женщину в другом круге:

– Это вы создали этого теневого двойника?

– Судя по всему, я. Другой заклинатель не смог бы создать такую точную копию.

– Вы помните, как вы накладывали заклинание?

– Нет. Я знаю только, что теневой двойник, скорее всего, был создан вчера... и что каким-то образом все мои воспоминания о вчерашнем дне стерлись.

– Что вы помните? – спросил Андорис.

– Я сидела в библиотеке Союза Тени, читая и наслаждаясь своим утренним чаем, но уже в следующий момент обнаружила себя в своей лаборатории лицом к лицу с этим... существом. Я сначала подумала, что это доппельгангер, но когда попыталась магически связать его, а оно развеяло заклинание, я поняла, что это теневой двойник.

– Вы пробовали управлять им?

Бламира энергично закивала:

– Я сделала это сразу же, но это не сработало. Каким-то образом у существа появилась свободная воля.

Свободная воля?

В спальне Андориса гомункул сидел на краю кровати с балдахином и неотрывно следил за показаниями.

– Вы пробовали изгнать теневого двойника? – спросил Андорис.

Бламира кивнула:

– Это тоже не сработало.

– Вы пробовали развеять магию, поддерживающую его?

– Конечно же, пробовала, – сказала Бламира, надменно поджав губы. – Я не какой-нибудь там ученик-новичок, знаете ли.

Андорис подумал мгновение, затем спросил:

– Когда вас арестовали?

– Вечером, – ответила Бламира. – Тогда я впервые услышала о пропавших записях.

– Это вы украли записи? – прямо спросил Андорис.

Бламира кивнула в сторону своего двойника:

– Это сделал кто-то из нас двоих. Это могла быть и я.

– Вы знаете, где сейчас эти записи?

– Нет.

Все это время мантия правды вторила словам Бламиры непрерывной гармонией без единой фальшивой ноты. Обвиняемая говорила правду.

Андорис сменил направление вопросов:

– Когда ваша память вернулась, что делал теневой двойник?

– Что вы имеете в виду? – нахмурилась Бламира.

– Накладывал ли он какое-нибудь заклинание?

– Нет. Он просто стоял, уставившись на меня.

Андорис с минуту сидел молча, размышляя.

– Существование теневых двойников обычно ограничено по времени, хотя этот, похоже, имеет постоянный эффект. Простое заклинание Постоянства развеялось бы при помощи заклинаний Верховного Судьи Вентара, которые он накладывал на вас, но *это* не развеялось. Как вы это объясните?

– Как я могу вообще что-то объяснить? – вскричала Бламира, размахивая руками. – Вы, очевидно, не слушали того, что я только что говорила. Я не помню ничего, что происходило вчера, включая и наложение заклинания, создавшего теневого двойника.

Сука! Конечно же, мы слушали.

Андорис сидел в своем серебряном кресле неподвижно и невозмутимо. Он не позволит, чтобы на его мнение влияло выражение лица или тон голоса обвиняемой.

– Суд заслушает показания второй обвиняемой, – объявил он и указал на плечи Бламиры, – снимите мантию правды.

Как только она это сделала, Андорис снова обездвижил ее и направил мантию ко второй женщине, развеяв удерживающую магию. Он задавал те же самые вопросы и получал почти такие же ответы. Вторая Бламира также клялась, что не помнит, как создала теневого двойника, и говорила, что первое ясное воспоминание после провала памяти – это то, что она и ее теневой двойник стоят в лаборатории и смотрят в замешательстве друг на друга. В течение всего времени мантия отзывалась на ее слова безупречной гармонией.

Вентар наклонился к Андорису, его глаза за маской смотрели обеспокоено. Он говорил тихо, но, несмотря на это, его слова поднимались вверх по костяной спирали.

– По закону, заклинатель несет юридическую ответственность за действия всех существ, созданных его магией, – начал он, – но в этом случае...

– В этом случае очевидно то, что это не простой теневой двойник, – вмешалась Бламира, откидывая назад свои длинные рыжие волосы. – У него свободная воля, у него свой собственный разум. Он мог совершить преступление по собственной инициативе, используя мои заклинания и мои знания об исследованиях Птака, чтобы украсть его записи. Если это так и если вы признаете нас обоих виновными и приговорите к смерти, вы убьете невинную женщину. У вас нет другого выбора, кроме как признать нас невинными и отпустить.

Признать невинными. Если бы только у нас был такой выбор с Джелалом.

Подавив всхлипывания, гомункул впился острыми, как иглы, зубами в свой палец.

Андорис проигнорировал мысленный образ крови, закапавшей из прокушенного пальца гомункула. Он сидел молча, размышляя, в то время как сверху

доносился ропот голосов. Теперь, когда свидетельства обвиняемых в свою пользу, хоть и незначительную, были заслушаны, все внимание зрителей было приковано к судьям. Особенно, к Андорису. Зрители, обвиняемые, Птак и Вентар – все внимательно следили за его лицом, ища малейшие признаки выражения, которое каждый надеялся трактовать в свою пользу. Как обычно, он обманул их ожидания.

– Рассмотрение дела временно откладывается, – объявил он. – Верховный Судья Вентар и я должны посоветоваться в своих палатах.

Он взглянул на коллегу:

– Предлагаю удалиться в Кристальную Палату.

Вентар кивнул и проговорил слова заклинания, которое должно было их туда перенести.

* * * * *

Через секунду мужчины стояли в комнате, причудливо изогнутые стены и потолок которой были сделаны из прозрачного стеклоподобного материала. Она располагалась в одной из самых высоких башен анклава, была окружена со всех сторон лишь воздухом, и свет лился с каждой грани. Солнечные лучи, проходя сквозь стены и потолок, преломлялись и извергались тысячами крошечных синих и красных искорок, превращая палату в подобие огромного полого бриллианта. Защитные магические механизмы на каждой из граней этого самоцвета препятствовали подглядыванию за теми, кто находился внутри. Далеко внизу, под башней с Кристальной Палатой виднелись крыши и шпили анклава Карсуса, теснившиеся подобно морским птицам на перевернутой вершине скалы – фундаменте анклава. Два строения выделялись на фоне остальных: похожие на клетки сооружения, в которых находились два анклавских мифаллара – огромные сферы диаметром более ста пятидесяти шагов каждая, служившие проводниками сырой магической энергии Плетения. Мифаллары пульсировали этой энергией, поддерживавшей магию, которая позволяла анклаву парить в воздухе, и питавшей все квазимагические устройства вокруг в радиусе одной мили. Энергия была видна невооруженным глазом – это был свет холоднее льда и ярче самого жаркого пламени, и подобно пламени он притягивал своих мотыльков. Тем, кто хотел покончить жизнь самоубийством, достаточно было лишь коснуться одной из этих ярко светящихся сфер, чтобы мгновенно погибнуть без какой-либо возможности воскреснуть после.

Гомункул в спальне содрогнулся. *Ужасно*, простонал он. *Ужасный способ умереть*. Однако Андорис просто отвернулся от открывшегося перед ним вида. Он щелкнул пальцами, и в воздухе перед ним возник графин с двумя небольшими бокалами. Взглянув на кивнувшего Вентара, он заставил графин наклониться и наполнить один из бокалов янтарной жидкостью, после чего, слегка толкнув его, отправил по воздуху к коллеге; затем наполнил второй бокал и сделал глоток. Медовое вино было восхитительным – теплым и сладким.

– Я хотел бы узнать ваши мысли по этому делу, – произнес Андорис. Вентар сдвинул маску на лоб и отпил вино. Слегка нахмурившись и мягко взбалтывая жидкость в своем бокале, он рассуждал:

– Обвиняемая права. Если теневой двойник является независимым существом, совершившим кражу по собственной воле – даже если изначальная мотивация исходила от его создателя, – тогда Бламира должна быть признана невиновной, кто бы из них это ни был.

– Совершенно верно, – согласился Андорис.

– Все упирается в один вопрос: когда существо получило свободную волю, – продолжал Вентар. – Если теневой двойник во время кражи находился под управлением Бламиры и получил свободную волю только потом, тогда Бламира виновна – и *только* Бламира. Закон анклава четко гласит: «любой человек или существо», которое магически принудили совершить преступление, в этом преступлении не виновно. Этот теневой двойник вполне подходит под определение «любой человек или существо». Так как мы имеем дело с постоянным эффектом, объединенным с независимым разумом, в глазах закона двойник уже не является «эффектом заклинания». Все это дает ему право называться независимым разумным существом.

Я – эффект заклинания?

Разумеется, ответил Андорис.

– Жаль, что мы никак не можем отличить чародея от теневого двойника, – продолжал Вентар, – но даже это нам бы не особо помогло, так как нам неизвестно, кто из них совершил преступление. Я просто не могу приговорить обеих к смертной казни, потому что велика вероятность, что одна из них невиновна. Поэтому я и просил вас помочь с этим делом. Я думал, вы сможете докопаться до истины – что вы всегда делали – но, похоже, у этой загадки так и не появилось решения. А это значит, – он вздохнул, – они обе должны быть отпущены.

Гомункул стукнул кулаком по кровати. *Нет! Мы не можем позволить ей обхитрить нас!*

– Но это будет такой же судебной ошибкой, – заметил Андорис, – потому что одна из них точно виновна.

– Что меня больше всего смущает, так это провал памяти, – сказал Вентар. – Не сама техника – стертые воспоминания, вероятно, являются результатом заклинания Забвения, настолько сильного, что Кеониду и не снилось. Меня интересует другое, а именно... могла ли Бламира, накладывая заклинание на теневого двойника для какой-то цели, – может, для того, чтобы он не смог свидетельствовать против нее – нечаянно наложить это заклинание и на себя?

– Заклинание, накладываемое на теневого двойника, не действует на его создателя, – напомнил Андорис коллеге. – Даже если двойника убить, заклинателю это не повредит, и наоборот.

– Может, здесь замешан еще какой-нибудь чародей, – задумался Вентар. – Тот, кто наложил заклинание на Бламиру и ее двойника, чтобы скрыть свою причастность к...

– Нет никаких доказательств в пользу этой версии, – перебил Андорис. – Заклинание Забвения требует визуального контакта с целью, а в соответствии с показаниями второй Бламиры лаборатория, в которой она обнаружила себя вместе с теньвым двойником, была заперта изнутри, и в ней была защита против телепортации. Если бы кто-то другой сотворил заклинание, она бы увидела этого

человека в комнате. Это было бы ее первым ясным воспоминанием. Нет, следуя логике, это именно Бламира наложила заклинание одновременно и на теневого двойника, и на себя, потому что никто из них не помнит, как другая читала заклинание.

– Но зачем? – недоумевал Вентар. – Нелогично совершать преступление, а потом стирать все воспоминания об объекте тщательно спланированной кражи. Как она вообще тогда могла вспомнить о проектных записях Птака, не говоря уже о том, где она их спрятала?

– Вероятно, она уже продала их или получила за них какое-то вознаграждение, – сказал Андорис. – Мы оба и она, скорее всего, так никогда и не узнаем, кому были переданы записи.

– Похоже на идеальное преступление, – вздохнул Вентар.

Знаешь, он прав. Мы можем никогда его и не раскрыть, но мы должны.

– Масштаб потери памяти – вот что мне кажется важным, – сказал Андорис, оставив без внимания беспокойство гомункула. – Бламира не просто стерла воспоминания о самом преступлении – она стерла воспоминания всего дня. Она не помнит, как создала теневого двойника, не помнит, как сделала эффект постоянным.

– Но почему? – спросил Вентар.

– Есть только одно логическое объяснение, – ответил Андорис. – Бламира хотела поднять вопрос о возможности появления у теневого двойника свободной воли с момента его создания. Если бы она вызвала обычного теневого двойника, он бы уже давным-давно исчез, забрав с собой ее хитрое алиби.

– Так она виновна, – воскликнул Вентар, глаза его заблестели.

Это она? Тогда она должна заплатить за свое преступление, несмотря на то что является ученицей Тени. Никакого фаворитства – так же мы говорим? – съязвил гомункул. Никакого – даже ради собственного...

– Не обязательно, – возразил Андорис. – Вы упускаете из виду одну деталь. Теневой двойник обладает всеми магическими способностями Бламиры... и ее хитростью. Существует вероятность, что он получился слишком идеальным – совершил кражу проектных записей полностью по собственной инициативе. И это мог быть именно теневой двойник, кто наложил заклинание Забвения на Бламиру и на себя, чтобы обеспечить себе алиби.

Плечи Вентара опустились.

– Таким образом, мы возвращаемся к тому, с чего начали, – простонал он.

Запертый гомункул мерил шагами спальню, когти на ногах барабанили по полу из твердой древесины, но Андорис полностью владел собой и оставался спокойным. Он знал, что логика его не подведет – она *никогда* его не подводила.

Вентар опустошил бокал, отпустил его, щелкнул пальцами, и тот исчез.

– Я рад, что этим делом занимаетесь вы, Андорис. Чем дольше я пытаюсь его разгадать, тем более запутанным оно становится. Мы также можем попробовать прочесть один из Нетерийских Свитков с помощью наполовину законченных записей заклинания Птака.

Гомункул резко остановился, задрожав от возбуждения.

Точно! Как мы могли быть такими глупыми? Если Бламира помогала Птаку обратить его заклинание Секретного Шифра, он должен был обучить ее этому заклинанию.

Однако Андорис лишь повернулся к своему коллеге и тихо спросил:

– Стражники обыскали лабораторию Бламиры, когда арестовали ее?

– Да, и я руководил обыском, – ответил Вентар. Затем добавил:

– Я понимаю, к чему вы клоните. Вы думаете, что мы проглядели какой-нибудь безобидно выглядящий свиток, который мог на самом деле оказаться записями Птака, но я знал, что он защитил их. Записи могли выглядеть как и чем угодно – от счетной книги до страниц с поэзией. Поэтому я и настоял, чтобы Птак присутствовал при обыске. Он развеял заклинание Секретного Шифра и проверял книги, свитки и записи сам. Некоторые из письменных материалов Бламиры на ее столе были зашифрованы этим заклинанием, но среди них не оказалось проектных записей.

– Там все еще могут оставаться зацепки, – задумчиво проговорил Андорис.

– Что вы имеете в виду?

– Думаю, следует провести еще один обыск в лаборатории Бламиры.

* * * * *

Союз Тени был известен своими темными коридорами и крошечными, тесными комнатами. Лаборатория Бламиры не была исключением. Хотя в башне, в которой она находилась, было много окон, – на всех лежали чары против телепортации и подглядывания – они были длинными и узкими, и с серыми стеклами. Солнечный свет проникал в эту захламленную, душную комнату в виде тонких лучей, похожих на лучи ищущего световодителя.

Вентар и Андорис тщательно изучали книги, свитки и отдельные листы пергамента на рабочем столе Бламиры. Они переставляли каждую стопку с одного конца стола на другой по меньшей мере три раза, но ничего подозрительного так и не обнаружили.

– Это безнадежно, – пробормотал Вентар. – Я не могу вспомнить, какие из них изменились, когда Птак развеял свое заклинание.

Идиот! Надо быть более внимательным.

– Продолжайте искать, – сказал Андорис.

– Что мы ищем? – спросил Вентар.

Но Андорис его больше не слушал. Все его внимание было приковано к книге, которую он только что открыл. Читая ее, он увидел то, что до этого казалось ему невозможным: записи о создании мифаллара, черпающего энергию не из самого Плетения, а из пустот в нем. Из Теневого Плетения.

В спальне Андориса гомункул дрожал от возбуждения.

Так вот как она это сделала!

Андорис указал на раскрытую книгу перед собой:

– Судя по этим записям, Тени и его ученикам удалось создать теневой мифаллар.

Вентар удивленно покачал головой:

– Теневой мифаллар? Невероятно! Но какое это имеет отношение к...

– Если мифаллар поддерживает теневого двойника, – объяснил Андорис, – это означает, что двойник квазимагический, а не постоянный. Это эффект заклинания, а не разумное существо.

– А, – на лице Вентара отразилось понимание, и он с облегчением улыбнулся. – Что ж, загадка разгадана. Мы можем признать Бламиру виновной...

Даже если она невиновна?

– А теневого двойника держать в круге-лабиринте до тех пор, пока не найдем способ его развеять, – продолжал Вентар. – Вот только как их различить?

– Вентар, – задумчиво обратился Андорис к коллеге, – когда вы телепортировали одну из обвиняемых на другой План в надежде, что теневой двойник рассеется, какую из них вы выбрали?

* * * * *

Когда слушание возобновилось, в Спиральном Зале находилось даже больше народу, чем до этого. Разнесся слух, что решение по делу вот-вот будет вынесено, и стены были так переполнены зрителями, что показания, поднимавшиеся по костяной спирали, невозможно было разглядеть. Даже Тень пришел посмотреть на заседание суда, хотя и в окружении учеников-телохранителей.

Внизу, на полу все было готово. Андорис сидел в одном из серебряных кресел, второе кресло пустовало. Вентар разъяснил юридическую разницу между постоянством и квазимагическим непостоянством относительно природы теневого двойника. Озадаченная толпа слушала в полной тишине. Люди понимали юридическое обоснование, но не понимали, зачем оно нужно. Закончив говорить, Вентар исчез. Теперь настала очередь Андориса. Он поднял руку, призывая к тишине:

– Сегодня Верховный Судья Вентар и я обнаружили источник магии, питающий теневого двойника. В анклав Карсуса есть третий мифаллар.

Гул возбужденных голосов пронесся по Спиральному Залу. Андорис подождал, пока он стихнет, наблюдая за лицами обвиняемых. В них читалась настороженность, но в то же время недоумение – как будто женщины знали, о каком мифалларе идет речь, но не понимали, какое отношение к делу он может иметь. Это было абсолютно логично. Все знания об использовании мифаллара для создания и поддержания теневого двойника были стерты вместе с другими воспоминаниями Бламиры.

– Одна из этих женщин – квазимагический эффект заклинания и по законам анклава не несет ответственности за свои действия. Таким образом, Бламира признается виновной в преступлении и должна понести соответствующее наказание.

Голос гомункула в голове Андориса почти затерялся среди возбужденного шума голосов, последовавшего за оглашением вердикта.

Даже если закон несправедлив?

Андорис опять поднял руку, призывая к тишине.

– Что до теневого двойника, то его можно развеять, поскольку он всего лишь эффект заклинания.

Всего лишь эффект заклинания...

– Через несколько минут я проведу испытание, – объявил он. – Я телепортирую обоих обвиняемых на расстояние более мили от анклава туда, где их будет ждать Верховный Судья Вентар. Та, что является тeneвым двойником, окажется слишком далеко от поддерживающей магии мифаллара и перестанет существовать.

Она умрет.

– Настоящая Бламира выживет, и Верховный Судья Вентар тут же телепортирует ее обратно, сюда для оглашения решения о наказании.

Он повернулся к женщинам, чувствуя в дальнем уголке своего сознания дрожь гомункула.

– Вам есть, что сказать перед испытанием?

Обе женщины расправили плечи, затем, почти одновременно, отрицательно покачали головами.

Их мрачные взгляды говорили Андорису, что они обе понимали, каков будет конечный результат: через несколько мгновений одна из них перестанет существовать, а другой будет вынесен смертный приговор. От былой высокомерности не осталось и следа.

– Давайте, – угрюмо произнесла женщина в платье, нервно постукивая пальцами по бедру.

– Я готова, – сказала вторая, ее лицо было бледным.

Андорис кивнул и начал читать слова заклинания. Произнося их, он вытащил из мешочка на поясе две щепотки растертого в порошок янтаря. Почувствовав закипавшую в себе магию, он сосредоточился, направляя ее в кончики своих пальцев, и стряхнул порошок в круги-лабиринты.

Женщины исчезли. Наверху, в толпе, Тень напрягся и подался вперед в ожидании. Несколько секунд в Спиральном Зале стояла мертвая тишина, затем на своем месте внутри круга появилась женщина в платье. На лице ее читалось облегчение... и страх. Андорис кивнул, увидев то, что ожидал. Он повернулся, чтобы сесть, но услышал взволнованные крики наверху. Овернувшись, он увидел, что вторая женщина также появилась там, где стояла прежде. Обе с изумлением смотрели друг на друга.

Через мгновение Вентар телепортировался обратно в Спиральный Зал, появившись рядом с Андорисом со звуком тихого хлопка, потонувшем в общем гвалте.

– Что случилось? – спросил Андорис. Вдалеке он мог слышать глухое биение сердца гомункула.

Вентар бросил на него раздраженный взгляд:

– Судя по всему, мы ошиблись с мифалларом. Теневой двойник действительно постоянный. И теперь мы опять вернулись к тому, с чего начали.

Ошиблись? Как мы могли ошибиться? негодовал гомункул. В ярости он схватил подушку с кровати и разорвал ее на части. *Мы никогда раньше не ошибались. Никогда. Мы просто не можем!*

Андорис не обращал внимания на это нервное потрясение вдалеке – в конце концов, существо и было предназначено для выброса его эмоций, и он позаботился, чтобы эмоции и боль текли только в одном направлении: от чародея к гомункулу. Но вот что странно – он заметил, что его пальцы начали сжиматься. Только усилием

воли ему удалось их разжать. Смутные тревожные мысли стали овладевать им. Он терял контроль? Андорис решительно отбросил все сомнения... и обнаружил, что они никуда не ушли. Гомункул, уже заполненный до краев сильными эмоциями, был не в состоянии принять еще. Он продолжал свои яростные атаки на подушку, разрывая ее на мелкие лоскутки.

Что если... хрррысь ...мы ошиблись и... хрррысь ... с Джелалом тоже?

Воспоминания более чем двадцатилетней давности, отразившись от гомункула, волной нахлынули на Андориса. Ошеломленный, он вцепился в край кресла.

* * * * *

Обвиняемым был молодой человек атлетического телосложения с обнаженным торсом и широкими шелковыми штанами, заправленными в кожаные ботфорты. Его светлые волосы были заплетены в косу, запястья украшали золотые и серебряные браслеты, на пальцах сверкали многочисленные кольца. С накинутой на плечи мантией правды он стоял в окружении колонн и глазеющей толпы в Колонном Зале и уверенно, если не сказать дерзко, взирал на судью на высоком помосте. Тот стоял, сцепив руки за спиной; костяная маска была сдвинута на лоб. Юноша коротко, элегантно поклонился.

– Рад видеть тебя снова, даже при таких обстоятельствах, – тихо сказал Джелал Андорису. Слегка склонив голову, он добавил:

– Скажи мне, я все еще твой любимчик?

Андорис чуть кивнул:

– Да.

После этого ответа лицо Джелала расплылось в улыбке.

Гомункул в спальне Андориса тихо вздохнул.

Хотя зрители не могли услышать произнесенных слов, их запись ярко вспыхнула в воздухе между колоннами. Прочитав ее, толпа загудела. Андорис понял, чего они ждут с таким предвкушением – они жаждут увидеть, как беспристрастный и непогрешимый Андорис в этот раз откажется от логики, своих принципов и закона.

Гомункул в спальне тихо прорычал. *Мы им покажем.*

– Я так понимаю, ты вынес вердикт, – сказал обвиняемый.

– Вынес. – Голос Андориса звучал чисто и ровно. – Ты выбрал вид наказания?

– Да. – Джелал посмотрел в ту сторону, где в небе пульсировал голубой энергией мифаллар. – Если ты действительно *должен* признать меня виновным в убийстве, я выбираю смерть от прикосновения к мифаллару.

Он бросил выжидательный взгляд на судью, как будто хотел проследить за его реакцией.

В толпе тут же зашептались, но Андорис оставался абсолютно невозмутимым.

Улыбка на губах молодого человека начала таять.

Нет! завопил гомункул. *Скажи ему, чтобы выбрал смерть, после которой его можно будет воскресить!*

Андорис разомкнул руки. Все это время он держал за спиной огромный красный рубин, который теперь щелчком пальцев телепортировал прочь. Джелал сделал свой выбор.

Нет! Пусть он передумает!

Андорис подождал, пока в зале воцарится тишина, и огласил свое решение.

– Джелал Дератар, ты признаешься виновным в преднамеренном убийстве жабы, фамилиара Квинара Редакса, и приговариваешься к смерти.

Молодой человек в ужасе отшатнулся:

– Нет! Я рассчитывал на справедливый суд.

– Суд справедлив. Твои собственные показания подтвердили твою вину.

– А ты вообще *слушал* их?! – Голос Джелала сорвался на истеричный крик. – Я виновен в порче имущества, но никак не в убийстве, тем более преднамеренном! Когда я переместил своего двойника в лабораторию Квинара, я приказал ему уничтожить все магические аппараты и компоненты. Это был сиюминутный порыв, бредовая, дурацкая месть Квинару, за то что он с помощью волшебного зелья соблазнил мою возлюбленную. Он заставил ее... заставил... Разве это не делает виновным его?

Джелал в исступлении огляделся вокруг. Некоторые из зрителей кивали, соглашаясь с ним, но лицо Андориса оставалось таким же безучастным, как его маска. Юноша сглотнул, ощутив себя человеком, стоящим с петлей на шее.

– Меня словно безумие охватило, – продолжил он. – Я и понятия не имел, что жаба находится в лаборатории. Как только я понял, что это фамилиар Квинара, я попытался остановить двойника, но не смог. Двойник вел себя так, словно у него появился свой собственный разум. Он продолжал крушить и ломать...

Гомункул в спальне Андориса закусил губу, впившись в нее острыми зубами. *Видишь? Он не специально это сделал!*

Андорис не обратил внимания на вкус крови.

– Тебе есть, что еще сказать, перед тем как приговор будет приведен в исполнение?

– Это была всего лишь жалкая лягушка! И насколько известно, Квинар уже воскресил ее. Как можно приравнивать жизнь лягушки, пусть и фамилиара волшебника, к жизни человека?!

– Наказание, предусмотренное законом за это преступление, – смертная казнь.

– Но я твой сын!

Не выражая никаких эмоций, судья Дератар начал произносить заклинание, которое должно было перенести Джелала прямо к мифаллару. К этому времени толпа в Колонном Зале уже заметно поредела. Вдалеке Андорис мог видеть людей, толпившихся теперь у сооружения с мифалларом. Они с ожиданием вглядывались внутрь через зарешеченные стены конструкции. Магическая энергия, потрескивая, устремилась к указательному пальцу Андориса, и когда его кончик добела раскалился, губы молодого человека скривились в презрительной усмешке.

– Скажи, Лорд Верховный Судья Дератар, каково это быть все время правильным? Тебе будет приятно смотреть, как твой сын ум...?

* * * * *

Нееет!

Андорис, вцепившись в серебряное кресло, тяжело дышал. Впервые за несколько десятилетий он испытывал незнакомое доселе ощущение – боль. Ему удалось отбросить большую часть нахлынувших эмоций, и он вздрогнул с облегчением, когда понял, что они передались гомункулу. Но маленький осколок боли все же остался, и сейчас он ледяной занозой сидел в его сердце.

А там, в комнате сидел гомункул, сложив крылья за спиной, обхватив руками колени и прижав их к костлявой груди. Он качался взад-вперед, как покалеченный ребенок, и его рыдания перемежались со стонами. Каждый раз, когда он сжимал глаза, из них текли новые слезы.

Джелал говорил правду – мантия это подтверждала.

Я знаю, ответил Андорис.

Приговор был несправедливым.

Я знаю, но таков... закон.

Но он же умер!

Гомункул резко вскочил, схватил портрет Джелала со стены и швырнул его на пол. Но это не принесло ему успокоения, и он разбил чернильницу, прикрепленную к верхнему краю картины. Чернила брызнули во все стороны, заливая улыбающееся лицо Джелала.

Как мы могли убить нашего любимого сына? Мы ненавидим себя!

Часть разума Андориса находилась «здесь и сейчас». Он стоял в Спиральном Зале, слушая, но не слыша гудение толпы и взволнованные вопросы Верховного Судьи Вентара, обращенные к нему вполголоса.

Другая часть смотрела глазами гомункула на только что устроенный погром – на разползающуюся лужу чернил в окружении мелких брызг.

Уставившись на них, Андорис вдруг поразился тому, какими крошечными были эти брызги, как мало места они занимали. Внезапно к нему пришла мысль... мысль настолько потрясающая, что Андорис даже не заметил боли, которую разделил с гомункулом, когда тот со всей силы ударил руками по разбитой чернильнице и порезал их. Он понял, что обычный мифаллар был таким огромным из-за того материала, что лежал в его основе – длинных нитей самого Плетения; но мифаллару, сделанному из пустового пространства между ними, не обязательно быть таким большим. Его можно сжать, сделать совсем крошечным... таким, чтобы можно было поместить *внутри* теневого двойника.

Это объяснило бы, почему Бламира оказалась не в состоянии контролировать или развеять двойника, после того как стерла свои воспоминания. Поддерживаемый собственным источником магии, идущей прямо из Теневого Плетения, теневой двойник был абсолютно независимым. И так было с самого начала. Следовательно, он был невиновен, раз никогда не находился под контролем Бламиры, а был создан лишь для того, чтобы обеспечить ей алиби, и произошло это, скорее всего, уже после преступления.

На короткий миг Андорис почувствовал, как дрогнули его губы. В другом человеке это вылилось бы в улыбку, но Андорис спокойно подавил эмоцию, вытолкнув ее на свое место – в гомункула.

Однако эмоция тут же вернулась к нему.

Очень умная гипотеза, раздался насмешливый голос, но почему ты так уверен, что прав?

Схватив с пола стеклянный осколок, гомункул занес его над своей рукой.

А насчет меня ты прав?

Осколок резко опустил, и ярко-красная кровь брызнула на чернила на полу. Андорис попытался остановить гомункула, но обнаружил, что не может этого сделать.

– Разумеется, я прав! – закричал он. – Я могу доказ...

Он осекся на полуслове, заметив, что произносит это вслух – более того, кричит голосом, полным гнева.

Вентар удивленно смотрел на него через отверстия в маске.

– Андорис, – сказал он тихо. – Ты выглядишь таким... странным. С тобой все в порядке? Может, нам стоит сделать перерыв?

Впервые за многие годы Андорис почувствовал неуверенность. Он ощутил себя человеком, который внезапно обнаружил, что ступает не по твердой почве, а по тонкому речному льду. Он начал дико озиаться и увидел, что не только Вентар смотрит на него.

Быть все время правильным не всегда хорошо, прошептал слабый голос. Гомункул лежал на полу в расплывающейся луже крови. Иногда сомнения несут... справедливость.

Гомункул умер.

Тихо всхлипнув, Андорис пошатнулся. Его захлестнуло леденящее чувство вины, борясь с которым, он кое-что понял. Знание и соблюдение всех тонкостей закона подчас не так важно. Гораздо важнее другое – справедливость.

Если бы первое испытание увенчалось успехом, он бы приговорил к смерти невинное существо. Так же, как когда-то приговорил своего сына. Андориса все еще била мелкая дрожь, когда он поднял руку, призывая к тишине. Когда в Спиральном Зале стало тихо, он огласил вердикт с такой уверенностью, которую никогда по настоящему не ощущал все эти годы.

– По обвинению в шпионаже, Ширис Бламира признается виновной и приговаривается к смерти без возможности воскрешения. Созданный ею теневой двойник признается невиновным. Более того, он наделяется всеми правами и привилегиями «человека или существа», несмотря на то что поддерживается мифалларом. Я понимаю, что тем самым создаю прецедент, но это моя прерогатива как Лорда Верховного Судьи Анклава Карсуса. Наконец, я выбираю не совсем обычный вид казни. Казнь будет одновременно и вторым испытанием. Обвиняемых доставят в Союз Тени, где каждая прикоснется к теневому мифаллару. Теневой двойник, естественно, не пострадает от этого, так как уже связан с ним в отличие от волшебницы Бламиры. Прикоснувшись к мифаллару, она тут же будет уничтожена.

Обе Бламиры начали готовиться ко второму испытанию, а зрители наверху разразились восторженными криками. Не обращая на них внимания, Андорис снял

маску и посмотрел на нее. По его щекам катились слезы, которые падали на холодную костяную поверхность и продолжали бежать по гладким, отполированным щекам маски. Андорис разжал дрожащие пальцы. Маска упала у его ног и с громким треском раскололась. Он больше не нуждался в ней.

УБИЙЦА ТЕНИ

Джесс Лебоу

*Год 3392 по исчислению Нетерила
(Год Изумрудных Рош,-467 ЛД)*

Влажный запах грязи висел в воздухе.

Олостин поставил ногу на последнюю ступеньку длинной лестницы. В подвале было темно и сыро, в дальних углах сустились невидимые в темноте крысы.

– Вы пришли, – сказал голос из темноты.

– Меня проводили, – отозвался Олостин.

– Вы хорошо нам послужили, – раздался другой голос.

– Спасибо, – кивнул Олостин.

– И вы преуспели в знаниях и силе, которую мы предоставили вам, – продолжил первый голос. – Ваши мародеры наносят ущерб окрестностям, а ваше имя вызывает страх в сердцах обывателей. Более того, даже архимаги заметили вас.

– Ваша дружба действительно очень мне помогла. Однажды я положу конец власти архимагов, и буду навсегда у вас в долгу.

Олостин поклонился на звук голосов.

– Тогда у нас есть для вас задание.

– Оно, без сомнения, увеличит вашу ненависть к правящей верхушке волшебников, – добавил второй голос.

– Конечно, – ответил Олостин, снова кланяясь. – Скажите мне только, чего вы хотите, и считайте, что дело сделано.

– Архимаг по имени Тень экспериментирует с новым видом магии, – объяснил первый голос.

– Он называет свой новый источник энергии Теневое Плетение, – вставил второй.

– Это Теневое Пленение может быть тем, с помощью чего архимаги смогут уничтожить нас.

– И чем же я могу помочь вам? – спросил Олостин.

– Убей Тень прежде, чем он узнает слишком много, – сказал первый голос.

– Как вам будет угодно, – ответил Олостин.

Он выпрямился и направился назад вверх по лестнице.

* * * * *

– Именем Олостина, подчинитесь или погибните! – Кай швырнул факел в дом с соломенной крышей и, пришпорив лошадь, понесся через деревню под названием Кат. Ночь наступила часом ранее, и луна только появилась над высокими утесами, обрамляющими край долины. Разгорающийся огонь на южной окраине Ката медленно озарял ночь, наполненную грохотом копыт почти сотни лошадей.

Дверь дома перед Каем распахнулись, и человек в ночной рубашке выбежал на улицу, спасаясь от разгорающегося пожара. Ставни того же дома со скрипом открылись, из окна повалил дым, и кашляющая женщина с темными полосами пепла на лице выскочила наружу с маленьким ребенком под рукой. Голова ребенка свешивалась на одну сторону, а нижняя часть тела болталась по широкой дуге.

Кай погнал сельских жителей к северной окраине поселка. Там, где Кат вплотную подступал к густому лесу, и ждала бегущих сельских жителей почти половина отряда налетчиков.

Мы окружим их и ограбим, думал Кай.

Он улыбнулся. Постоянное обогащение определенно было лучшим способом прожить свою жизнь.

Впереди кто-то закричал. Кай направил лошадь в ту сторону и остановился перед тупиковым проходом. Два других налетчика спешили и загнали селянку в угол. Она была одета только в легкое белое платье и одной рукой крепко держала тугой сверток перед собой. Другой она ощупывала стену переулка позади себя, не сводя пристального взгляда с мужчин перед нею. Ее волосы были взъерошены, полосы грязи или сухой крови очерчивали подбородок.

– Эй, – крикнул Кай, отвлекая их внимание. – Отведите своим удовольствиям другое время. Вы слышали Люма! Сгоняйте жителей к лесу. У нас нет времени на эти игры.

Два спешившихся мужчины что-то проворчали Каю и плюнули в сторону его лошади. И снова повернулись к женщине.

Проклятые дураки, подумал Кай и пришпорил лошадь вниз по дороге.

Насчитывающая не более тридцати домов деревня расширялась на южной окраине и сужалась к лесу. В неразберихе набега – неумолимого грохота копыт лошадей, горящих крыш, криков бандитов – селяне рассеялись и быстро попали в западню налетчиков. Кай резко направил лошадь к лесу, и... в следующее мгновение уже находился на земле, а его лошадь неслась уже далеко впереди. Его копчик и спина болели, в середине грудной клетки жгло. Он встряхнул головой, стараясь прояснить взгляд. Нечто громадное внезапно надвинулось на него из темноты. Фигура подняла руку, и Кай инстинктивно откатился в сторону. Тяжелая цепь ударила об землю. Кай подскочил, встал на ноги и выхватил из ножен ятаган.

Человек с цепью поднял оружие над головой, раскручивая обеими руками тяжелые звенья. Зрение Кая немного прояснилось, и он смог получше рассмотреть нападавшего. У него были длинные, нечесанные светлые волосы, одет он был в черные одежды, подвязанные на талии длиной веревкой. Он был босой. Шрамы пересекали лицо и предплечья. Один, возле уха, все еще был покрыт темными струпьями. Плечи бугрились мускулами, а руки легко удерживали вес цепи.

Он двигался быстрыми продуманными движениями, пропуская цепь между руками, делая дуги в воздухе вокруг себя.

Кай повернул меч в руке, клинок отразил свет огней. Он сделал выпад. Металл лязгнул, и кончик ятагана ударил в землю. Мужчина едва сумел удержать его за рукоятку, но цепь все еще двигалась быстрыми кругами. В ушах послышался глухой хруст, и Кай увидел звезды. Его челюсть онемела, и он почувствовал вкус крови. Его противник, казалось, стал очень, очень высоким, и Кай понял, что он снова оказался на земле. Он перекувыркнулся, поскольку цепь просвистела у его уха.

Кай пополз назад, увеличивая расстояние между собой и блондином. Цепь снова ударила в землю, взметая грязь в лицо Кая. Откатившись, налетчик вскочил на ноги и выставил перед собой меч. Противник кивнул и пригнулся, раскручивая цепь и перекидывая её из руки в руку.

На этот раз цепь пошла низко. Кай подскочил и в воздухе рубанул по плоской дуге. Кончик его меча рассек темную одежду и оставил глубокую рану в груди белокурого. Приземлившись на обе ноги, Кай прыгнул назад, избегая удара по голове. Цепь двигалась теперь быстрее. Она походила на стену металла, настолько быстро крутил её враг.

Кай потянул кинжал из ножен. Это было единственное зачарованное оружие, которое он имел. Развернув его в левой руке, он сжал наконечник лезвия двумя пальцами, и сделал обманный выпад ятаганом. Блондин поднял цепь в оборонительной дуге, целясь в рукоять меча. Кай пропустил лезвие под крутящейся цепью и занес кинжал для броска. Но противник был слишком быстр и изменил направление цепи, мешая Каю совершить точный бросок. Пытаясь удержаться на ногах, налетчик не смог бросить кинжал, опустив руку, чтобы удержаться от падения.

Цепь просвистела к земле, готовая снова бить вверх. Кай прыгнул вперед, стараясь оказаться как можно ближе к нападающему. Кровь забрызгала его ботинки – его ятаган глубоко ранил ногу блондина. Цепь изменила направление и, сильно ударив Кая в спину, швырнула его прямо на противника. Налетчик выпустил из руки кривой меч, отлетев от стены мускулов. Земля поднялась, и Кай еще раз оказался на камнях, устилавших грязные улицы Ката.

Цепь ударила снова, обернувшись вокруг тела. Холодные, тяжелые звенья обвинили налетчика и спутались с остальной частью цепи, сделав полный оборот вокруг тела Кая. Как только темный металл зазвенел сам об себя, налетчик почувствовал, что вновь летит наземь. Белокурый человек, подтянув его, прижал ногой к земле, Кай хрюкнул, поскольку из его легких вышел весь воздух. Сжавшись в комок под ногой противника, Кай изо всех сил пытался не потерять сознание. Он чувствовал, что цепь заскользила и начинала распутываться. Большой человек так сильно тянул цепь, что Кая развернуло на спину разматывающейся цепью. Он посмотрел вверх. Блондин нависал над ним: брови нахмурены, губы сжаты, а в глазах читалась ненависть.

Со всей силы выбросив вперед руку, Кай швырнул свой зачарованный кинжал во владельца цепи. Волшебное металлическое лезвие легко погрузилось в мягкую плоть шеи, и рукоять задвигалась, когда человек машинально сглотнул. Кровь полилась из раны. Блондин сделал шаг назад и поднял руки к горлу. Гнев и злость исчезли из его глаз, уступив место страху и неуверенности. Схватив рукоятку

кинжала, он вытянул лезвие из шеи. Кровь хлынула потоком, брызгами разлетаясь в воздухе.

Кай отползал, пытаясь подняться на ноги. Налетчик огляделся в поисках ятагана. Он лежал в грязи в нескольких ярдах от него. Пока Кай добирался до меча, чтоб поднять его, цепьеносец упал на колени, яркая красная кровь залила его руки, глаза выражали недоумение. Прежде, чем Кай поднял свой ятаган, враг упал лицом в грязь.

Кай глубоко вздохнул и огляделся. Огонь полностью пожрал дома. Крики и хаотичные звуки скачущих через деревню налетчиков смолкли. Его собственной лошади нигде не было видно, и он проклинал себя за то, что поехал мимо этого крутящего цепь бабуина. Он ощупал свое тело, чтобы оценить повреждения. Ушиб на груди, полученный при ударе цепью, когда его сбили с лошади, стал уже темно-фиолетовым. Копчик и спина опухли, но двигаться было можно. Он потерял несколько зубов, но челюсть, работала достаточно хорошо для того, чтобы он смог насладиться ужином возле походного костра этой ночью, и это было все, что ему требовалось знать.

Вкладывая меч в ножны, Кай подошел к блондину. Его зачарованный кинжал лежал между кончиков пальцев убитого. Цепьеносец лежал лицом вниз в большой луже остывающей крови. Кай вытер кинжал о темную одежду мертвеца.

Звук копыт заглушил треск горящих соломенных крыш. Кай развернулся на месте с кинжалом в руке.

– Что стоит отличный бой, если я говорю сам с собой.

Кай признал говорившего – Люм, капитан отряда налетчиков. Он подъехал на лошади и остановился перед лежавшим человеком.

– Сэр? – Кай посмотрел вниз на свои ушибы и кровоточащие раны.

– Я видел все это. Большинство... – он махал рукой, показывая через плечо в сторону леса и остальной части отряда, – валялись бы мертвым после схватки с таким человеком как этот.

– Спасибо, сэр.

Кай смотрел на лезвие своего кинжала, рассеянно вертя его в руках.

– Если бы все мои люди могли сражаться как этот, мы смогли бы взять Карсус без участия налетчиков Олостина.

Люм спешил, подошел к мертвецу и затем перевернул его ботинком.

Глаза человека были открыты, но уже ничего не видели. Рот широко открыт, как будто мужчина пробовал отдышаться, кровь все еще сочилась из его шеи, но уже начинала свертываться.

Люм окинул мертвеца внимательным взглядом и сказал:

– Ты знаешь, Кай, я думаю, что у меня есть для тебя работа. Зайди утром в мою палатку, и мы обсудим детали.

Люм вставил ногу в стремя и запрыгнул в седло.

– Между прочим, – сказал капитан, – основные силы вернулись в лагерь. Остальная часть отряда сторожит сельчан.

Люм повернул лошадь к деревне.

– И еще кое-что, Кай, – сказал он через плечо.

– Да, сэр?

– Желаю хорошо провести время у походного костра сегодня вечером, и не забудь получить свою часть добычи. В этот раз мы получили хорошие трофеи.
– Спасибо, сэр, я понял.

* * * * *

Вечерний праздник был великолепен. Добычи, полученной налетчиками, было больше чем когда-либо. Один из мужчин порылся в запасах Ката и выкатил наверх несколько бочонков хорошего красного вина и большую бочку меда. Того, что было в этих бочках, оказалось более чем достаточно, чтобы сделать приблизительно пятьдесят налетчиков из отряда Кая веселыми, как монахи в винограднике.

Походный костер бушевал. Вино лилось. Мужчины рассказывали истории своих побед в ходе набегов. Враги, с которыми они сражались, становились больше и страшнее по мере продолжения вечера. Богатство, которое они украли, стало состоянием, даже самые могущественные короли позавидовали бы ему. Они смеялись, танцевали и врали друг другу, пока все не упали без чувств. Потом они спали. Налетчики могли позволить себе лишнего в этот вечер, ибо их добыча была действительно велика. Капитан Люм не участвовал в посиделках у костра, но не стал рано будить людей после бурного празднества.

Да, жизнь таких как Кай очень даже удалась. У него была свобода делать то, что он хотел, разумеется, пока это не противоречило заданиям, что ему дали. К тому же, присутствовал дух товарищества с другими рейдерами. У него было богатство и вино, и время от времени даже привязанность дамы или двух. В целом, жизнь была хороша.

* * * * *

– Ты весьма быстр, Кай, – похвалил Люм. Кай проснулся как раз перед полуднем, и после того, как макнул голову в бочку для дождевой воды и повторно перевязал свои раны, полученные в ночном бою, отправился на встречу с капитаном.

– Спасибо, сэр.

Кай был не из военной семьи, но считал, что старших по званию надо уважать. Люм был капитаном отряда налетчиков и, по крайней мере, лет на десять старше Кая, поэтому он полагал, что этот человек заслуживает называться сэром.

– Садись, пожалуйста, – Люм указал на стул в углу палатки.

Кай кивнул и сел.

Палатка Люма была уютной. Гамак одним концом был прикреплен к шесту, держащему центр крыши палатки, а другим – к шесту в углу. Стол со стулом стояли в противоположном углу возле большого сундука. Бумаги были сложены аккуратными стопками на столе, рядом стояла большая трубка с водой. Она была зажжена, и Люм сделал несколько затяжек из неё, пока Кай устраивался поудобней.

Капитан наклонился вперед на стуле, опираясь на стол.

– Как давно ты в этом отряде, Кай?

– Приблизительно год, сэр.

– Так мало? – спросил он.

Кай кивнул.

– Ты знаешь, я не очень хочу признавать это, но я работал у Олостина в течение пятнадцати лет. И возглавлял рейдерские отряды в течение пяти лет. – Люм откинулся на спинку стула. – Я боюсь, что не помню всех юношей, которые приходили в отряд и уходили из него. Я думал, что ты давно уже в отряде, но полагаю, что я путаю тебя с кем-то еще.

Люм мгновение смотрел на свои ладони. Кай поерзал на стуле.

– Кай, я не отвечаю за ошибки других. Если человек в моем отряде совершает самоубийство, то это – его собственная ошибка.

Он оглядел молодого человека сверху донизу, затем посмотрел ему прямо в глаза. Кай мгновение выдержал его пристальный взгляд, а потом опустил глаза.

– Если я не помню, как долго ты был с отрядом, то только потому, что я видел сотни убитых, точно таких же, как ты. И сказать по правде, я не могу даже вспомнить ни одного из их имен. По мне, их, возможно, всех звали Кай.

Люм хмыкнул, но тут же стал серьезным и еще раз оглядел наемника.

– Я подхожу к сути, Кай. У меня есть для тебя работа.

– Сэр, – ответил тот, не уверенный, что еще он может сказать.

– Как я заметил, ты достаточно хорошо обращаешься с кинжалом, и сумел выжить вчера вечером. Я надеюсь, – продолжил Люм, – что ты сумеешь остаться в живых в этом небольшом проекте. Скажи мне, что ты знаешь о нашем прославленном лидере Олостине?

– Сэр, я знаю, что он борется за свержение тирании архимагов, сэр.

– Это самый практичный ответ, когда-либо слышанный мной.

Кай был поражен и начал подниматься, чтобы защититься. Люм вскинул руку и засмеялся.

– Всё в порядке, сынок. Ты понял основную идею.

Кай уселся обратно на стул. Он чувствовал себя так, словно его ругал отец.

– Ты хочешь остановить... тиранию архимагов?

Кай смотрел на капитана, задаваясь вопросом, к чему все это. Все эти вопросы о преданности и подтрунивания над его возрастом начинали его злить.

– Ну, Кай? – капитан повысил голос. – Ты веришь в то, за что мы боремся?

– Да, сэр, верю.

Кай стиснул зубы. Он не думал, что его представление предыдущим вечером было столь захватывающим, как капитан, казалось, верил, но как сказал сам Люм, он все еще был жив. Конечно, он не заслужил выговор за то, что убил опытного бойца в середине рейда. Эта встреча началась так хорошо, а теперь казалось, будто капитан обвинял его в том, что он шпион или кто-то еще.

– Ну, тогда, сынок, – спокойным голосом сказал Люм, – ты нужен мне, чтобы убить архимага Тень.

* * * * *

Поездка на спине грифона к плавучему городу заняла у Кая два дня. Архимаг Тень жил в Карсусе – городе, отличающемся от тех, что Кай видел прежде. Он плавал, но это было самым малым из того, чем мог похвастаться город.

Улицы были прямыми. Вдоль каждой по маленькому желобу текла вода. Метлы двигались сами по себе, сметая туда пыль и мусор. Мосты поднимали улицы над широкими реками, и прохожие ходили не только по кривым каменным строениям, но также по их внутренней стороне. Волшебники, осторожно неся пакеты с едой или охапки книг, небрежно шли вверх тормашками. В городском парке четверо пожилых волшебников в робах свободно вращались в воздухе, сосредоточив внимание на глобусе размером с дыню, которая парила между ними. Каждый по очереди замысловато передвигал ограненные драгоценные камни по глобусу и смеялся, поскольку результат их перемещений изменял положение, угол или скорость вращения одного из волшебников, принимающих участие в действе.

Казалось, что каждый в Карсусе использовал волшебство, и всё, что они делали, бросало вызов тому, что маленький Кай знал о мире и его устройстве. Дети играли на стенах зданий вместо того, чтобы играть на земле или в парке. Вода текла вверх и, в некоторых местах, по воздуху. Странные каналы, которые прочерчивали улицы, не имели начала или конца, они просто продолжали нести свежую, чистую воду через весь город. Люди, улыбаясь, вели молодых домашних драконов по оживленным городским улицам. Группы волшебников появлялись – как будто из ниоткуда – прямо в ходе беседы, очевидно, не сознавая, что обстановка вокруг них изменилась. Сумки и коробки плыли по воздуху, ни за что не подвешенные, но направляющиеся точно в пункт назначения.

Кай старался не таращить глаза по пути через город. Перейдя мост и спустившись на несколько блоков, он нашел высокое, узкое здание с дюжиной стоящих друг на друге дверей по всей высоте фасада здания. Резной деревянный знак на уровне улицы гласил: «Гостиница 'Врата Чарли'». Волшебники небрежно выплывали из дверей верхних этажей, залетали обратно, зависали в воздухе, закрывая двери за собой.

Кай арендовал комнату на несколько дней. Он хотел узнать о своей цели как можно больше, прежде чем окажется перед ней.

Хочется надеяться, думал Кай, что Тень будет настолько поглощен своими исследованиями, что не заметит моего появления.

Но на это молодой убийца мог лишь надеяться. В открытом бою, Кай, возможно, был в состоянии победить того искусного бойца в Кате, но архимаг был совсем другой историей. Если он не сможет убить быстро, чисто, неожиданно, то для него будет всё кончено. Как только он обосновался в комнате, он понял, что получит только одну возможность убить. И намеревался максимально использовать эту возможность.

Прежде, чем Кай уехал в Карсус, Люм открыл склад оружия отряда, чтобы позволить Каю выбрать снаряжение. Здесь были стойки с мечами, броней, луками, и даже вещи, которые Кай никогда прежде не видел. Работа, которую ему поручили, будет наверняка трудна, но дополнительное снаряжение могло сделать её немного легче. В конце концов, Кай просто взял маленький арбалет, волшебную кожаную броню, и свой собственный зачарованный кинжал. Лучше путешествовать налегке.

Кай достаточно легко проник в резную кирпичную башню, в которой жил Тень. Фактически, на двери не было даже замка. Не желая стать жертвой самонадеянности, убийца двигался через переднюю очень осторожно, проверяя через каждые несколько шагов наличие западни или волшебных глифов. Ему потребовался почти час, чтобы пересечь зал.

Но в длинной прихожей не было никаких ловушек. *По крайней мере, я не был разорван в клочья*, подумал Кай. Миновав угол, он вошел в очень большую, чрезвычайно богатую гостиную. Мародер в Кае трепетал. Возможно, Люму следовало бы послать его просто ограбить архимага. Богатства, находящегося в этой комнате, хватило бы, чтобы заплатить ста убийцам по десять раз. Стулья с высокими спинками стояли вокруг искусно вырезанного деревянного стола, серебряные подсвечники с камнями магического огня стояли вокруг окон, канделябры, украшенные драгоценными камнями, стояли на стойках, столах и подоконниках. Книги в кожаных переплетах были сложены в сотни опрятных рядов и лежали на более чем нескольких дюжинах больших книжных полок вдоль стен.

На противоположной стороне комнаты вдруг распахнулась дверь. Кай присел и кувыркнулся за один из стульев с высокой спинкой. Он вжался в мебель и затаил дыхание. Тяжелые шаги отозвались эхом по деревянному полу. Кай схватился за кинжал.

Шаги приблизились. Кай чувствовал легкое дуновение на щеке, и перед его глазами заплескали яркие пурпурные, желтые и серебряные цвета. Юноша мигнул, пытаясь очистить голову от одурманивающей магии, и цвета пропали – но они не были волшебными. Он узнал подол женской юбки. Молодая светловолосая женщина с серебряным подносом, одетая в тяжелую одежду, шла к месту, где скрывался Кай. Она стремительно прошла мимо и вышла из зала. Шаги затихли.

Кай встал, но тут дверь распахнулась снова. Нырнув за мебель, он был уверен, что на сей раз его заметили. Тяжелые шаги еще раз прошли по этажу. Кай спрятался за кафедрой, перекатился по полу вокруг стола и выскочил позади того вошедшего. Замахнувшись кинжалом по широкой дуге, молодой убийца резко замер. Та же самая блондинка, ярко одетая, которая прошла секундой раньше, снова была в середине комнаты, только на сей раз она несла большой серебряный кувшин. Она шла через гостиную, совершенно не беспокоясь о присутствии Кая.

Дверь открылась снова. Кай развернулся, держа перед собой кинжал. Светловолосая женщина входила в гостиную в третий раз, но теперь она держала в руках большую коробку. Ее блестящие синие глаза смотрели прямо вперед, и она двигалась к убийце. Два звука тяжелых шагов отозвались эхом на древесине, один впереди и один позади. Тряхнув головой, уверенный, что он подвергся магической атаке, Кай отпрыгнул с пути женщины, тяжело приземлившись на шикарный кожаный стул и сломав его, с грохотом рухнул на пол.

Поднявшись и отступив в угол, Кай осмотрел комнату в поисках любого способа убежать. Две блондинки – одетые в одинаковые пурпурные, желтые и серебряные льняные юбки, одна с кувшином, другая с коробкой – шли через гостиную. Ни одна не казалась хоть немного заинтересованной присутствием Кая. Они вышли через комнату в прихожую, с явным намерением доставить свои ноши по назначению. Юноша наблюдал за ними, стоя в углу и переводя дыхание.

Дверь открылась снова. Еще две женщины – те же самые женщины, которых Кай видел уже трижды – вошли в гостиную и направились в прихожую, эхо их тяжелых шагов повторялось, накладываясь друг на друга. Кай на сей раз не сделал никакой попытки скрыться, и женщины полностью его проигнорировали. Подобрав книгу, молодой убийца швырнул её в одну из блондинок. Книга ударилась с глухим стуком и упала на пол, однако ни одна из них не обратила на это внимания.

Если они не иллюзии, подумал Кай, то должны быть конструктами.

Поняв, что он не под чарами, Кай продолжил миссию.

С другой стороны комнаты была лестница, ведущая вниз. Кай пересек зал и двинулся по ней, по пути избегая големов. Лестница была длинна, и чем ниже он спускался, тем холоднее становился воздух. Старые деревянные ступени были местами деформированы, и Кай делал все возможное, чтобы избежать скрипа. Внизу был другой коридор. Дверь у основания лестницы была приоткрыта, и оттуда лился свет. Одна из одетых в пурпур женщин вышла из комнаты и направилась в гостиную. Скользя мимо конструкта, Кай заглянул в открытую дверь. Он видел кровать и прикроватную тумбочку в богатой, но грязной спальне. Кто-то шаркал с ящиком и небольшой пачкой бумаг вне его поля зрения. Кай потянул кинжал из ножен, вжался в противоположную стену, и стал ждать. Пот бисером выступил на лбу Кая. Шарканье в комнате продолжалось.

Ящик захлопнули, в поле зрения появилась фигура, севшая на кровать. Квадратная челюсть, песочно-каштановые волосы, зеленые глаза, маленькие очки в тонкой оправе, и бросающийся в глаза шрам на левой щеке – это был Тень. Выглядевший моложе, чем Кай ожидал, этот человек полностью соответствовал описанию Люма. Внимание архимага было сосредоточено на большой куче бумаг, которые он держал в руках – он делал пометки на них кусочком древесного угля.

Кай глубоко вздохнул и начал. Замахнувшись кинжалом, он ворвался в комнату, швыряя зачарованное лезвие в Тень. Волшебник даже не отвлекся от бумаг. Он просто махнул рукой, и кинжал остановился в воздухе. Хуже того, Кай встал замороженный, неспособный мигнуть или даже вытереть льющийся со лба пот.

Достаточно долго Тень просто продолжил читать свои бумаги, небрежно пролистывая их, как будто в его спальне не было волшебного остановленного убийцы. В конце концов, он закончил с работой, поправил бумаги, и обратил внимание на Кая.

– Не слишком ли вы юны, чтобы быть убийцей? – спросил он.

Кай не ответил. Это было его первым убийством, поэтому он действительно не знал, как следовало действовать. Похоже, что теперь он никогда не получит возможности выяснить это.

– Неважно, – продолжил архимаг. – Ваш возраст мне безразличен. Но, однако, факт, что вы попробовали убить меня. Так? – он посмотрел Каю прямо в глаза. – Как вы думаете, что мы должны сделать теперь?

Кай попробовал плюнуть в человека, показывая свое негодование и презрение к волшебникам, которые слонялись без дела с мощным, потусторонним волшебством, которое, он был уверен, приведет к гибели всего мира, но не смог. Он не мог пошевелить губами или даже языком.

– Ну? – спросил архимаг. – Вы собираетесь мне отвечать?

Маг захихикал, оперся руками в колени и встал с кровати. Он взял зачарованный кинжал оттуда, где он остановился в воздухе.

– Очень хороший, действительно очень хороший, – прокомментировал он, – но я не использую такого вида игрушки. – Он пошел к комоду и положил на него кинжал. – У меня их немного, я их храню как подарки от убийц, которые больше всего заинтересовали меня, но, в общем, я не люблю пользоваться ими. Вся эта кровь и всё такое. – Тень сморщил нос, – нет, магия намного более чистая.

Он взял жезл с прозрачным камнем на конце и кожаной лентой.

– И, – добавил он, идя назад к Каю, – намного более интересная и назидательная. Только подумайте, если бы я просто ткнул вас вашим ножом несколько раз, то уверен это было бы больно, и умерли бы вы довольно быстро, мука, которую вы испытывали, закончилась бы. С магией... – он размахивал палочкой, – я могу поймать вас в ловушку в этом кристалле. Там вы умрете медленно, поскольку ваши предшественники иссушат вашу силу и сдерут вашу кожу.

Он тепло улыбнулся Каю, который был все еще неспособен двигаться.

– Но самое лучшее, однако, то, что, как только вы умрете, ваше наказание не закончится. Вы возродитесь как тень, и будете существовать остальную часть вечности как эфирное существо, неспособное ощущать материальный мир. Это кажется гораздо более ужасающим, не правда ли?

Кай хрюкнул, пробуя всё силу вложить в движение пальцами.

– Да, я уверен, что вы согласились бы, что это является намного худшим, чем просто смерть.

Тень отвернулся от двери и занялся уборкой комнаты.

– Хотя я не хочу, чтобы вы думали, что, заманив вас в ловушку в этом жезле, я совершу легкий подвиг.

Кай продолжал бороться, получив капельку надежды – он мог теперь шевелить пальцами ноги и сжимать мускулы в челюсти.

– Мне потребовались годы, чтобы довести этот артефакт до совершенства, – продолжил архимаг. – Правда, заклинания заключения достаточно просты, о чем вы теперь, я уверен, знаете.

Тень продолжал возиться в комнате.

– Нет, это – преобразование человеческой плоти в иллюзорную, оказалось хитрым делом, хотя и возможным.

Кай чувствовал, как теплота разлилась по его рукам и груди, и он смог немного шевельнуть ногой.

Тень смотрел на жезл с почтительным благоговением.

– Это небольшое устройство представляет наибольшую работу моей жизни. Вы знаете, – сказал он, говоря с Каем, а скорее, с собой, – я уже долго живу, и как мне кажется, мы растем, а вещи только продолжают становиться меньше и меньше. – Он хихикнул. – Я предполагаю, что это то, что мы называем прогрессом.

Кай почти восстановил контроль над телом. Если Тень продолжит развлекать себя еще несколько минут, то он смог бы преодолеть чары. Наемник предпочитал умереть при попытке побега, нежели стоя, как глупый осел.

– Так или иначе, хватит детской болтовни, – архимаг вновь обратил внимание на молодого убийцу и нацелил в него жезл. – Думаю, что я сначала должен выяснить,

кто нанял вас, прежде чем от вас избавляюсь. Я предполагаю, что вы действуете не из личных побуждений. Вы слишком молоды для этого.

Стена позади Тени взорвалась. То, что казалось твердым камнем, было секретной дверью, сделанной из дерева, и осколки украшенной камнями двери, осыпали двух мужчин. Два гигантских огра стояли наверху лестницы в проломе.

Кай отбросило на пол рядом с кроватью. Тень был слишком занят первым убийцей, чтобы защитить себя от двух новых, и потому рухнул лицом в пол. Огры не тратили впустую времени, и ворвались в комнату, чтобы ударить упавшего архимага. Кулаки огромных размеров начали бить волшебника. Зверюги действовали слаженно, избивая человека и одновременно отражая удары. Потом один вытащил из-за спины большой меч. Лезвие вышло из ножен с жирным скрипом.

Кай наконец-то обрел контроль над своим телом, поднялся на ноги, вытаскивая большие осколки из своей кожи. Огры не замечали его, превращая Тень в кровавую кашу прямо в середине дверного проема. Он огляделся в поисках спасения.

Если огры вошли сюда, то должен быть и выход, думал он.

Он глубоко вздохнул, успокаиваясь. Секунду он приводил в порядок мысли в своем расшатанном мозгу. Что, если там было еще больше огров? Что, если они использовали магию чтобы проникнуть в нижние покои? Если он пойдет туда, то не попадет ли в ловушку?

– Поднять его, – закричал огр с мечом.

Другой хрюкнул, прекратил бить архимага, наклонился и поднял человека за одежду.

Кай повернулся к двери, решая рискнуть. В то время, как огры готовились обезглавить Тень, молодой убийца миновал дверь, надеясь проскользнуть на свободу позади занятых делом зверюг и обреченного архимага.

Он сделал два больших шага и пригнулся, приготовившись прорваться напролом. Огр, держащий Тень, сделал полшага назад точно в тот момент, когда Кай неся через комнату, и врезался в бегущего человека. Два убийцы запутались друг в друге, и оба рухнули на пол – Кай, кубарем полетел в прихожую, а огр в дверной проем. Тень оказался на ногах, поскольку огр, падая, рывком поднял его с пола.

Жезл все еще был в его руке, он крикнул:

– *Шадоминиаропалазитси!* – и направил увенчанный кристаллом кончик жезла на поднимающегося огра.

Темный серый поток вырвался из жезла и полетел прямо в убийцу-огра. По мере приближения к монстру поток начал изгибаться и разделяться. Он сформировал вихрь тьмы вокруг зверюги, и серые частицы потока начали отделяться и принимать особые, человекоподобные формы. Тени имели узкие, удлиненные головы, и веретенообразные, уродливые конечности, они кружили всё быстрее вокруг огра. Тот стоял, подняв меч над головой и вытаращив от ужаса глаза.

Тени напали, налетев на вооруженную фигуру, и начали рвать её когтями, которые, казалось, появились из ничего. Кай слышал завывание зверюги, испытывающей боль, но никакой крови не было видно. Вместо этого огр опустил меч и медленно оседал на пол, грохнувшись, в конце концов, с глухим звуком как мешок лошадиного навоза.

Кай вскочил на ноги и припустил вверх по ступеням. Он видел достаточно. Со скоростью, какой раньше никогда не развивал, он помчался вверх по лестнице, избегая ярко украшенных служанок, и выскочил во входную дверь. Он бежал, не оборачиваясь, и только летя на грифоне назад с докладом к Люму, он осознал, что у него больше нет его зачарованного кинжала.

* * * * *

Прибыв в лагерь на рассвете второго дня, Кай вбежал в палатку Люма.

– Сэр, у меня ужасные срочные новости.

Люм сидел за столом и завтракал. Лихорадочное появление юноши поразило капитана, он чуть не подавился и закашлял с полным ртом.

– Во имя всех богов, что ты делаешь! – закричал он, почти тут же его тон изменился. – О, Кай!

Люм встал.

– Что это, парень? Ты убил архимага?

– Нет, сэр, я этого не сделал.

Люм ударил рукой по столу:

– Тогда, что ты делаешь здесь?

Кай быстро и сбивчиво рассказал Люму все детали его покушения. Он не пропустил ничего, и капитан внимательно выслушал всю историю. Потом настала его очередь говорить.

– Действительно ли ты уверен, что они были теньями, вышедшими из палочки? – спросил он.

– Да, сэр, я абсолютно уверен.

– Боги. Жезл с такой силой может...

Повернувшись, он обхватил ладонями голову, и начал ходить позади стола и по периметру палатки. Через несколько мгновений он вышел из задумчивого состояния, посмотрел на Кая и тряхнул головой.

– Но ты потерпел неудачу. Я должен был знать, что цепьеносец не был достаточным противником, чтобы определить, сможешь ли ты убить архимага.

– Сэр?

Люм заговорил, кружа по комнате:

– Цепьеносец, сынок! Я послал его, чтобы проверить тебя. Как ты думаешь, откуда человек с такими навыками в такой деревне как Кат?

– Вы послали белокурого человека из-за меня, сэр? Но, я... я не понимаю.

– Ты действительно глуп, мальчик? Я заслал человека в Кат и заплатил ему, чтобы он напал на тебя, – ответил Люм.

– Но... но почему? Тот человек чуть не убил меня.

– Чтобы увидеть, годен ли ты для такой работы, – объяснил он. – Но, очевидно, это был неподходящий тест.

Кай стоял с опущенными руками и широко открытым ртом.

Люм еще некоторое время шагал взад-вперед, потом взглянул на Кая.

– Дитя, хватит плакать. Ты жив. Все, что осталось сделать, это вернуться, чтобы убить Тень и получить ту палочку. – Люм подошел к юноше и положил руку ему на

плечо. – Несмотря на то, что ты потерпел фиаско, ты можешь предоставить нам – и непосредственно нашему лидеру Олостину – реальную возможность избавить мир от надменного архимага.

Кай только зло смотрел на Люма.

– Сынок, если мы получим ту палочку, – объяснил капитан, – мы сможем использовать её против Тени и ему подобных. Мы пробовали убить этого человека в течение многих лет, и теперь мы сможем, наконец, использовать его собственное изобретение против него. Ну, разве это не прекрасно?

Он улыбнулся и хлопнул Кая по плечу.

– Ты знаешь, Кай, я посылал бесчисленное количество убийц к Тени за эти годы, и ты первый вернулся живым. Ты должен гордиться этим. Ты – один из многих, и теперь ты получишь возможность закончить свою миссию.

Кай отодвинулся от капитана:

– Делаете, что вы хотите, но я не буду больше иметь с этим дела.

Люм прищурил глаза и пристально посмотрел на него.

– Ты сделаешь то, что я тебе говорю, или ты труп, – он шагнул к Каю и положил руку на рукоять сабли.

Кай не дрогнул перед ним:

– Однажды вы уже послали меня на верную смерть. Я не вернусь туда.

Капитан выдернул меч из ножен со скрипом, ударив Кая прямо под челюстью. Молодой убийца упал на спину, прижав руку к лицу, пытаясь остановить поток крови, и пристально посмотрел на капитана. Два вооруженных охранника с обнаженными мечами вошли через откидную створку палатки.

– Отведите его в его палатку, – приказал мужчинам Люм. – И удостоверьтесь, что он никуда не денется.

Он глянул на юношу, лежащего на полу.

– Он скоро понадобится, чтобы закончить его неудавшееся дело.

* * * * *

Два дня спустя Люм послал группу охранников сопровождать Кая к складу оружия отряда. Там капитан давал инструкции маленькой группе мужчин.

– Я лично возглавлю вас, чтобы удостовериться, что на сей раз мы преуспеем там, где Кай потерпел неудачу, – произнес Люм.

Он улыбался Каю, пока охранники освобождали связанного юношу.

– Кай отправится вперед один, под моим наблюдением, предоставив необходимые данные о доме Тени и его привычках.

Он оглядел толпу собравшихся убийц.

– Если этот человек, – Люм указал на Кая, – попытается убежать, или любым другим способом избежать своих обязанностей, он должен быть казнен. Вам это ясно?

Каждая голова в отряде кивнула в знак согласия.

Каждому из убийц дали специальные ботинки, заглушавшие звук шагов, специальный плащ, в котором труднее было их увидеть, и амулет, делающий их менее восприимчивыми к эффектам магии Тени.

– Они не будут защищать от теней, – объяснил Люм, – но они сделают вас менее подверженными волшебству архимага.

Кай стиснул зубы. Эта миссия была бы не нужна, имей он один из этих амулетов при первой попытке.

Люм дал каждому из мужчин легкий арбалет с единственным болтом, и маленький кинжал.

Они поехали в Карсус.

По плану Кай во главе других убийц проникает в спальню Тени, где они сокрушат его с явным превосходством в численности.

– Архимаг не будет использовать что-нибудь смертельное в маленькой комнате, – рассуждал капитан. – Более вероятно, что он попытается подчинить нас, как он сделал с Каем, или внушит целой группе, что он – наш союзник и у него с нами общее дело. Мы не позволим этому произойти. Как только он появится в поле зрения, мы разряжаем в него арбалеты. Болты, которые я дал вам, усилены волшебством, чтобы обеспечить прекрасную пробивную силу. У вас есть только один болт, ибо, если вы промахнетесь, времени на другой выстрел не будет. Застаньте его врасплох, и он не сможет использовать заклинания, и мы все выйдем живыми с этого задания.

Люм посмотрел на каждого убийцу по очереди.

– Как только Тень умрет, мы найдем его жезл, выберемся оттуда и отпразднуем.

Рейдеры издали громкий возглас. Кай держал рот закрытым. Задание обещало быть не из легких, и он знал, что большинство этих мужчин, включая его самого, могут не вернуться. Он лишь надеялся, что один из тех, кто не вернется в лагерь, будет капитан Люм.

При входе в богатый дом Тени, Люм ткнул кончиком сабли в ребра Кая:

– Теперь будь хорошим парнем и проводи нас.

Кай провел бесшумную, почти невидимую группу убийц через длинную прихожую в расположенную внизу комнату. В полной тишине отряд обходил светловолосых конструкторов и двигался вниз к спальне.

Так же, как и прежде, дверь в конце зала была приоткрытой, оттуда лился свет. Кай поманил других убийц и прижался к стене напротив. Налетчики подчинились и обошли его, занимая позиции с обеих сторон двери. Люм встал позади Кая и кивнул ожидающим бойцам. Один из них протянул руку и тихо посчитал пальцами до трех, затем он проскочил в дверь, другие последовали за ним.

С того места, где он стоял, Кай мог только видеть, что мужчины покинули холл. Из-за ботинок, что они носили, он не мог даже услышать, как они двигались. Он и капитан Люм ждали звуков драки или брошенного заклинания, но их всё не было. Через несколько секунд тишины один из мужчин вернулся в холл и махнул им. Люм толкнул Кая плечом, и тот двинулся к двери впереди капитана.

В спальне все еще был беспорядок, но стена была заделана в том месте, где огры ворвались в комнату. Убийцы стояли, бросая нервные взгляды по сторонам, как будто что-то невидимое могло подкрасться к ним. Кай двинулся к стене, остановившись у комода, где все еще лежал его зачарованный кинжал.

Я предпочитаю умереть с этим в руке, подумал он. И взял клинок.

Когда он достиг участка стены, где была секретная дверь, то положил ладонь на место, где, по его мнению, мог бы начинаться проем. Его пальцы прошли через стену.

Архимаг не восстановил сломанную стену, он просто заколдовал отверстие. Надо было просто пройти через иллюзию, чтобы добраться до лестницы.

Кай распрямился и направился в холл, к ожидающему его Люму.

Капитан впился взглядом в Кая и спросил:

– Что происходит?

– У Тени есть лаборатория в подвале за той стеной. Он наложил иллюзию на пролом, чтобы заставить нас думать, что стена целая, но на его месте я бы оборонялся иначе. Я думаю, что лучше затаится здесь и ждать его появления.

Люм кивнул и толкнул Кая обратно в дверь. Капитан расположил убийц в стратегических местах в комнате, потом вернулся в прихожую, взяв с собой Кая, чтобы подождать в относительной безопасности.

Прошло несколько часов. Убийцы ждали. Наконец стена заколыхалась. Тень смотрел на хитрое изобретение в его руках и нисколько не обращал внимания на окружающее. Палочка была на поясе его одежды, и у него, казалось, не было ни ушибов, ни шрамов, которые должен иметь человек, жестоко бившийся с двумя ограми.

Сделав два шага по спальне, архимаг понял, что что-то не так, и начал творить заклинание. Убийцы разрядили арбалеты, и человек закричал, роняя изобретение, и отшатнулся к кровати. Заклинание замерло на его губах.

Кай видел, как волшебник упал на колени, и Люм, издав взволнованный визг, вбежал в комнату с кинжалом в руке. Тень держал руки на уровне груди и смотрел в пол. Он истекал кровью.

– Ну, ну, ну, – пропел Люм. Он стоял в нескольких шагах от архимага с широкой улыбкой на лице. – Не могущественный архимаг Тень ли это? Знаете, как долго я пытался убить вас?

Маг поднял глаза от пола, заканчивая произносить слова заклинания. Волшебные болты, выступившие из его тела, пролетели через комнату и попали в убийц, которые выпустили их. Каждый замертво упал на пол с болтом, торчащим из лба. Тень продолжал истекать кровью, и он поднял руку в попытке наколдовать заклинание исцеления. Его кожа была бледной.

– Нет. Если честно, – сказал волшебник. – Вы делали ставки на то, когда меня убьют?

Люм не стал тратить времени даром. Он подскочил к волшебнику и свалил его на пол, одной рукой он выхватил жезл у него из-за пояса, а другой – приставил кинжал к горлу Тени.

– Позвольте мне представиться. Меня зовут Люм, и я работаю на Олостина.

– Да. – Тень тяжело закашлял. – Да, я узнаю имя. Приятно познакомиться.

– Поверьте, мне тоже приятно.

Он повернулся к Каю.

– Это та палочка, о которой ты говорил? – спросил он, показывая жезл с кристаллическим навершием.

– Кажется, да.

Капитан сделал шаг назад и снова повернулся к архимагу.

Видя, что никто из банды не наблюдает за ними, Кай напал на Люма с кинжалом:

– Умри, свинья!

Капитан увернулся от удара, но оступился в сторону.

Кай снова сделал выпад в спину капитана. Зачарованное лезвие, пропоров кожаную броню Люма, оставило длинную и глубокую кровавую рану в боку капитана.

– Ты глупый дурак, – зашипел Люм.

Мгновенно выхватив саблю, капитан сделал два быстрых косых удара.

Кай парировал первый удар, но второй попал чуть ниже его запястья, выбивая кинжал из его руки.

Люм ударил снова. Кай отступил назад, избегая лезвия, и упал спиной на кровать. Юноша перекатился на пол напротив Тени, сжимая запястье там, где его порезал Люм.

Капитан направил жезл на двух мужчин на полу.

Архимаг с трудом дышал, но всё-таки нашел силы засмеяться:

– Вы не сможете его использовать. Вы не знаете управляющее слово.

– Ты не прав, волшебник, и теперь я собираюсь уничтожить тебя твоей собственной игрушкой.

Люм улыбнулся Тени.

– Как нелепо, что ты провел большую часть своей жизни, совершенствуя этот инструмент, – он взмахнул жезлом, – только для того, чтобы, в конце концов, быть убитым им же.

– Вы не знаете, с какими силами связались, – Тень закашлялся, кровь выступила в уголке его рта.

– Ты тоже, – Люм выставил руку и сказал слово, которое Кай повторил ему два дня назад в лагере. – *Шадоминиаропалазитси*.

Еще раз столб темно-серой плазмы стремительно вытек из жезла. Он направился прямо к согнувшемуся архимагу, по пути превращаясь в человекоподобные силуэты. Бьющий вперед поток теней разделялся на отдельные завихрения. Тень инстинктивно поднял руку, чтобы защитить лицо, но на этот раз вихрящиеся тени закрутились водоворотами, и, дрожа, разлетелись по всей комнате. Они заполнили каждый угол и каждое темное место.

Потом разрозненные тени начали собираться вновь, формируя вокруг капитана Люма вихрь.

– Что случилось? Что происходит? – закричал он.

– Разве ты не видишь, глупец? – спросил архимаг. – Разве ты не узнаешь ни одной из тех теней?

– Нет, нет, я не знаю!

Люм размахивал кинжалом вокруг себя.

– Отстаньте от меня, – закричал он. – Идите вон, слышите.

Тень встал с пола.

– Неужели ты не узнаешь никого из твоих прежних убийц? – спросил архимаг.

Лицо Люма осунулось, взмахи оружием на мгновение замедлились.

– Правильно, – улыбнулся Тень, – я наказал твоих убийц, превратив их в тени и заманив в ловушку в этот жезл, ты только что освободил их, и теперь они отомстят тебе за свои вечные страдания.

Тени не тратили впустую времени, плавая вокруг ошеломленного капитана и касаясь его, в то время как тот слушал архимага.

Колени Люма дрогнули, и он снова принялся лихорадочно размахивать кинжалом:

– Но ты был тем, кто убил их, – закричал он.

– Они не обвиняют меня в том, что я защищался от них. Они обвиняют тебя в том, что ты послал их, чтобы убить архимага. Ты должен знать, что не стоит связываться с силами, неподвластными тебе.

Люм устал, его защита ослабла. Дикие взмахи кинжалом замедлились, и тени дотрагивались до него всё чаще. Он осел на пол и поднял голову, обращаясь к Тени:

– Это прекрасная речь для тебе подобных.

И рухнул на пол. Его голова с глухим звуком стукнулась о деревянные доски пола.

Тени стаяй вращались вокруг обмякшего тела на полу. Темные очертания сформировались вокруг трупа капитана, потом соединились в человекоподобную тень, поднявшуюся в воздух и присоединившуюся к вращающейся массе теней. Затем они бросились к жезлу, все еще сжимаемому мертвой рукой Люма. Темный серый поток, приблизился к кристаллу, и так же быстро, как тени появились, они исчезли.

Архимаг сунул руку в рукав своей одежды и вытащил большую фиолетовую бутылку. Откупорив пузырек, он стремительно выпил содержимое до дна. Странный белый жар окутал его кожу, и кровотечение остановилось. Он выглядел намного лучше, хотя и не совсем целым и здоровым.

Он посмотрел на Кая, который все еще сидел на полу, сжимая истекающее кровью запястье, и сказал:

– Как я уже говорил, ты совсем ещё молод, чтобы быть убийцей. Я предлагаю тебе, найти себе другую работу.

Сказав это, он развернулся и ушел через иллюзорную стену.

Кай глянул на труп капитана Люма, кивнул, повернулся и пошел вверх по лестнице, избегая симпатичных блондинок-големов по пути.

СЛИШКОМ ДОЛГО ВО ТЬМЕ

Пол С. Кемп

Нетерильский год 3520

(Год Разорванных Сетей, -339 СД)

Зоссимус смотрел с восхищением, как могучий ястреб, перестав внезапно кружить в вечно сумеречном небе Шейда, стал стремительно пикировать вниз. Белка, скакавшая по газону с буйной растительностью во внутреннем дворе виллы, слишком поздно почувствовала грозившую ей опасность. Несчастный грызун жалобно пискнул, когда когти хищника вонзились в его маленькое тело. Смерть была быстрой, но, несомненно, болезненной.

Зоссимус, сидя на любимой скамье у зеркального пруда, одобрительно кивнул, когда ястреб начал поедать свою добычу.

– Отличная работа, маленький охотник.

Смерть должна всегда достигать свою жертву неожиданно, будь то добыча или враг. С годами Зоссимус хорошо усвоил этот урок. Его усвоили все главные маги города. Соперничество Шейда с нетерийскими летающими городами-побратимами подвигло его чародеев на поиски более необычных источников магии и более неожиданного магического оружия. Совсем недавно после долгого изучения записей архимага Тени они узнали о новом источнике и сразу же стали им пользоваться. Магия черпала силу не из Плетения, а из Теневого Плетения, как называли этот доселе неизвестный альтернативный источник магической энергии. Чародеи Шейда пока не знали всех его возможностей – знали только, что он связан с непредсказуемыми силами Плана Теней.

Чтобы удобнее черпать эти силы, а также для дальнейшего изучения Теневого Плетения, Двенадцать Принцев Шейда переместили город на границу между Фаэруном и Планом Теней, между светом и мраком. Вечно окутанный серыми тенями, город уже многие годы не видел яркого света фаэрунского солнца. Зоссимуса не беспокоила жизнь в постоянной темноте, он считал это небольшой ценой за магическое превосходство Шейда над другими городами. Однако Дженна думала иначе.

Его возлюбленная ненавидела темный город и давным-давно покинула бы его, если бы не Зоссимус. При первой возможности она просила мага, чтобы он перенес их на залитые солнцем равнины внизу, где она смеясь бегала по траве среди благоухающих цветов. Зоссимус улыбнулся, вспомнив ее длинные волосы, которые блестели на солн...

Внезапно, без предупреждения, привычное ощущение Плетения исчезло. Ястреб с криком поднялся в воздух, бросив на траве окровавленные останки.

Зоссимус почувствовал, как внутри него образовалась пустота. Где-то в глубине он все еще ощущал присутствие Теневого Плетения, но исчезновение обычного Плетения, главного источника его магической силы, лишило чародея половины его сущности. Заклинания, заготовленные сегодня утром, стерлись из памяти – начисто. Зоссимусу хотелось закричать, но он мог лишь задыхаясь хватать воздух разинутым ртом. Уши заполнил рев, в висках застучало, мозг словно жгли раскаленные угли. Маг упал на колени и обхватил руками голову, пытаясь оторвать ее, чтобы умереть и тем самым прекратить невыносимую боль, и чтобы заполнить пустоту забвением.

Магические чары, следившие за растениями во внутреннем дворе, хлопнув, исчезли. В изысканном фонтане в виде горгульи перестала течь вода, постоянный круговорот которой поддерживался магией. Летающие конструкции-стрекозы, рубиновая и изумрудная, – Зоссимус так долго над ними трудился, чтобы преподнести в качестве подарка Дженне – безвольно упали на газон. Искусственный свет волшебных стеклянных сфер погас. Внезапная догадка осенила Зоссимуса, он понял: вся магия Фаэруна, источником которой являлось Плетение, исчезла. А это значило – вся магия, за исключением экспериментальной теневой, которую практиковали только в Шейде.

«Почему?» хотел он крикнуть, но из груди вырвался лишь низкий стон.

Летающая вершина горы под его ногами, на которой был построен Шейд, стала падать на землю. Желудок Зоссимуса подпрыгнул, и все, что он съел сегодня на обед, подкатило к горлу. Яркие, пестрые птицы, сидевшие на деревьях и папоротниках во дворе, разом встрепнулись и взлетели – как крылатые крысы, бегущие с тонущего корабля под названием «Шейд». По всему городу раздавались крики и вопли. Они были слышны даже в уединенном внутреннем дворе Зоссимуса. Казалось, весь город кричит в один голос. Шейд падал...

Зоссимус, парализованный болью и страхом, ждал удара, который убьет их всех.

Через несколько ужасных мгновений падение замедлилось, а потом и вовсе прекратилось. Зоссимусу, все еще находившемуся в шоке, понадобилось какое-то время, чтобы понять, что произошло.

Теневая магия! Исчезновение Плетения не повлияло на Теневое Плетение. Двенадцать Принцев, должно быть, обратились к нему, чтобы спасти Шейд, чтобы не дать ему разбиться об землю. Думая об этом, Зоссимус мысленно видел другие летающие города Нетерила, которые устремились к земле, когда магия, позволявшая парить в воздухе, исчезла. Они погибли под яркими солнечными лучами, в то время как Шейд спасется в вечном сумраке – *благодаря* вечному сумраку. Другие летающие города, когда-то яркие свидетельства устрашающего могущества нетерийских магов, превратятся в грандиозные гробницы для десятков тысяч.

Город снова начал падать, на этот раз медленнее. Испытываемое Зоссимусом чувство удовлетворения испарилось. Ведь Теневое Плетение могло и не годиться для полетов. Зоссимус догадывался, что даже сейчас во Дворце Наивысших Двенадцать Принцев пытаются выжать из этого источника как можно больше теневой магии для удержания Шейда в воздухе.

У них не получалось.

Зоссимус старался не паниковать. Он бы присоединился к ним, если бы мог: привел бы в порядок свои мысли, стойко перенес потерю Плетения и прибавил к их усилиям свое немалое магическое мастерство. Но заклинание телепортации пропало, когда Плетение было разрушено. Чтобы пересечь город пешком, понадобится полчаса. К тому времени, когда он доберется до дворца, судьба города уже будет решена.

Шейд продолжал падать, наращивая скорость. Еще какая-нибудь тысяча футов, и все будет кончено. При столкновении с землей погибнут все, если не от удара, то от его последствий. Вершина горы, на которой стоял Шейд, имела неровное основание, и даже если удастся значительно снизить скорость падения, приземление не будет мягким. Вершина повалится на один бок, и жители окажутся погребенными под тяжелой лавиной домов и стен.

Зоссимус почувствовал непреодолимое желание увидеть Дженну. Если ему суждено умереть, он умрет рядом со своей возлюбленной.

– Дженна...

Внезапно с юга донесся крик, заглушивший его голос, – вопль восторженного триумфа, громкий как десять циклонов Козаха. Его сила тяжелой кувалдой ударила по Шейду, заставив город накрениться подобно смытому грузу на волнах небесного

океана. Зоссимуса охватил страх, он упал лицом в траву и выругался. Он узнал этот голос... Карсус.

– Мистрил! Твоя сила стала моей! – гремел Карсус, голос его отдавался эхом в небесах.

Шейд выпрямился, но продолжал снижаться. Зоссимус поднялся на четвереньки.

– Карсус, надменный осел, – процедил он сквозь зубы.

Он нисколько не сомневался, что это конец света, и что Карсус имеет к нему непосредственное отношение.

В небе снова загрохотал голос Карсуса, но на этот раз Зоссимус различил лишь рыдания и беспредельное отчаяние.

Крик резко оборвался. Мир, казалось, затаил дыхание и молча ждал. Но ничего не последовало.

Шейд продолжал падать.

Зоссимус захотел обнять Дженну. У него, возможно, еще есть сотня ударов сердца. Он вскочил на ноги и помчался к вилле. С окна на втором этаже бешено хлопая крыльями слетела маленькая фигура. Плиансис, фамилиар Зоссимуса, несся стрелой, выпущенной из лука, – размытое пятно зеленой чешуи и мембранных крыльев.

Не сумев вовремя затормозить, испуганный маленький квазит врезался в живот Зоссимуса, запутавшись в просторном одеянии. Человек и демон повалились наземь. Плиансис заверещал высоким голосом, выкрикивая ругательства:

– Черт бы тебя побрал, пурпурная гадость! Я разорву тебя на лоскутки, жалкая мантия! Как смеешь ты оскорблять Плиансиса Могучего?!

Зоссимус схватил маленького демона за левую ногу и вытащил его из складок одежды.

– Хватит!

Квазит продолжал порхать в его руке. Метнув последний злобный взгляд красных глаз на мантию, демон одарил Зоссимуса своей самой обаятельной зубастой улыбкой.

– Ладно, босс. Я ведь несерьезно. Эм-м, поосторожней с ногой.

Зоссимус отпустил Плиансиса и встал. Квазит парил перед его лицом чешуйчатой клыкастой колибри, требующей к себе внимания.

– Босс...

– Не сейчас, Плиансис, – отмахнулся чародей и поспешил к вилле. А город все падал. Он чувствовал это. Если бы у них с Дженной были крылья, как у Плиансиса...

Плиансис летел рядом не отставая. Клыкастый рот демона двигался так же быстро, как его крылья.

– Что происходит, босс? А? Я не могу даже телепортироваться. Что-то случилось с кольцом. Вот смотри!

Зависнув в воздухе, Плиансис скукожился и стал усердно пытаться... что-то сделать. Прилагая усилия, он зажмурил глаза и сжал свои маленькие кулачки.

– Уф... уф...

Зоссимус рассмеялся бы, если бы не конец света. Вся магия исчезла, а Плиансиса заботит только его любимая игрушка, вдруг переставшая работать.

– Видишь, босс? Ничего! Вообще ничего! Я бы не смог переместиться, даже если бы захотел. Точно говорю!

Зоссимус остановился, сгреб фамилиара и, прищурившись, спросил:

– Где Дженна?

– Что? Кого это волнует? Я здесь, и мое кольцо не работает!

Зоссимус знал, что квазит недолюбливает Дженну, или вернее, ему не нравилось, что Зоссимус уделяет ей внимание, но сейчас на подобные глупости не было времени.

– Где?!

Плиансис, должно быть, почувствовал его гнев. Крылья квазита поникли. Облизав клыки раздвоенным языком, он сказал:

– Она в гостинной.

Зоссимус отпустил фамилиара и понесся к вилле. Тот перелетел через его голову.

– Но, босс, она тебе не нужна. Ты что, не слушал меня? Я не могу телепортироваться! Что-то случилось с *моим* кольцом!

– Я сказал, не сейчас, Плиансис!

– Но, босс...

Зоссимус не останавливаясь пихнул маленького демона в грудь. Плиансис отлетел, разразившись писклявым потоком разнообразных эпитетов, потерял равновесие и шлепнулся на газон.

Зоссимус бежал дальше. За спиной он услышал негодующий возглас Плиансиса:

– С этого момента я для тебя Плиансис Могучий, босс!

Чародей не смог сдержать улыбки. Даже эта катастрофа, сотворенная Карсусом, не в силах заставить замолчать его фамилиара. Если бы все они оставались в таком же блаженном неведении!

Не успел Зоссимус добежать до виллы, как из дверей выскочила Дженна. Ее лицо побледнело, длинные рыжие волосы растрепались. Зоссимус никогда прежде не видел такой растерянности в ее зеленых глазах. Дженна тоже была магом. Она тоже почувствовала разрушение Плетения, но в отличие от Зоссимуса девушка наотрез отказывалась пользоваться Теневым Плетением. Она даже не могла надеяться на помощь теневой магии.

– Зосс, Плетение!

Он подбежал к ней и обнял:

– Я знаю.

Дженна отстранилась от него и, заглянув в глаза, спросила:

– А город...?

Зоссимус отрицательно покачал головой. Ее глаза расширились.

– Значит, мы обречены? Что случилось?

Зоссимус не хотел отвечать на первый вопрос и не мог ответить на второй. Но было понятно: Карсус что-то натворил...

Между ними влез Плиансис.

– Что во имя задницы Асмодея тут происходит? – Он бросил свирепый взгляд на Дженну. – А *ты* чего так расстроена? Это же я не могу телепортироваться.

Он ткнул ей в лицо свой палец с кольцом.

У Зоссимуса не был сил препираться с фамилиаром, поэтому он просто аккуратно взял его и усадил на его любимое место – себе на правое плечо. Дженна, казалось, даже не замечала квазита. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль.

– И что теперь, Зосс? Что теперь? Я хочу когда-нибудь снова любоваться цветами. Как и прежде.

Она вскинула на него свои добрые глаза.

Вспомнив дни, проведенные среди цветов, растущих на равнине внизу – равнине, на которой они сегодня погибли, – Зоссимус почувствовал, как его глаза наполняются слезами. Он обнял ее.

– Мы будем ими любоваться снова, любимая. Будем. Обещаю.

Она разрыдалась, уткнувшись ему в плечо, а он пытался сдержать собственные слезы. Шейд падал.

– Дьявол тебя побери! Твои волосы лезут мне в глаза, человеческая женщина, – прошипел Плиансис.

Дженна не обратила на него никакого внимания или не услышала. Зоссимус шикнул на маленького демона:

– Уйди, Плиансис, нам сейчас не до тебя.

Плиансис запорхал прочь, оставляя за собой шлейф проклятий.

– Ладно, босс, на этот раз я для тебя точно Плиансис Могучий! Раньше я просто шутил, но сейчас...

Зоссимус ничего не ответил – он лишь молча сжимал в объятиях свою возлюбленную.

Чародей знал, что у них в запасе лишь пара мгновений. Он хотел сказать Дженне, как сильно любит ее, прошептать, как ее присутствие скрашивало его жизнь в вечном сумраке, но не смог выразить словами свои чувства, даже в такой момент. Зоссимус промолчал, просто провел рукой по ее длинным волосам и обнял крепче. Плиансис, как всегда, испортил весь момент.

– Босс, кажется, мы падаем.

В голосе демона сквозило такое удивление, что всхлипывания Дженны сменились смехом. Зоссимус тоже засмеялся. А что им еще оставалось?

– Это не смешно, – буркнул Плиансис. – Вы слышали, что я сказал?

– Слышали, маленький, – ответил Зоссимус.

Дженна, отстранившись от мага, посмотрела ему в глаза. Ее лицо, заплаканное, но улыбающееся, казалось, сияло. Он нашел нужные слова:

– Я люблю тебя, дорогая. Больше всего на свете.

Дженна открыла рот, чтобы ответить, как вдруг наступила странная тишина, словно они заткнули уши восковыми пробками. Сумерки сгустились. Воздух наэлектризовался.

– Что это? – спросила она. Ее голос прозвучал приглушенно и будто издалека.

Высвободившись из его объятий, девушка посмотрела на запад. Зоссимус с любопытством проследовал за ее взглядом.

Над городом небо было хмурым. На западе сумерки Шейда уступали место более глубокой тьме. Там в небе кружились черные и золотистые вихри, двигавшиеся в их направлении. Образовалось множество миниатюрных циклонов, которые понеслись впереди расширяющейся завесы тьмы почетным караулом разрушительной мощи. Некоторые циклоны были достаточно большими, чтобы повредить здания. Части крыш взлетали в небо и кружились в возмущенном воздухе.

Зоссимус вдруг понял, что происходит. Он прошептал громко в благоговейном страхе:

– Они переносят город полностью на План Теней!

Циклоны были не чем иным как планарными вихрями, которые всегда сопровождали насильственное и резкое столкновение двух планов.

В тот же миг он осознал, что Шейд больше не падает. Переместив город вглубь Плана Теней, теневая магия Двенадцати Принцев, вероятно, усилилась. Город обрел устойчивость, хотя бы на время.

Ликуя, Зоссимус повернулся к Дженне, чтобы обнять ее. Выражение ужаса на лице девушки заставило его замереть на месте.

– Я не пойду, – сказала она и отступила на шаг. – Я не могу жить... так.

Она посмотрела на небо и сделала жест, охвативший весь Шейд.

Завеса тьмы, бесцветности, приближалась. Ей предшествовал особый акустический эффект: не тишина, а гашение звука. Даже разрушения, вызываемые планарными циклонами, звучали приглушенно.

– У нас нет выбора, Дженна, любимая.

Зоссимус подался вперед, протянув к ней руку. Она отпрянула, и ему пришлось приложить усилия, чтобы боль не отразилась на его лице и в голосе:

– В противном случае – неминуемая смерть. Теневая магия не удержит город в воздухе. Дженна!

Внутри нее будто что-то надломилось. Когда она говорила, в глазах стояла боль, а в голосе слышались еле сдерживаемые слезы:

– Плевать, Зосс. Неужели ты не понимаешь? Я не могу больше так жить! Лучше смерть. Я оставалась только ради тебя. Мы прожили во тьме слишком долго. Я...

Он почувствовал это одновременно с ней. Плиансис, судя по всему, тоже. Находясь высоко в воздухе, квазит радостно запищал:

– Я могу телепортироваться, босс! Я могу телепортироваться!

Словно желая подтвердить свои слова, маленький демон принялся без остановки перемещаться из одной точки пространства в другую. Его тонкоголосый радостный смех звучал со всех сторон.

Плетение вернулось!

Пустота внутри Зоссимуса заполнилась. Река магии, которая высохла несколькими минутами ранее, вновь разлилась по его сущности подобно весеннему паводку. Он расплылся в улыбке.

Дженна радостно засмеялась. Она проговорила волшебные слова и, оторвавшись от земли, поднялась в воздух.

– Мы спасены, Зосс! О, слава Тиш!

Она кружилась в небе, весело, как играющий ребенок.

Плиансис телепортировался на плечо Зоссимуса.

– Я вернулся, босс, – он обнажил клыки в улыбке, – и чувствую себя превосходно. Зоссимус погладил чешуйчатую голову квазита:

– Конечно, маленький. Я тоже.

Шейд накренился. Небо почернело и стало похоже на деготь. Плиансис, пискнув, исчез под мантией Зоссимуса, а маг впился глазами в небо. Черная, бесцветная завеса по-прежнему надвигалась. Несмотря на возвращение Плетения, Двенадцать Принцев продолжали затягивать Шейд на План Теней. Вероятно, неожиданное появление Плетения сделало заклинание перемещения неуправляемым. Это объяснение показалось Зоссимусу вполне правдоподобным, потому что уже через пару мгновений вихрящаяся тьма, служившая границей между планами, стала двигаться быстрее, а планарные циклоны увеличились в размере. Теперь в воздухе кружились целые здания, подгоняемые силой ревающего ветра.

– Дженна! Плиансис! Зайдите в дом и спуститесь в подвал. Сейчас же!

Плиансис высунул голову из-под мантии, посмотрел на разъяренное небо и без лишних слов телепортировался прочь. Дженна продолжала парить высоко над Зоссимусом.

– Смотри, Дженна! Смотри! – Чародей показывал пальцем на стремительно надвигавшуюся границу между планами. – Спускайся! Это наш единственный шанс!

– Я не могу, Зосс! – ответила она, стараясь перекричать поднявшийся ветер.

Девушка бросила взгляд в сторону наступающего мрака и побледнела. Ее подхватил порыв ветра и, закружив, понес прямо навстречу тьме. У Зоссимуса перехватило дыхание. Он выпалил заклятие левитации.

Однако Дженна быстро справилась с ветром, приняв устойчивое положение.

– Я люблю тебя, Зосс, и всегда буду любить, но я больше не могу.

Зоссимус, не желая так легко отпускать ее, полетел к ней.

– Подожди, Дженна! Пожалуйста, любимая! Не оставляй меня!

Она попятилась, будто боялась, что он подлетит слишком близко. Ее подхватил еще один порыв, более сильный на этот раз, и она беспомощно забарахталась в воздухе.

– Дженна!

Зоссимус летел следом настолько быстро, насколько позволяло заклинание, а девушка вращаясь неслась навстречу тьме. Она закричала в ужасе – голос ее был слышен даже сквозь рев планарного столкновения.

Прежде чем Дженна достигла тьмы, ее подхватил циклон, внутри которого кружились каменные обломки разрушенных домов. Она исчезла в цилиндре ревающего ветра. Зоссимус выкрикивал ее имя, летая вокруг циклона и изо всех сил пытаясь удержаться в воздухе под хлесткими порывами ветра. Тьма уже поглотила его, но ему было все равно. Восприятие притупилось: звуки стали менее отчетливыми, видимость менее ясной. Он находился внутри Плана Теней. Все вокруг было приглушенным, но его боль от потери Дженны была острой как никогда.

Как только перемещение на План Теней завершилось, планарные циклоны распались так же быстро, как образовались. Дерево и камень рухнули на землю. И вместе с ними Дженна. Зоссимус подлетел к ней.

Он хотел произнести ее имя, но слова застряли в горле. Ее тело, перекрученное страшной силой циклона и искромсанное кружившимся мусором, лежало на земле, напоминая сломанную куклу. Он обхватил ее руками и заплакал.

Рядом возник Плиансис.

– Яйца Белиала, босс! Что случ... – он замолк и вскинул голову. – Эй, где это мы? И что это с ней?

Он вытянул ногу и толкнул носком тело Дженны. У Зоссимуса не осталось сил, чтобы отчитать его за это.

– Похоже, ей крышка, босс. – Плиансис широко улыбнулся, сверкнув клыками. – А это значит, что остались только мы с тобой, а?

Довольная улыбка фамилиара стала последней каплей для Зоссимуса. Горе сменилось яростью. Он потянулся к Плиансису, намереваясь задушить маленького мерзавца на месте.

Квазит шархнулся от него с выпученными глазами:

– Что я такого сказал?!

Ярость Зоссимуса улеглась так же быстро, как вспыхнула.

– Оставь нас, Плиансис. Сейчас же.

Маленький демон, видимо, уловил металл в его голосе, так как попятился назад еще дальше, а затем исчез.

Правда, через секунду вернулся.

– Не Плиансис, а Плиансис Могучий! – поправил он и телепортировался прежде, чем Зоссимус успел прибить его.

* * * * *

Плиансис проснулся на высоком книжном шкафу из эбенового дерева, зевнул, расправил крылья и обвел взглядом комнату босса, не найдя в ней ничего необычного. Серо и уныло, как всегда: неряшливая кровать с выцветшей синей простыней и потрепанными подушками, темный туалетный столик с зеркалом в потускневшей серебряной раме, крепкий, но неприметный письменный стол, несколько старых масляных ламп, чей слабый свет едва рассеивал бесцветную мглу этого плана. Босса не было видно. Плиансис вздохнул:

– Только не это.

Он знал, где может найти босса. Там, где он всегда находил его, когда босс не ел или не спал. С ней! Плиансис закатил глаза и сердито щелкнул языком. Эта человеческая женщина после смерти оказалась еще надоедливей, чем при жизни.

Квазит спрыгнул со шкафа, взмахнул один раз крыльями и мягко опустился на покрытый ковром пол. Он осторожно огляделся, дабы удостовериться, что босса точно нет поблизости. Убедившись в этом, Плиансис начал кататься по ковру. Густой ворс, щекотавший чешую, заставлял маленького демона шипеть от удовольствия. Босс, если бы был здесь, ни за что бы не разрешил ему.

Сиськи суккуба! Босс отказывал в удовольствиях даже самому себе, после того как она умерла. А ведь прошло уже столько лет!

– Сиськи суккуба, – повторил вслух Плиансис, продолжая кататься по ковру. – Да, неплохо.

Он с шипением рассмеялся. Плиансис гордился своим творческим умением придумывать разные ругательства – бесценным умением, которое босс не мог оценить по достоинству. Босс вообще мало что мог оценить по достоинству.

Плиансис встал. Он найдет босса в его мастерской, оплакивающим умершую человеческую женщину. Плиансис отказывался называть ее по имени, даже наедине с собой. Она погибла, и Плиансис был рад этому. Все равно она постоянно вставала между ним и боссом. Но босс не желал отпускать ее. Напротив, он посвятил свою жизнь поискам способа воскресить ее.

Плиансис решил воспользоваться волшебным кольцом и переместиться в мастерскую, просто чтобы напугать босса, но потом передумал. После ее смерти босс стал слишком вспыльчивым. Лучше дойти пешком.

Шагая по когда-то величественной вилле, Плиансис захотел (лишь на миг), чтобы он больше не был привязан к боссу. Вилла превратилась практически в руины с того времени, как произошло перемещение на План Теней, а боссу, похоже, нет до этого никакого дела. Когда-то за ней очень тщательно ухаживали, ее украшали привезенные издалека ковры и мебель, в ней подавались изысканные блюда и напитки, которые Плиансис мог отведать, когда ему заблагорассудится. Теперь же диваны и стулья обветшали, за ними никто не следил, ковры протерлись, а в буфетах было пусто. Если бы не невидимые слуги, слой пыли в доме наверняка уже доходил бы до колен. Плиансису, который любил красивые вещи, казалось, что вилла находится в полнейшем запустении. Она выглядела невзрачной, тусклой, как сам план, как душа босса после ее смерти.

Преисполненный жалости к самому себе, Плиансис шел волоча когтистые лапки по полу. Так он проследовал через лабиринт голых коридоров, затем вниз по спиральной лестнице, пока не остановился перед приоткрытыми вычурными дверями, ведущими в мастерскую босса. Он наострил уши и услышал, как босс внутри что-то бормочет. Плиансис отлично знал, чем тот занимается. Тем же, чем занимался последние два года: сосредоточенно изучает мистические фолианты, соединяет непонятные магические компоненты, записывает доселе неизвестные заклинания, и все ради того, чтобы вернуть ее к жизни. Больше босса ничего не заботило. Плиансис не понимал его. Кому она нужна? Ведь у босса есть он.

Но босс, конечно же, думал иначе. Он погрузил ее тело в стазис сразу после смерти и перепробовал все обычные заклинания, чтобы вернуть ее из царства мертвых. Даже обращался за помощью к священникам. К радости Плиансиса, что-то мешало всему этому, и заклинания не действовали. Босс считал, проблемы возникли из-за того, что она погибла, когда город находился в самой середине между двумя планами. Произошло некое взаимодействие магии и планарных законов, или что-то в этом роде.

Плиансис рассеяно чесал за ухом, призывая все свое терпение, которое ему понадобится. Босс уже не босс, подумал он с тоской.

Он чуть не подпрыгнул, когда из библиотеки раздался крик.

– Босс! – Плиансис захлопал крыльями, поднялся в воздух и, толкнув дверь, влетел внутрь. Босс сидел за столом (его было едва видно из-за груды книг), взбалтывая пробирки, зажигая жаровни и смеясь. Смеясь!

Не понимая, что могло послужить причиной этого неожиданного веселья, но радуясь, что босс стал больше похож на того, кем был в прежние времена, Плиансис подлетел к столу и приземлился на стопку книг. Они пахли сухими листьями. Босс широко улыбнулся ему, а его уставшие серые глаза смотрели более оживленно, чем когда-либо со дня ее смерти.

– Я нашел, Плиансис. Наконец-то, я нашел способ. – Он кивнул на серую восковую свечу, которая все еще остывала в железной форме на столе.

Плиансис и рта не успел раскрыть, как босс встал со стула, взял Плиансиса за его маленькие когтистые ручки и станцевал с ним джигу. Квазит не мог не сверкнуть клыками от восторга. Босс был таким же живчиком, как какой-нибудь архидемон на пиршестве душ.

Когда босс закончил танцевать, Плиансис наклонился, чтобы поближе рассмотреть свечу. Не считая загадочных серых и коричневых завитков внутри воска, свеча выглядела обычной. Форма тоже выглядела обычной. Ничто не указывало на то, почему босс так развеселился. И все же Плиансису не хотелось портить эту атмосферу. Возможно, босс сошел с ума, но это хорошее безумие, раз все ему видится в радужном свете. А если так, то, может, Плиансису удастся уговорить его, чтобы он распорядился ради разнообразия подать приличную еду на стол. Плиансис, причмокнув губами, решил подыграть.

– Восхитительная свеча, – вымолвил он, силясь не захихикать над нелепостью прозвучавших слов.

Босс с улыбкой погладил его по голове:

– Да, так и есть, маленький. Она поможет вернуть Дженну.

С этими словами он посмотрел на стеклянный гроб (очень крепкий благодаря волшебным чарам), который стоял у стены и в котором лежало ее прекрасно сохранившееся тело.

Плиансис проследовал за его взглядом и еле сдержал рычание.

Дженна... *она* лежала в небольшом стеклянном гробу как какая-то рыжеволосая кукла с алебастровой кожей. Плиансис пожалел, что не выковырял ей глаз за эти годы. Он мог бы сослаться на крысу или еще что-нибудь придумать.

Босс пересек комнату и подошел к гробу с задумчивым выражением на лице. Вытянув руку, положил ее на стекло.

– Скоро, любимая, – прошептал он. – Уже скоро.

Плиансис скрежетал клыками и украдкой бросал гневные взгляды. Проклятье! Он не хочет, чтобы она вернулась!

Когда босс повернулся к нему спиной, Плиансис воспользовался этим моментом, чтобы хоть как-то отомстить. Он высунул раздвоенный язык и сделал чрезвычайно непристойный жест, которому научился у одного дретча. Она, разумеется, не отреагировала.

Плиансис когтем указательного пальца подцепил свечу и вытащил ее из формы. Интересно, что будет, если ее съесть? В конце концов, не будет свечи – не будет ее. Он принялся. От свечи исходил слабый запах сырых десятидневных грибов. Квазит открыл рот...

– Плиансис!

Он выронил ее, испуганно пискнув. Босс подскочил и поднял свечу с такой осторожностью, будто держал младенца.

– Я просто нюхал ее, босс. – Плиансис попятился назад, готовый в любой момент улететь, но босс не выглядел рассерженным. Квазит с облегчением захлопал крыльями и приостановился. – Интересно пахнет. Как земля, в которую закопали мертвеца. Из чего она?

Босс спрятал свечу во внутреннем кармане своей черно-пурпурной мантии.

– Из душ, – проговорил он таинственно, глаза его при этом лихорадочно блеснули. – Из жизненной энергии. Достаточной, чтобы преодолеть сопротивление, мешающее моим заклинаниям. Достаточной, чтобы моя следующая попытка вернуть любимую увенчалась успехом.

Его взгляд был устремлен мимо Плиансиса на стеклянный гроб. Квазит закатил глаза.

Он не понимал этой человеческой одержимости любовью. Ну что за глупость! Однако то, что босс запихнул в свечу человеческие души, не могло не радовать. Неудивительно, что из дома за последние дни исчезло так много рабов. Плиансис захихикал, но потом вспомнил, что свеча предназначалась для того, чтобы вернуть ее. Он перестал хихикать.

– Как она вернет ее, босс? – спросил квазит, украдкой испепеляя ее взглядом. – Это же всего лишь свеча. Если ты сам не смог этого сделать...

Он не договорил. Если босс, один из самых могущественных волшебников Шейда и выдающийся специалист по теневой магии, не смог вернуть ее с помощью своих заклинаний, как, Девять Кругов Ада, это сделает свеча?

Босс рассеянно улыбнулся, но его глаза загорелись.

– Это особая свеча, Плиансис. Источник ее силы – Теневое Плетение. Когда ее свет отбросит отражение... – он запнулся на следующем слове, как будто ему было трудно произнести его вслух, – ...трупа, отражающая поверхность станет порталом, вратами в то место, где находится душа этого трупа. – Он сунул руку в карман, чтобы коснуться свечи. – Душа сможет вернуться через этот портал, соединиться с телом и вернуть его к жизни.

Плиансису захотелось блевать. Он бросил на нее полный ненависти взгляд и оскалился.

– Теперь, когда свеча закончена, – продолжал босс, – остается еще одна важная деталь. Отражающая поверхность.

Плиансис опустил голову и тихо рыкнул. Он больше не желал ничего слышать. Фамилиар пнул в раздражении книги на столе. Он и босс много лет были одни. Она не нужна им. Тупая любовь!

Босс продолжал говорить, витая где-то в собственных мыслях:

– В этом случае, чтобы теневая магия подействовала, отражающей поверхностью должна быть темная чешуя живого теневого дракона.

Плиансис вскинул голову, хлопнув крыльями в смятении:

– Теневого дракона?!

Босс лишь опустил глаза, чтобы посмотреть на него, и кивнул, продолжая улыбаться.

Все еще не веря, Плиансис взлетел и завис перед лицом босса. Он щелкнул чешуйчатыми пальцами, пытаясь вырвать босса из его безумия.

– Теневые драконы очень сильные, босс! Очень сильные! И поблизости есть только один...

– Аскалагон, – закончил за него босс и снова кивнул. Невероятно, он даже не выглядел испуганным!

– Но Аскалагон – древний дракон! – взвизгнул Плиансис. – И большой! Разве ты не можешь воспользоваться моей чешуей?

Он начал крутиться, стараясь показать свою зеленую чешую как можно в более выгодном свете.

– Нет, маленький. – Босс погладил его по голове. – То, что Аскалагон большой и древний, это как раз то, что нужно.

– Заручишься чьей-нибудь помощью тогда?

Босс покачал головой:

– Нет.

Голос Плиансиса взлетел на целую октаву, крылья бешено захлопали:

– Ты собираешься идти к Аскалагону один?!

Босс хохотнул:

– Не один, маленький. С тобой.

Сердце Плиансиса учащенно забилося. Он понял: босс точно сошел с ума. Но это безумие не было хорошим.

* * * * *

Они шли больше часа. Бесцветное небо нависало над ними невыразительной, блеклой крышей. Со всех сторон их окружали темношипы, обступая стеной из тусклой, серой коры. Ветви с темными листьями этих кошмарных двойников фаэрунских кипарисов свисали так низко, что задевали голову Зоссимуса. Корни огромных деревьев извиваясь прокладывали себе дорогу сквозь мягкую, вязкую землю подобно гигантским змеям. Запах органического разложения забивал ноздри. В смрадном воздухе клубился легкий туман. Монотонные крики серых птиц и летучих мышей смешивались с низким жужжанием насекомых. Приглушенные звуки, бесцветная палитра. Пурпурная мантия Зоссимуса и зеленая чешуя Плиансиса выделялись на этом мрачном плане, как великаны в доме полурослика. Несмотря на деревья, траву, насекомых и птиц, План Теней воспринимался как нечто ирреальное – как царство мертвых в песнях бардов. Движение здесь существовало, но... не было жизни, не было красок. План являлся зеркалом настоящего мира, его отражением, лишенным сущности.

– Воняет дерьмом, босс, – прошептал Плиансис, сидя на плече Зоссимуса. Проворный, как кошка, квазит поймал на лету черную муху величиной с монету и проткнул ее когтем. – И почему этот большой ублюдок поселился *здесь*? Драконы вроде умными считаются.

– Тихо, маленький, – сказал Зоссимус.

Он знал, что устроить логово в этом влажном лесу было умным решением. Зоссимус наколдовал на себя кучу защитных и предсказывающих заклинаний, среди

них было и такое, которое позволяло видеть сквозь магические барьеры, но даже со своим улучшенным волшебством зрением он не мог видеть то, что загораживали естественные препятствия. Среди зарослей темношипов, в равномерно плотном тумане и на фоне сплошного серого цвета Аскалагон мог наблюдать за ними даже сейчас. От этой мысли сердце чародея забилося быстрее. Он еще раз сказал себе, что дракон *пойдет* на переговоры. Он захватил с собой то, что поможет ему в этом: позади на невидимой волшебной подставке летел открытый сундук из красного дерева, отделанный платиной. Внутри лежали темные опалы и черный жемчуг – его подношение Аскалагону.

Разумеется, Зоссимус подготовился и на тот случай, если дракона не удастся уговорить. Он наложил на себя так много заклинаний, что набухший воздух вокруг него заметно искрился. Волшебство сделало его кожу твердой как гранит, чтобы защитить от когтей и клыков дракона. Его окружала невидимая аура позитивной энергии против дыхания Аскалагона, высасывающего жизненную силу. Остальные защитные заклинания тоже были подобраны с учетом разных аспектов природы Аскалагона. Он не мог бы подготовиться лучше.

Через некоторое время они вышли на круглую поляну диаметром примерно в два броска копья. Короткая серая трава походила на старый, выцветший ковер. Мягкое мерцание неярких звезд теневого плана, просачиваясь сквозь стену темношипов, создавало на поляне более сложную игру теней – идеальное место для дракона.

Зоссимус знал, что ему придется предстать перед Аскалагоном на его условиях, а это могло означать, что встреча состоится именно здесь. Защитные чары скоро развеются. Он должен убедить Аскалагона показаться.

С этой мыслью чародей сделал шаг в сторону поляны, толкнув вперед невидимую подставку и установив ее в самом центре.

– Будем ждать здесь, – сказал он Плиансису.

Квазит оглядел поляну, перебегая глазами от тени к тени.

– Как дракон узнает, что мы здесь?

– Подозреваю, что он *уже* знает.

Глаза Плиансиса широко раскрылись при этих словах. Он начал беспокойно щелкать хвостом и еще крепче вцепился в мантию Зоссимуса. Им не пришлось ждать долго.

Через несколько минут крики летучих мышей и жужжание насекомых стихли, оставив только шепот ветра, пробегающего по листве темношипов. Зоссимус собрался с духом, подумал о возвращении Дженны и повторил про себя заклинание, которое он сотворит первым, если понадобится.

Тени на дальнем конце поляны сгустились. Мягкий шелест листьев говорил о том, что кто-то идет по лесу. Даже своим волшебным зрением Зоссимус по-прежнему не мог разглядеть ничего, кроме тьмы, непроницаемых стволов темношипов и кустарников. Плиансис так сильно вцепился ему в плечо, что когти квазита впились в его тело, но он оставил это без внимания, продолжая всматриваться в тени.

Маг сделал несколько шагов вперед, выходя из-под спасительной сени деревьев. Он понимал, что из-за цвета его одежды, даже из-за цвета кожи, его легко заметить.

Он был ярким пятном на этой картине леса, выполненной исключительно в серых тонах.

Он по-прежнему никого не видел.

Глубокий, шепчущий голос, раздавшийся прямо над ухом, заставил его сердце замереть. Как легким бризом подуло мерзким дыханием.

– Хорошо обдумай свои следующие слова, человек, ибо в данный момент ты вызываешь у меня больше любопытство, чем аппетит.

Аскалагон.

Плиансис взвизгнул и телепортировался под мантию Зоссимуса.

– Срань нечистая, – забормотал он, – срань нечистая.

Зоссимус, не обращая внимания на квазита, собрал все свое мужество и медленно повернулся.

Дымчато-серые глаза Аскалагона, каждый с человеческий кулак, буравили его словно шила. Зоссимус мог вытянуть руку и дотронуться до чешуйчатой морды дракона. Лоснящаяся рептильная голова была размером с караванную повозку, а зубы длиной с палаш. Морда была влажной от дыхания.

Голова Аскалагона венчала змеевидную шею, и Зоссимус мог разглядеть в тени темношипов громадное, мощное тело – большие крылья, загораживающие противоположную часть поляны, сильные плечи и передние лапы, оканчивающиеся когтями, похожими на кинжалы, а также полупрозрачные черные чешуйки, некоторые из которых были величиной с щит.

Зоссимусу не верилось, что такое гигантское существо способно передвигаться сквозь заросли так грациозно и так тихо. Только мысль о возвращении Дженны удержала его от искушения развернуться и побежать без оглядки, спасая свою жизнь. Под складками мантии он чувствовал, как дрожит от страха Плиансис.

Чародей сумел придать своему голосу уверенность:

– Великий Аскалагон, я пришел просить тебя о милости. В знак своих дружественных намерений я принес тебе этот подарок.

Жестом он указал на сундук позади себя.

– Я уже видел твои ничтожные камни, человечиска, и возьму все что захочу, когда разберусь с тобой.

Голова дракона приблизилась и фыркнула в лицо Зоссимуса. Клыки теперь находились не дальше ширины ладони от тела чародея. Зоссимус не шелохнулся, но повторил в уме слова заклинания.

– Тебя я тоже видел, маленький демон.

Плиансис, заерзав под мантией, высунул голову и пропищал возмущенно:

– *Маленький* демон? Мое имя – Плиансис, дракон! Плиансис Могучий!

Зоссимус вздрогнул. Дракон вперил в Плиансиса злобный взгляд, и струйки черной энергии зазмеились из его ноздрей.

Плиансис пискнул, прошептал «Покажи ему, босс» и телепортировался в гущу деревьев по правую руку от мага, подальше от Аскалагона.

Зоссимус отступил на шаг, чтобы не дать высасывающему жизненную энергию дыханию преждевременно коснуться своих защитных чар. Аскалагон поднял голову и показал клыки. Улыбнулся? Если так, то выглядело это угрожающе.

– Я прекрасно вижу защитные двумеры вокруг тебя, маг. Жалкие фокусы.

Зоссимус стерпел оскорбление и не собирался сдаваться:

– Как я уже сказал, благородный дракон...

На слове «благородный» Аскалагон зашелся в шипении, которое могло быть только смехом. Тени дико заплясали вокруг огромной головы и шеи.

Зоссимус продолжал:

– Я пришел из Анклава Шейд, чтобы просить...

Аскалагон перестал смеяться. Его дымчатые, бездонные глаза сузились, и он подался вперед, подминая заскрипевшие темношипсы. Зоссимус попятился назад.

Справа от себя, в зарослях деревьев он услышал голос Плиансиса:

– О, черт!

– Шейд? – прогремел дракон низким голосом, не предвещавшим ничего хорошего. – Житель города захватчиков смеет приходить в мое жилище и просить меня о милости? Милости! Наглый пес! – Аскалагон откинул голову и зарычал. Звук напоминал раскат грома. – Вот тебе милость, маг!

Широко раскрыв пасть, Аскалагон выпустил облако клубящейся черной энергии. Сила выдоха заставила мантию Зоссимуса прилипнуть к телу. Вокруг завихрилась тьма, и маг начал отступать. Когда дыхание дракона натолкнулось на защищавшую Зоссимуса оболочку позитивной энергии, вспыхнул золотистый свет, несомненно, самый яркий, какой когда-либо озарял это темное место. Две полярные энергии искрились и шипели в своем противостоянии. Невредимый, Зоссимус воспользовался моментом, чтобы сотворить одно из двух своих самых мощных заклинаний:

– *Эссаре телним.*

Мир замер и опустилась тишина. Вокруг Зоссимуса черное смертоносное облако драконьего дыхания застыло в воздухе, замороженное во времени. Дракон нависал над ним гигантской статуей из покрытой чешуей плоти, а тело мага окружал ореол из неподвижных золотистых искорок.

Зоссимус знал, что у него в запасе меньше минуты – относительно говоря. Для Аскалагона не пройдет вообще нисколько. К сожалению, это заклинание не позволяло Зоссимусу воздействовать на кого-либо, кроме себя, поэтому он не мог пока использовать свечу. Вместо этого, он воспользовался возможностью лучше подготовиться к битве. В конечном счете, у него лишь одно заклинание, которое послужит его цели, самое сильное, но сначала нужно хотя бы немного ослабить дракона.

Двигаясь быстро и аккуратно, он вышел из облака дыхания и отошел назад шагов на тридцать. Достаточно, подумал он. Ловкими движениями рук и твердым голосом он обновил все свои защитные чары и наложил заклинание, создавшее шесть стремительно вращающихся фантомов самого себя, окруживших его настоящее тело. Он надеялся, что они смогут сбить дракона с толку и принять на себя некоторые из его ударов.

Время закончилось.

Накатившей волной возвратился звук. Какую-то долю секунды Аскалагон пребывал в замешательстве от мгновенного перемещения Зоссимуса.

– Наподдай ему, босс! – крикнул Плиансис, укрываясь в деревьях.

Зоссимус достал из мантии кусочек серы, подбросил его в воздух и начал читать заклинание.

Аскалагон хлопнул крыльями и с ревом выскочил из деревьев, покрыв все тридцать шагов так быстро и неожиданно, словно был вспышкой молнии. Зоссимус ошеломленно отпрянул назад, бормоча впопыхах слова заклинания, пока окончательно не сбился. Его окружила стена из чешуи и тени. Когти и клыки, казалось, мелькали со всех сторон. Яростно рыча, дракон как обезумевший набросился на Зоссимуса и его иллюзорные двойники. Чертова тварь двигалась как ураган! Когти прошли сквозь фантом, вырвав из земли большие комки дерна. Удар тыльной стороной лапы отправил в забвение другой фантом. Еще одна атака когтями – еще один фантом. Разинутая пасть устремились вниз. Зоссимус отпрыгнул в сторону и клыки уничтожили четвертый фантом. Маг попытался разорвать дистанцию между собой и драконом, но тут ему в грудь врезалась когтистая лапа.

Лишь благодаря защитному заклинанию Зоссимус остался жив. Его кожа была твердой как камень, и ужасные когти нанесли хоть и глубокую, но не смертельную рану. Однако от удара маг отлетел в заросли, где со стоном врезался в кусты.

Плиансис выкрикнул откуда-то на другом конце поляны:

– О, будешь за это в Аду плавать по нос в озере экскрементов, дракон!

Зоссимус с трудом поднялся на ноги и снова начал колдовать. У него осталось только два фантома.

Аскалагон был уже близко. Деревья трещали под тяжестью дракона, когда он ломился сквозь заросли. Листья и ветки сыпались на землю. Последовала атака. Зоссимус отпрыгнул назад, и ему удалось сохранить концентрацию – в этот раз он твердо намерился завершить заклинание.

Со скоростью атакующей гадюки пасть дракона метнулась к земле, прямо на настоящего Зоссимуса. Чародей откатился назад так быстро, как позволяло заклинание, но все равно слишком медленно. Огромные челюсти сомкнулись вокруг него и рывком подняли в воздух. Дракон с рычанием задергал головой взад и вперед, пытаясь проглотить человека. Мощные зубы сжимали твердую кожу и невзирая на заклинание вонзились в тело. Потекла теплая кровь. Боль едва не свела с ума. Дракон стиснул зубы, намереваясь расколоть Зоссимуса как упрямый орех. Кости затрещали под давлением. В агонии Зоссимус обнаружил, что смотрит прямо в темный туннель драконьей глотки, но изо всех сил старался не потерять концентрацию. До него доносились крики Плиансиса, полные ужаса:

– Босс! Босс!

Превозмогая боль, Зоссимус сумел-таки договорить последнее слово заклинания:

– *Велендере!*

Сияющий шар величиной с горошину выстрелил из вытянутой руки Зоссимуса, скатился по глотке дракона и взорвался огненной вспышкой. Пламя и жар рванули вверх по пищеводу и объели Зоссимуса, но защитные чары предотвратили худшее. Однако дракона это не касалось. Аскалагон стрелой взмыл в небо, бешено дергая головой, ревя от боли и харкая огнем. Зоссимус вылетел дымясь из его пасти и упал в заросли деревьев.

Несколько костей было сломано, и чародей поспешно проглотил целебное зелье. С болезненными ощущениями кости срослись, а раны затянулись. Он поднялся на ноги и увидел, что дракон корчится на поляне, обхватив крыльями и передними лапами живот, как ребенок, объевшийся сладостями. Из его ноздрей и рта валил дым.

Зоссимус вызвал в памяти заклинание, которое должно было обездвижить Аскалагона. Но как только он начал произносить волшебные слова, Аскалагон направил на него взгляд и рывком встал на ноги.

– Ты умрешь за это, ничтожный маг, – просипел он.

Зоссимус пропустил мимо ушей слова дракона. Заклинание либо сработает, либо нет. Он начертил в воздухе магические символы, произнося завершающую фразу.

Аскалагон бросился на него с хриплым ревом и в два прыжка оказался рядом.

Зоссимус закончил заклинание, почувствовал, как его усиленная магией воля столкнулась с волей дракона... и подавила ее.

– Стой! – скомандовал он.

Аскалагон замер на полушаге.

Зоссимус с облегчением вздохнул. Он чувствовал, как Аскалагон борется с цепями, сковавшими его волю и обездвижившими его, но, боги, Зоссимус сделал это!

– Оставайся абсолютно неподвижным, – приказал маг, и Аскалагон подчинился, хотя его дымчатые глаза горели злобой.

Из-за деревьев вылетел Плиансис.

– Босс! Босс! У тебя получилось! – Квазит возбужденно порхал вокруг него, широко улыбаясь. – Я думал, ты точно покойник, когда он выплюнул тебя.

– Плиансис, слетай за Дженной.

– Что? ...О! – Улыбка исчезла с лица квазита, а крылья чуть поникли. – Конечно, босс. Только сначала...

Он подлетел к дракону, зависнув напротив его глаз:

– Плиансис *Могучий*, ты, ящерица! Запомни это!

Чтобы подчеркнуть важность сказанных слов, Плиансис ударил по носу Аскалагона своей крошечной рукой. Дракон, естественно, никак не отреагировал, но Зоссимус чувствовал, что он пытается сбросить ментальные оковы. Времени в запасе не так много.

– Плиансис, живо.

– Сейчас, босс.

Квазит показал дракону неприличный жест и исчез.

Зоссимус проговорил одно-единственное слово, наделенное силой. В его руке появилась волшебная свеча. Скоро он будет опять сжимать Дженну в объятиях.

* * * * *

Зоссимус ощущал легкость, какой не знал последние годы, несмотря на продолжающуюся битву разумов с Аскалагоном. Тело Дженны покоилось на ложе из серой травы и листьев перед обездвиженным драконом, ожидая только момента, когда свет свечи отбросит его отражение на чешуйчатую грудь Аскалагона. Совсем скоро он и его любимая снова будут вместе.

Плиансис, надувшись, отказывался разговаривать с Зоссимусом. Вместо этого, квазит летал вокруг головы дракона и без особого энтузиазма забрасывал его оскорблениями.

С учащенно бьющимся сердцем Зоссимус встал позади тела Дженны и прошептал слово. Пламя заструилось с кончика пальца. Он коснулся им фитиля и начал опускать зажженную свечу, чтобы поставить ее перед Дженной.

Свеча вспыхнула, и расплавленный воск закапал на руку Зоссимуса. Он лишь поморщился от боли. Свет свечи был отражением света в его душе. Сегодня его жизнь вновь обретет смысл.

Пламя разгоралось все ярче, разгоняя сумрак плана. Участок размером с дверной проем замерцал на чешуе Аскалагона. Зоссимус увидел свое отражение и вздрогнул. Он и не догадывался, что выглядит таким бледным, таким неухоженным. Он отбросил эти мысли.

Отражение тела Дженны тоже появилось на чешуе. Образ зарябился, стал ярче, а затем вспыхнул.

Прекрасная картина предстала перед глазами Зоссимуса. Он открыл рот в изумлении, глядя на буйство красок. Красок! Высокая трава, усыпанная красными, желтыми и фиолетовыми цветами. Зоссимус практически ощущал их аромат, ощущал свежий бриз, щекочущий лицо. А солнце! Солнце! Он не видел солнечного света добрый десяток лет. Казалось, с неба льется золото. Слезы выступили у него на глазах при этом зрелище. Царство мертвых не было бесцветным! Оно было прекрасно, насыщенно. Это его жизнь в царстве теней была бесцветной. Он прожил во тьме так долго, что и забыл все это.

Мужчины, женщины и даже несколько детей ходили и играли беззаботно среди колышущихся трав. С ними была Дженна.

Оказывается, он вдобавок успел забыть, как блестят на солнце ее волосы. Одетая в белое платье, улыбающаяся, она была красива как вечерняя заря над безмятежным морем. Он уже не мог сдерживать слезы. Подавшись вперед, Зоссимус протянул руку сквозь портал и окликнул ее:

– Дженна! Дженна!

Она вздрогнула и стала удивленно озирааться.

– Зосс? Это ты?

– Да, любимая! Да, это я. Я здесь. Здесь, – он махал рукой.

Дженна посмотрела в его сторону и, заметив в портале, подбежала к нему. Она хотела взять его за руку, но ее призрачная плоть прошла сквозь нее.

– Я пришел забрать тебя домой, любимая. Пройди через портал.

Ее улыбка погасла, и она сделала шаг назад.

– Зосс, я дома. – Она улыбнулась и закружилась, подняв руки над головой. – Взгляни на солнце, Зосс. На цветы. – Она встретила с ним глазами. Ее взгляд был печальным, но решительным. – У тебя там темно. Я не вернусь.

Твердость, прозвучавшая в ее голосе, кулаком ударила в грудь Зоссимуса. У него перехватило дыхание. Он понял, почему его прежние попытки вернуть ее к жизни проваливались. Не из-за планарных законов, нет. Причина была в ней. Она просто не хотела возвращаться назад.

– Но...

– Прости, Зосс, – произнесла она тихо, проведя рукой поверх его пальцев. – Я скучаю по тебе, но я не могу жить в темноте. Ты окажешься здесь, когда придет твой час. Я по-прежнему тебя люблю.

Она мягко улыбнулась, а затем повернулась, чтобы уйти.

Несмотря на все это, Зоссимус не мог винить ее – после того как увидел солнце, улыбающиеся лица духов, цветы. Все это напомнило ему, какой пустой стала его жизнь. Какой темной, глухой и бесцветной. Он не мог просить ее жить в тенях. Она принадлежала свету.

Когда она удалялась, он принял решение. Если он не может вернуть ее к жизни, тогда она вернет его.

– Подожди! Дженна!

Она обернулась.

– Зосс, я не могу...

– Я знаю. Я иду к тебе.

Мысленным приказом он освободил Аскалагона от заклятия. Дракон взревел от накопившейся ярости. Плиансис пронзительно закричал. Голова Аскалагона с широко разинутой пастью устремилась вниз.

В ту секунду, когда клыки дракона начали рвать его плоть, душа Зоссимуса отделилась от тела и понеслась в закрывающийся портал. Когда он оказался по другую сторону, солнце обожгло его глаза, но он все равно улыбался.

Став теперь сам духом, он взял Дженну на руки и подбросил ее в воздух. Она засмеялась, как школьница.

Они поцеловались и побежали по траве под золотистыми лучами солнца.

* * * * *

Аскалагон, должно быть, услышал крик Плиансиса, когда проглатывал босса. Он резко повернул голову в его сторону. Меж клыков свисали окровавленные ошметки тела босса.

Плиансис показал дракону последний неприличный жест и телепортировался.

Уже в вилле, стоя в спальне босса, он топал ногой:

– Проклятая ящерица! Нужно было выткнуть тебе оба глаза.

Но он не выткнул, и теперь босса нет. Вилла казалась еще более пустой, чем когда-либо. Плиансис думал о тех счастливых днях, которые провел вместе с боссом. От этих воспоминаний у него сделалось как-то странно в желудке. Его словно скрутило. И еще у него заболела голова, и... что это за влага у него на лице?

– Тупая любовь, – буркнул квазит и, свернувшись калачиком, заплакал.

ТЁМНЫЙ МЕЧ

Трой Деннинг

20-е Флеймрула, год Рва (1269DR)

Где-то на дороге через Бездонные Болота

Недалеко впереди, из тумана, доносилось множество невнятных звуков: материнское пение, детский плач, отцовские крики... хриплое и усталое мычание волов. Мелегонт Тантул продолжал свой путь, как и прежде – очень осторожно – вдоль дороги из отдельных бревен, которые проваливались в вязкий торф с каждым его шагом. Видимость в лучшем случае была шагов двадцать, дорога зигзагами уходила в жемчужно белый туман. Не в первый раз он пожалел о том, что не выбрал другую дорогу на развилке у Прохода Мертвеца. Конечно, он всё ещё был в Ваасе, но было трудно сказать, направлялся ли он к сокровищу, которое искал, или удалялся от него.

Звуки становились всё громче и отчётливее, пока внезапно не растворились размытые очертания дороги. Узкой линией вдоль конца дороги были разбросаны похожие на головы сферы, некоторые из них стояли на плечах людей, разведя руки в стороны, для распределения веса. Гораздо дальше, две пары расплывчатых воловьих рогов выросли из болота, а за ними покрытая пеленой тумана груженная телега, завязшая на поверхности за ними.

Мелегонт снял свой тяжелый рюкзак и продолжил двигаться вперёд, одновременно доставая верёвку, с помощью которой, натягивал ночью свой дождевой брезент. По мере того как он подходил ближе, казалось, сферы, очень похожие на головы, начинали обрастать бородой и копной нечесаный волос. Он стал различать крючковатые носы и глубоко посаженные глаза, затем одна из голов закричала и с ужасным хлюпающим звуком погрузилась в болото. Крик отразился эхом испуганных воплей в глубине тумана, побуждая ближайших оставшихся голов озираться по сторонам и орать что-то на гортанном диалекте Ваасы. Голоса немедленно стихли, и голова повернулась в сторону Мелегонта.

- П-путник, тебе бы лучше остановиться здесь. - запинаясь, произнёс Ваасец, ледяная болотная грязь делала его речь невнятной - Эти брёвна насквозь прогнили.

- Спасибо за предупреждение. - ответил Мелегонт. Всё ещё в пятнадцати шагах от конца дороги, он остановился, держа в руках короткий моток верёвки, которую вытащил из рюкзака - Моя верёвка не достанет так далеко, боюсь, что вы сорвали собственное спасение.

- Я думаю у нас б-будет больше шансов с тобой там, нежели здесь с нами. - склонив голову, сказал Ваасец.

- Возможно. - согласился Мелегонт. Он посмотрел вдаль, безуспешно пытаясь разглядеть за кланом Ваасцев, место, где снова начиналась дорога. Как бы раздражающе не было то, что он не знал куда двигаться, мысль о том, что придётся повернуть обратно, окончательно раздосадовала его.

- Куда ведёт эта дорога? В Делхолз или в Муртаун?

- К-куда ведёт дорога? - Заикаясь, переспросил Ваасец, резким от разочарования и злости голосом. - А как же мои люди? После того, как я спас тебя, ты не собираешься нам помочь?

- Конечно я собираюсь помочь вам, я сделаю всё что смогу. - ответил Мелегонт.

Где-то среди тумана ещё один Ваасец вскрикнул и погрузился в болото с глухим хлюпаньем.

- Знаешь, ты можешь э..., исчезнуть до того как я вытащу тебя, и в этом случае, все-таки хотелось бы знать, куда ведёт эта дорога.

- Если это случится, то знание ничем тебе не поможет. - прорычал Ваасец - Твоя единственная надежда добраться т-туда куда тебе н-нужно, это спасти мой клан, а мы в свою очередь проводим тебя куда - бы ты не направлялся.

- Что-то затаскивает твоих людей по одному на дно, а ты тратишь время на детали? - сердито потребовал Мелегонт. Он достал чёрный кинжал и, опустившись на четвереньки начал прощупывать впереди лежащие брёвна на гниль - Нет времени на переговоры, я не брошу вас.

- Тогда твоё терпение будет вознаграждено. - жёстко сказал Ваасец.

Мелегонт поднял взгляд, задумчиво нахмутив брови.

- Я так понимаю, ты не веришь мне?

- Я верю в то, что тебе лучше п-постараться, если ты н-нуждаешься в нас.

- Ответ такой же скользкий, как и болото в котором вы увязли. - резко ответил Мелегонт. - Если я справлюсь, нужда *во мне* отпадёт, как верить в то, что вы проводите меня после этого.

- У тебя есть слово Бодвара, предводителя клана «Болотный Орёл». - ответил Ваасец. - Это всё что нужно для твоей уверенности.

- Я вижу, что доверие имеет несколько иное значение для заезжих, нежели для самих Ваасцев - проворчал Мелегонт - Но я предупреждаю, если ты отступишься от своего обещания...

- Тебе не стоит бояться этого, - сказал Бодвар. - Сдержи своё слово, а я сдержу своё.

- Я слышал это раньше. - пробормотал Мелегонт - Слишком много раз.

Несмотря на своё недовольство, Мелегонт продолжил пробираться по дороге, прощупывая гнилые брёвна.

По всем меркам, Ваасцы были грубыми, но честными людьми, до тех пор, пока легендарные шахты Делхола и Талагбара не были заново открыты, и внешний мир не вторгся к ним, чтобы обучить их ценности двуличия и обмана. С тех пор, за исключением таких поселений как Муртаун, где по слухам, слово человека ценилось выше его жизни, они стали такими же безнравственными и коварными, как и все остальные в мире торговли и обмана. В тот момент, когда Мелегонт уже начал сомневаться в правдивости истории Бодвара, его кинжал, наконец, наткнулся на мягкое дерево. Он надавил посильнее, и целое бревно на его глазах раскрошилось в красную пыль. Затем одно, под его руками стало рыхлеть, побуждая его откинуться назад. Очередное бревно размякло под его коленями, и грязный торфяной купол вознёсся перед ним, длинная вереница спинных шипов разрежала поверхность, когда нечто огромное, по форме похожее на угря перевернулось рядом. Мелегонт упал назад и начал отталкиваться, чтобы ползти в обратном направлении так быстро, как

это было возможно. К тому времени, как бревна перестали размягчаться, он был уже в пяти шагах от Бодвара, достаточно далеко, чтобы перестать различать даже смутные очертания головы Ваасца.

Закричал очередной член клана и погрузился в болото с глухим шлепком.

- Ты всё ещё там путник? - Спросил Бодвар.

- Пока - ответил Мелегонт. Он встал и отступил ещё на пару шагов - Что-то пришло за мной.

- Один из болотных людей. - сказал Бодвар. - Их привлекает вибрация.

- Вибрация? - откликнулся Мелегонт – Как разговор, например?

- Как разговор. - подтвердил Бодвар. - Но не беспокойся обо мне, моя броня приглушает звук – она сделана из драконьей чешуи.

- Всё как и прежде, пока тихо. - Мнение Мелегонта о Ваасце возрастало, и в большей мере из-за риска который тот брал на себя за свой клан, чем из-за того что он носил броню из чешуи дракона - Я вытащу вас, обещаю.

- Человек не должен обещать того, в чём он не уверен, Путник, - сказал Бодвар – Но я верю в то, что ты сделаешь всё что сможешь.

Мелегонт заверил Ваасца в этом, затем отступил ещё на несколько шагов по дороге и вытянул руку за край дороги. Не было и намёка на тень. Волшебство Мелегонта было бы ослабшим, и он уже видел силу своего врага, чтобы понять, что сражаться против него не в полную силу будет глупо, даже в мире смерти и возрождения, дерево не может разлагаться так быстро как те брёвна.

Стараясь не обращать внимания на изредка доносившиеся из тумана крики, Мелегонт достал несколько нитей теневого шёлка из кармана своей накидки и плотно скрутил их в единую прядь. За полтора века исследования Торила, ему ещё не приходилось использовать, по крайней мере там где кто либо мог увидеть, столь могущественное теневое волшебство рискуя быть раскрытым – но и никогда прежде не было повода думать что его длительное путешествие может приближаться к своему кульминационному моменту.

Бодвар был храбр, и это было первое качество. Он также был осторожен, не давал и не принимал клятв, это было второе качество. Оставалось увидеть обладает ли он третьим, что вскоре должно произойти, если всё пойдёт, как предполагалось. Как только Мелегонт скрутил теневой шёлк в единую прядь, он произнёс несколько слов на древне Нетерийском и почувствовал волну холодной энергии, поднимающуюся от ног во всё тело. В отличие от большинства магов Фазруна, черпавших свою магию из Всеобъемлющего Плетения богини Мистры, Мелегонт вытягивал свою магию из Таинственного Теневого Плетения. Будучи таким же универсальным, как и обычное Плетение, Теневое Плетение было менее известным и более могущественным, хотя бы, потому что Богиня в Мантии – та, имя которой, никогда не будет дано – держала его в абсолютной тайне, и сводила с ума каждого, кто обнаруживал его существование.

Когда он полностью насытился холодной магией Теневого Плетения, Мелегонт бросил прядь теневого шёлка над болотом и сделал быстрое движение пальцами. Связка начала распускаться, но потонула в торфе до того как размоталась полностью и продолжила вращаться затягивая длинные витки тумана за собой.

Быки тревожно замычали, а затем последовал ужасный булькающий звук, сопровождаемый треском ломающегося дерева и воплями испуганных женщин и детей.

- П-п-путник? - более слабым и промерзшим голосом спросил Бодвар – Ты покинул нас?

- Тише, Ваасец, или у меня не останется повода, чтобы оставаться здесь. - крикнул Мелегонт в ответ – Я работаю так быстро как могу.

Судя по последовавшим неугомонным голосам, его заверение мало что дало клану Болотного Орла. Мелегонт снова призвал их к терпению. Пока он ожидал, когда его первое заклинание закончит свою работу, он подготовил себя для боя, окружая волшебной бронёй и чарами отклонения заклинаний, заготавливая могущественные слова атаки и накладывая чары, что позволили бы ему двигаться и плавать в болоте с одинаковой лёгкостью. К тому времени как он закончил, его заклинание истончило туман настолько, что он смог разглядеть длинную вереницу завязших Ваасцев, и перегруженные телеги, петляющие в сторону отдалённой, серой, зубастой горной цепи. Конец колонны был, возможно, на расстоянии двухсот шагов, а за ней, ещё в пятидесяти шагах он разглядел коричневую ленту брёвен опять возобновлявшейся дороги.

Вместо того чтобы выглядеть удивлённо и благодарно, Бодвар и такие же как и он сам, бородатые воины всматривались в небо с выражением тревожного ожидания. Те, кто был с мечами, держали своё оружие наготове, в то время как женщины и старики на телегах натягивали луки и поднимали копья. Мелегонт осмотрел облака вокруг и не увидел ничего за исключением снежных туч – затем услышал два громких хлюпающих звука - когда ещё пару воинов затащило в жижу. Он подошёл к концу бревенчатой дороги и вытянул руку.

Убедившись, что там достаточно света чтобы вызвать тень, он повёл своей рукой в сторону, пока тёмная нить не остановилась на Бодваре. Хотя двадцать шагов всё ещё разделяло их, туман был настолько прозрачным, что Мелегонт смог разглядеть, что с сапфирно-голубыми глазами и волосами цвета кровавого камня, Бодвар был привлекательным по Ваасским стандартам.

- Ты вызвал это прояснение, Путник? - спросил Бодвар.

Мелегонт кивнул, затем соврал: - Я предпочитаю видеть то, с чем сражаюсь.

На самом деле ему было гораздо комфортнее сражаться во тьме, чем при свете, но если он не хотел давать Ваасцам повода, для раздумий над природой своей силы, была неплохая вероятность того, что они окажутся, недостаточно знакомы с нездешними заклинаниями, чтобы подумать, что он использует обычную магию. – Бой движется быстрее.

- В самом деле - ответил Бодвар. - Надеюсь что не слишком быстро. Есть причина, по которой болото Горной Тени проходимо только в лёгкий туман.

- Что за причина? - нахмурившись, спросил Мелегонт.

- Уже в пути.

Бодвар поднял руку – ту, что не была затянута в болото – и указал на запад. Ближайшие вершины стали достаточно различимы, чтобы напоминать ряд заснеженных клыков, и с их вершин, увидел Мелегонт, по кривой, летело несколько рядов бледных точек.

- Гриффыны? - спросил он. - Или виверны?

- Увидишь.

- Ну, по крайней мере, это не драконы. - сказал Мелегонт – Со всем остальным я справлюсь.

- Ты высокого мнения о себе, Путник.

- Чего и тебе рекомендую. - ответил Мелегонт.

Вместе с этим он произнёс несколько магических слов, и тень, которую он проложил через болото, расширилась до размеров достаточных для прогулки по ней пешком. Мелегонт сошёл с брёвен и, продолжая держать вытянутую руку, двинулся по тени. Чтобы избежать исчезновения дороги в момент его продвижения вперёд, он произнёс заклинание стойкости – в это время мокрый торф за его спиной взорвался с булькающим звуком.

Мелегонт обернулся, чтобы увидеть пару перепончатых лап, цепляющихся за край его теневой дороги, а между ними скользкую голову рептилии, готовящуюся к атаке. Лицо рептилии было весьма широкое и походило на лягушачье, кроме того мёртвые, чёрные глаза застыли на ноге Мелегонта, а губы раскрылись, обнажая, рот полный острых, как иголки зубов. Он опустил руку и произнёс магическое слово силы, выпуская ледяной чёрный заряд, который проделал отверстие размером с кулак в голове существа. Лапы разжались, и бездыханное тело соскользнуло обратно в жидкое болото.

- Что это была за магия? - открыв рот от изумления, спросил Бодвар, наблюдая с расстояния в несколько шагов впереди.

- Южная магия.- соврал Мелегонт. Он остановился рядом с Ваасцем и наклонился, протягивая тому руку – Ты бы не понял этого.

Бодвар не торопился взяться за смуглую руку теневого мага.

- Кто бы понял? - потребовал он – Мы не настолько отстающие здесь в Ваасе, как ты мог подумать. Мы знаем о тёмной магии Тэя.

Это рассмешило Мелегонта.

- Вы и понятия не имеете.

Он произнёс быстрое заклинание, и щупальца тьмы выстрелили с кончиков его пальцев, опутав запястье Ваасца.

- А теперь выбирайся оттуда. - сказал Мелегонт - Ты заключил сделку.

Мелегонт выпрямился и призвал щупальца обратно, вытягивая Бодвара за руку. Где-то под слоем торфа раздался глухой хлопок и Ваасец закричал. Хотя Мелегонт и был абсолютно уверен в том, что только что вывернул плечо вожака, он продолжал тянуть – на самом деле тянуть ещё сильнее. Бодвар кричал так громко, что болотные люди гонялись бы за ним как собака за кошкой. Ваасец не сдвинулся с места, хотя Мелегонт и тащил с достаточной силой, чтобы оторвать руку, это не освободило бы Бодвара из тисков промёрзшего болота. Он прекратил тянуть. Бодвар продолжил стонать – хотя и тише, чем когда он кричал – и длинный гребень вздымающегося торфа начал ползти в сторону вожака. Мелегонт указал пальцем на верхушку хребта и произнёс магическое слово. Луч чёрной тени прошёл сквозь торф. Существо находилось слишком глубоко, чтобы он смог увидеть, достигла ли атака цели, но гребень перестал двигаться в сторону Бодвара.

- Тихо. - настойчиво посоветовал Мелегонт - Посмотри, сможешь ли ты освободиться от ботинок и штанов.

Бодвар перестал стонать, чтобы бросить на Мелегонта недоверчивый взгляд.

- Мои штаны? Мои штаны из драконьей чешуи?

- Ты должен избавиться от постоянного засасывания в болото. - объяснил Мелегонт – Твои штаны или твоя жизнь.

Бодвар вздохнул, но попытался засунуть под торф свою свободную руку.

- Можешь до них дотянуться? - спросил Мелегонт.

- Нет, не могу... - глаза Бодвара внезапно расширились, затем он закричал – Тяни! Тяни!

Мелегонт почувствовал, что Ваасца затягивает вниз и начал тащить в противоположную сторону. Ваасец взвыл от боли и гнева, его тело билось и извивалось, когда он пытался освободиться. Затем последовал треск похожий на ломающуюся кость, и, в конце концов, освободившись, Бодвар поднялся над болотом без ботинок и штанов, но с кинжалом в руке и поясом от меча, перекинутым через плечо.

Мелегонт бросил взгляд на покрытую илом фигуру, скользнувшую в образовавшееся отверстие в торфе, со штанами Ваасца торчащими из угла её улыбающейся пасти, затем болото затянулось и скрыло её из виду. Мелегонт швырнул теневой заряд вслед за ней, но было непонятно, попало ли его заклинание в цель или растворилось в бездонных, глубинах так никуда и не попав.

- Проклятая дышащая грязью тварь! - поклялся Бодвар – Посмотри, что она сделала с моим мечом!

Мелегонт опустил Ваасца на теневую дорогу и, осмотрев, увидел, что мужчина голый ниже пояса, с повисшей, вывернутой из плеча рукой, неуклюже держащий здоровой рукой ножны сильно поврежденного меча.

- И как мне с этим сражаться?

- Сражаться? В твоём-то состоянии?

Мелегонт посмотрел в сторону гор и увидел, что удалённые точки, сформировались в V образные линии, пикирующие на болото, где большая часть клана Болотного Орла была всё ещё в ловушке. Он открыл свою накидку и достал из ножен собственный меч, тонкое лезвие которого походило на чёрное стекло.

- Воспользуйся этим. - сказал Мелегонт – Но осторожнее. Он режет гораздо легче, чем тот кусок железа, к которому ты привык.

Бодвар только взглянул на оружие.

- Я воспользуюсь своим кинжалом. - сказал Ваасец – Эта штука разлетится, как только я...

- Вряд ли.

Мелегонт провёл своим мечом по кинжалу Бодвара и врезался в него так, словно тот был сделан не из калёной стали, а из дерева, затем вытащил обрубок из рук ошарашенного Ваасца и заменил его рукоятью своего оружия.

- Будь осторожен, не отруби себе ногу.

Бодвар закрыл отвисшую челюсть, одна рука всё ещё безвольно весела сбоку, шагнул за Мелегонта и срубил головы двум болотным людям, появившимся из торфа за ним.

- Подойдёт. - сказал он. Не смотря на явную боль в вывихнутом плече, Ваасец даже не стискивал зубы, когда говорил – Спасибо за одолжение.

- Считай что это подарок. - ответил Мелегонт, поворачиваясь к остальному клану. – Я редко им пользуюсь.

К разочарованию Мелегонта, болотные люди далеко не бездействовали, пока он спасал Бодвара. Половина воинов, застрявших к его приходу, уже исчезли под поверхностью, в то время как женщины и старики с трудом сдерживали дюжины болотных людей пытающихся взобраться на грузовые телеги с рыдающими детьми. Мелегонт вытащил пригоршню теневого шёлка из своей накидки и бросил в сторону тележек, затем растопырил пальцы и покачал ими, словно стуча по поверхности. Темная пелена накрыла шесть крытых повозок и все кого она коснулась – болотных людей и Ваасцев в том числе – немедленно уснули.

- Как ты это сделал? - потребовал Бодвар – Заклинание сна не действует на болотных людей!

- По-видимому, ты заблуждаешься. - Мелегонт вытянул руку в сторону ближайшей телеги, приближая теневую дорогу на расстояние трёх шагов от сиденья кучера – А ты думаешь...

Бодвар уже бежал по теневой дороге с позаимствованным мечом в руке. Добежав до конца, он в диком прыжке перелетел через рога завязших буйволов и, оттолкнувшись от их наполовину погруженных спин, приземлился между дремлющим кучером и стариком, завалившимся за ней. Несмотря на предостережение Мелегонта, обращаться с оружием аккуратнее, он начал расправляться со спящими болотными людьми с рвением, которое не оставляло сомнений в его примитивности владения оружием. Мелегонт увидел, как тот разрубил пополам на уровне пояса, двух врагов и расщепил три доски повозки, перед тем как не в силах больше смотреть переключил своё внимание на завязших воинов.

Ближайший из них исчез под поверхностью, как только Мелегонт приблизился, оставшиеся двое тревожно закричали. Видя, что ему не спасти и дюжины из оставшихся воинов, он бросил свою верёвку на поверхность и произнёс длинное заклинание. Дальний конец сам собой поднялся из торфа, и чёрная верёвка начала ползти вперёд. Он указал на ближайшего воина, и верёвка поползла в сторону мужчины.

- Как только верёвка пройдёт рядом...

Это было все, что требовалось сказать Мелегонту. Первый воин схватился за верёвку, выскальзывая из штанов, позволяя ей себя вытянуть. Он проскользил по поверхности около трёх шагов, затем перевернулся на спину и начал рубить что-то под поверхностью своим мечом. Видя, что, по крайней мере, у него есть возможность защищаться, Мелегонт направил верёвку к следующему воину, который также вылез без штанов и ботинок, и уже два Ваасца колотили своего невидимого преследователя. Казалось, что они уничтожат его через дюжину ярдов, к тому времени у Мелегонта на верёвке было на трое воинов больше, и двоих из них преследовала выросшая из болота фигура, просто перемещающаяся под поверхностью. Он направил верёвку к своей теневой дороге и использовал последний тёмный заряд, чтобы убить одного из их преследователей, а воины

позаботились о втором, прежде чем отцепиться от верёвки и ринуться на помощь Бодвару в обороне повозок.

Мелегонт взглянул в сторону гор. К его тревоге, летящие вдалеке создания были настолько близки, что он смог различить не только белые туловища под крыльями, но и их кривые ноги, и изогнутые мечи. Кем бы ни были эти создания – а подобных он не встречал за полтора века путешествий – они были столь же быстры как баатезу. Он только надеялся, что они не были столь же искушены в уничтожении теневой магии как демоны бездны.

Мелегонт ещё раз забросил спасательную верёвку, и ему удалось вытащить ещё шестерых воинов, прежде чем болотные люди затянули остальных. Тем не менее, его не радовало то, что он потерял так много - около двадцати – Ваасцы стойко переносили потери, останавливаясь только чтобы пробормотать неразборчивое слово благодарности, перед тем как присоединиться к Бодвару и своим товарищам в обороне женщин и детей.

Видя, что больше ничего нельзя сделать, он собрал свою верёвку и повернулся к завязшим повозкам. Вместе со спасёнными им, полуобнажёнными воинами, прибежавшими на помощь, женщины и старики сдерживали болотных людей, проявляя удивительное мастерство и отвагу. Тем не менее, как бы хорошо они ни сражались, было очевидно, что самым юным и самым старым членам клана, не хватало проворности, чтобы перепрыгивать от повозки к повозке – особенно через головы паникующих быков – как это делали воины.

Мелегонт устремился вдоль каравана, располагая свою теневую дорогу достаточно близко, чтобы Ваасцы могли спрыгнуть с повозок на дорогу за его спиной. Болотные люди удвоили свою атаку, выстраиваясь вдоль дороги практически сплошной стеной. Но все члены клана Бодвара были столь же хорошо обучены и дисциплинированы, как и его воины, и с лёгкостью отразили атаку. Хотя Мелегонт так и не понял, почему болотные люди не использовали свою магию гниения на самих повозках, он почувствовал от этого облегчение. Возможно, заклинатель исчерпал свой магический запас или чтение заклятья отняло бы слишком много времени.

Завязшие быки заревели, моля о помощи, которой не суждено было прийти, когда их хозяева проносились мимо. Если бы у него было время, Мелегонт конечно смог бы освободить животных и спасти груз в повозках, но дела обстояли так, что он должен был постараться больше не терять их хозяев. Приблизившись к концу каравана, он был шокирован тем, что болотные люди не утащили ни одного из животных в упряжке. Чтобы не послужило поводом для атаки Болотных Орлов, это больше походило на желание истребить клан, чем на простой голод.

Мелегонт был в двадцати шагах за последней завязшей повозкой, когда трое болотных людей всплыли перед ним, хватая его за ноги своими перепончатыми лапами. Он прострелил того что был по середине теневым зарядом, затем услышал как крючковатые когти скребут магическую броню, в то время как двое других попытались подсесть его ноги. Он опустил каблук своего ботинка на покатый лоб и услышал громкий хруст проломившегося черепа, затем он поймал другого атакующего за руку и рывком вытащил из торфа. За исключением того что болотный человек был покрыт склизкими коричневыми чешуйками и имел

плоский, как у лобстера, хвост вместо ног и ступней, он выглядел более или менее человекообразно, с мощными плечами и пупком, который свидетельствовал о том, что он скорее родился нежели вылупился.

Он несколько раз хлестнул Мелегонта свободной рукой. Когда после нескольких попыток его когти, всё также отскакивали от теневой брони мага, не причиняя вреда, он остановился и открыл рот, пуская в ход длинный усеянный шипами язык так быстро, что Мелегонт едва хватило времени на то, чтобы откинуть голову в сторону спасая свой глаз. Он поймал язык существа, когда тот устремился обратно в рот, затем крутанулся, чтобы обнаружить Бодвара и остальных членов клана уставившихся на него с одновременным выражением благоговения и ужаса.

- Не стойте просто так. - скомандовал Мелегонт – Убейте его!

Только Бодвару хватило обладания подчиниться, рубя создание поперёк пояса так сильно, что одолженный им меч прошёл на расстоянии толщины волоса от живота Мелегонта. Наблюдая за косым ударом жоака, Мелегонт оттолкнул безжизненное туловище, затем указал на длинную вереницу болотных людей поднимающихся из торфа позади стоящих с открытым ртом Ваасцев.

- Закройте ваши рты и посмотрите на врага!

Не дожидаясь пока кто-нибудь подчиниться, он протянул теневую дорогу на оставшееся до бревен расстояние и направился к этой, сравнительно устойчивой опоре на дороге.

У болотных людей не было иного выбора, как прекратить наступление, всё, что нужно было сделать Ваасцам, чтобы оказаться в безопасности, так это отступить на середину дороги, где они будут вне досягаемости.

Совсем другим делом были существа, летящие с гор. Расстояния в несколько сотен ярдов, хватило, чтобы Мелегонт смог различить чешуйчатые белые тела с остrokонечными хвостами, а также грубые, морщинистые морды ящеров, изогнутые рога и огромные жёлтые глаза. Одно из созданий, бросило что-то в их направлении и начало вырисовывать магические пасы.

Мелегонт размял кусочек теневого шёлка между своих ладоней, затем бросил его в сторону приближающихся драконо-людей и произнёс несколько слов на древне Нетерийском. Расплывчатый диск тьмы появился между двумя группами и закололся чёрными щупальцами тьмы, устремлёнными в небо, но Мелегонт не достаточно быстро установил свой щит. Он почувствовал знакомое размягчение под ногами, и, крича, Ваасцы в панике побежали по дороге. Это было как раз то, чего делать не следовало. Гниющие бревна быстро развалились, погружая всё племя по колено в зыбучий торф. В попытке распределить свой вес и замедлить погружение, они немедленно упали на животы и развели в стороны руки. Всё ещё стоя на поверхности болота под воздействием заклинаний, которые он наложил перед боем, Мелегонт выругался и снова проложил теневую дорогу, затем повернулся, чтобы встретиться с драконо-людьми.

Их нигде не было видно, по крайней мере, поблизости от его магического щита. Извлекая очередную прядь теневого шёлка из своего кармана, Мелегонт медленно поворачивался вокруг – как и предполагалось – обнаружив их, летящих со стороны солнца. Мелегонт позволил себе натянутую улыбку. Они были мудры, чтобы уважать его способности – гораздо мудрее, чем другие, более известные враги на

юге. Он бросил теневой шёлк в небо и произнёс одно из своих более мощных заклинаний. Целая четверть неба пролилась дождём теневых слёз. Вместо того чтобы скатываться, попадая на тело, эти капли, однако, цеплялись за всё, с чем соприкасались, вытягиваясь в длинные нити липкого чёрного волокна. В одно мгновение, целая стая людей-драконов была спутана в вязкие шары тьмы и стремительно направлялась в болото. Мелегонт наблюдал достаточно долго, чтобы убедиться, что ни одно из летучих созданий не выберется, потом обернулся посмотреть, как Болотные Орлы рвутся на бревенчатую дорогу позади него. Поглядывая через плечо, они проделывали охранные жесты, которые предназначались для того, чтобы остановить демона, но Мелегонта они только заставили почувствовать себя одиноким и непонятым. Сдерживая горький смех, он направился через болото к Бодвару, и ещё троим отважным воинам, ждавшим его на краю дороги.

- Я сожалею о твоих потерях, Бодвар. - сказал он - Я бы смог спасти больше, но ты многого мне не сказал.

- И многого не сказал нам ты. - ответил Бодвар. Он повернул тёмный меч Мелегонта рукоятью вперёд и протянул его магу - Моя благодарность.

Мелегонт отмахнулся от него.

- Оставь его. Я уже сказал, что редко им пользуюсь.

- Я помню, что ты сказал. - ответил Бодвар - Но только глупец принимает подарки от дьявола.

- Дьявола? - рявкнул Мелегонт - Значит, вот как ты оплачиваешь мне за доброжелательность - оскорблениями?

- Правда не является оскорблением. - сказал Бодвар - Мы видели то, что ты сделал.

- Это была просто магия. - запротестовал Мелегонт - Южная магия, и если ты не видел ничего подобного...

- А теперь ты оскорбляешь нас. - сказал Бодвар, продолжая протягивать меч - Возможно, мы и отстали здесь в Ваасе от многих вещей, но мудрость таковой не является.

Мелегонт было возобновил свой протест, но осознал, что дальнейшая ложь только ещё сильнее разозлит Бодвара, а о раскрытии правды о Теневом Плетении, конечно, не могло быть и речи. Если ему и удалось бы избежать мгновенной смерти, то он навсегда лишился бы тёмной силы, которая так поразила Ваасцев.

Когда Мелегонт больше не предпринял попыток спорить, Бодвар продолжил - Мы выполним нашу часть сделки. - Он кивком указал на трёх воинов стоявших с ним.

- Это проводники, которых я обещал. Они проводят тебя в любое место Ваасы, куда ты пожелаешь.

Мелегонт было начал говорить, что больше в них не нуждается, затем задумался над этими словами и улыбнулся. - Куда угодно?

Бодвар выглядел не уверенно, но кивнул и сказал - Такова была наша сделка.

- Хорошо. В таком случае я хочу, чтобы они сопровождали меня туда, куда бы ни направлялся клан Болотного Орла.

Мелегонт забрал свой меч и добавил - И никаких фокусов, Бодвар. Я уверен, мы оба знаем, что, бывает с теми, кто нечестно играет с дьяволами - не так ли?

* * * * *

*Хайервестайд, год Рва
В тени вершин Драконо-Людей*

Бодвар вернулся на остров, как и предполагал Мелегонт, в конце дня, когда солнце уже медленно тонуло за вершинами Пиков Драконо-Людей, а горные тени легли вдоль холодного болота. То, чего маг не знал, так это того, что вожак приведёт с собой жену, красавицу с волосами цвета тёмной ночи и глазами такими же голубыми как чистое небо. Она казалась немного худее в талии, чем в прошлый раз, когда Мелегонт видел её, хотя об этом было довольно трудно судить, глядя на женщин Ваасы – чья фигура, обычно растворялась под всеми теми мехами, что они носили.

Мелегонт наблюдал, как они прокладывали свой путь по зигзагообразной, каменистой дороге, пока шипение металла за его спиной не потребовало внимания. Он осмотрел небо, чтобы убедиться, что никакие летающие создания не пикируют вниз, создавая им проблемы, затем надел огромную кожаную перчатку и вытащил длинную, узкую форму из печи, огонь в которой он поддерживал в течение трёх дней. В форме, на прослойке из жидкого олова, плавал меч, очень похожий на тот, который он одолжил Бодвару, десять дней назад – за исключением того что этот всё ещё был расплавлен и сверкал от накала.

Мелегонт поместил меч на подставку из льда – заморозки рано приходили в эту часть мира – и дождался, пока форма охладится. Убедившись, что холод опустит раскалённые элементы в нижнюю часть, он начал укладывать волокна теневого шёлка на расплавленное стекло, стараясь расположить их сначала вдоль, затем диагонально во всех направлениях и снова диагонально, чтобы оружие было прочным и гибким во всех направлениях. Наконец он воспользовался своим кинжалом, чтобы в очередной раз порезать ладонь, капая тёплой кровью на смесь и тихо нащёптывая древние слова, придавая мечу его магическую жажду.

К тому времени как с этим было покончено, меч достаточно затвердел, чтобы он смог поднять его с формы, и погрузить в бочку с мутной водой, расположенную рядом печью. Как только жар расплавил всю грязь, Мелегонт вытащил свой меч, положил его на подставку с раскалённым оловом другой стороной вниз и отправил форму обратно в печь. Таково было искусство тёмного клинка, нагревание и охлаждение по тысячи раз, покрытие тeneвым шёлком до тех пор, пока стекло не перестанет его принимать, и не начнёт сбрасывать как нечесаная собака.

Мягкий ботинок шаркнул о камень рядом с рабочей площадкой Мелегонта, затем Бодвар подал голос: – Я вижу ты всё ещё здесь, Тёмный Дьявол.

- Ты можешь судить об этом по дыму из моих печей. - ответил Мелегонт. Он опустил рукав своей накидки, чтобы спрятать порезы на руке, затем обернувшись, сердито посмотрел на вожака.

- Пришёл за мечом, да?

- Вряд ли. - сказал Бодвар. Он бросил беспокойный взгляд на девятнадцать мечей, выложенных на краю мастерской. Хотя, все они были уже закончены и

заточены, как бритва, они были бледнее, чем меч Мелегонта, с всё ещё просвечивающимися теньвыми волокнами в стекле. - Ты зря тратишь своё время.

- Разве? - Мелегонт деланно ухмыльнулся и добавил – Ну в таком случае, они будут здесь, когда понадобятся вам.

- Наша нужда никогда не будет столь велика.

Мелегонт не стал спорить, просто махнул рукой в сторону печи у себя за спиной и сказал – Это будет двадцатый. У тебя ведь осталось всего двадцать воинов, не так ли?

Вместо ответа, Бодвар, оглядел бардак, царивший на площадке, и покачал головой.

- Только дьявол может здесь жить в одиночестве. Это место продувается всеми ветрами.

- Это безопасное место для работы.

Мелегонт взглянул на молодую жену Бодвара и улыбнулся. Идона улыбнулась в ответ, но ничего не сказала. Хотя женщины Ваасы вряд ли были скромницами, он заметил, что большинство из них предпочитало хранить молчание в присутствии него.

Он снова посмотрел на Бодвара и сказал: – Болотные люди охраняют все подходы кроме одного, а драконо-людей легко обнаружить отсюда.

- Драконо-люди могут следить за тобой. - запротестовал Бодвар – А болотные люди, окружили тебя.

- Возможно, для Ваасцев это выглядит именно так. - Мелегонт опустил на колени и принялся подкладывать уголь в печь, из кучи, рядом за ней. – Лучший путь уничтожить врага, это вынудить его сражаться на своей территории.

Мелегонт потянулся рукой в перчатке к раскалённой, добела, кочерге, и Бодвар не думая попытался её схватить – потом вскрикнул от удивления, когда Мелегонт использовал волшебство, чтобы призвать инструмент к себе, уберегая того от ожога.

Идона захихикала, под смущенным, хотя и спокойным, взглядом, своего нахмурившегося мужа. Мелегонт покачал головой с наигранным раздражением от неуклюжести Бодвара, и она расхохоталась в полную силу.

- Вот видишь? - несерьёзно пожаловался Бодвар. – Вот что бывает, когда связываешься с дьяволами.

- Конечно мой муж, – сказала Идона – Этот бородатый, дышащий грязью жулик, постоянно спасает тебя от чего-нибудь.

- Как раз это, меня и беспокоит. - более серьёзным тоном сказал Бодвар.

Пытаясь не позволить подозрительной натуре Бодвара подорвать неожиданную открытость, выигранную у Идоны его юмором, Мелегонт поправил кочергой угли, а затем сменил тему.

- Кстати о дышащих грязью и спасении тебя, Бодвар, ты никогда не рассказывал, почему болотные люди и драконо-люди так яростно пытались истребить твоё племя.

- Пытались? - откликнулась Идона. – Они до сих пор пытаются. Ты думаешь, почему мы остаёмся в лагере по другую сторону той дороги? Если бы не ты...

- Идона! - резко сказал Бодвар.

Скрывая удовольствие за сдержанной улыбкой, Мелегонт оттолкнул кочергу в сторону – она так и осталась парить в воздухе – и стал подбрасывать больше угля в огонь.

- Я просто рад быть полезен, - Мелегонт остановил свой взгляд на Бодваре и добавил – Но это всё ещё не ответ на мой вопрос.

Бодвар покраснел и ничего не сказал.

- Ты собираешься ответить ему, дорогой Муж, - ухмыляясь, спросила Идона. – Или это стоит сделать мне?

Чем больше Идона говорила, тем больше она нравилась Мелегонту.

- Как бы то не было, Идона. - сказал Мелегонт. – Я бы предпочёл услышать это от твоего...

- У меня была идея, - начал Бодвар – Я хотел построить форт.

- Форт? - спросил Мелегонт.

Он перестал подбрасывать уголь и встал.

- Для караванов с сокровищами. - сказала Идона, закатывая глаза. – На самом деле он предполагал, что иноземцы хорошо заплатят нам за возможность переночевать под крышей над головой.

- И чтобы получить охрану. - защищаясь, добавил Бодвар. – Когда мы на охоте, они всегда просят нас поделиться лагерем и огнём.

- Так они платят? - потребовала Идона.

- Конечно нет, кто будет платить за то, чтобы испачкать собственную палатку? - нахмурившись ответил Бодвар.

- Понятно. - Мелегонт заметил, что ему сложно скрывать удовольствие в своём голосе. По крайней мере, он нашёл что-то, что способно побудить Бодвара, принять помощь от «тёмного дьявола». – Но Болотные люди и драконо-люди охотятся на караваны, и, наверное, занимаются чем-то ещё?

Бодвар кивнул и сказал: – Драконо-люди разграбили наш первый форт, когда он был на половину завершён, а во время нашей попытки уйти на юг, в более защищённое место... ну ты сам видел что из этого вышло.

Идона взяла его за руку.

- Мы всё равно достаточно состоятельны. - сказала она. – Кто захочет жить на одном месте целый год? А что будет, когда двинется стадо?.

- В самом деле, что? - отстранённо спросил Мелегонт.

Он смотрел через его плечо, в сторону гранитной вершины, своего острова.

В ясный день, через всё болото, было возможно увидеть место, где заканчивалась бревенчатая дорога – или начиналась, если караван с сокровищами двигался со стороны гор. Если он мог видеть дорогу, то любой, кто находился на ней, мог видеть вершину острова.

- Мелегонт? - обратился к нему Бодвар.

Осознавая, что он не обращал внимания, Мелегонт оторвал свой взгляд от вершины и повернулся обратно к Бодвару.

- Извини, - сказал он. – О чём ты говорил?.

- Он приглашал тебя, присоединиться к нашему торжеству. - сказала Идона. – Сейчас Хайервестайд, на случай если ты потерял счёт времени.

- Это идея Идоны. - добавил Бодвар, хотя, его дружелюбный тон говорил о том, что он серьёзно не возражал. - Она предложила это, только из соображений вежливости.

- Это не больше того чем мы обязаны тебе. - добавила Идона хмурясь на Бодвара.
- Принимая во внимание всё, что ты сделал для нас.

- Всё что я сделал для вас? - Мелегонт отмахнулся. - Это пустяки, но я действительно не могу к вам присоединиться. Возможно в следующий Хайервестайд.

- В *следующий* Хайервестайд?

Бодвар угрюмо посмотрел на печь, где лежал последний меч на подставке с шипящим оловом.

- Если ты собираешься присматривать за этим мечом, то ты можешь спокойно идти, потому, что...

- Это не меч. - сказал Мелегонт. - Меч будет готов к сумеркам. Я должен отдохнуть сегодня ночью. Завтра мне предстоит тяжёлый день.

- А потом ты уйдёшь? Если да, то прихвати свои мечи с собой, потому, что они будут только...

- Я не собираюсь уходить. - Мелегонту пришлось повернуться к гранитной вершине острова изо всех сил пытаясь сдержать улыбку. - Завтра я начну работу над своей башней.

- Башней? - повторила Идона.

- Да, - наконец взяв под контроль свои эмоции, Мелегонт обернулся. - Для наблюдения за караванами с сокровищами.

Но Мелегонт знал, что этой ночью ему будет не до отдыха. Он прочитал в тенях заката, что это будет тот вечер, когда клан Болотного Орла двинется на остров вместе с ним. Предсказания подтвердились вскоре после сумерек, когда одобренное медовухой празднество было прервано звоном сторожевого колокола. Мелегонт зажёл сигнальный маяк, который он приготовил для этого случая, затем направился к передней стороне рабочей площадки, чтобы оценить ситуацию. Облако белых фигур опускалось с вершин Драконо-Людей, их крылья отливали серебром в лунном свете, пока они пикировали по спирали к краю болота. Их маги уже бросали магические заряды и шары золотого пламени в Болотных Орлов, но оставшиеся воины заботились о предупреждении контратак, заслоняя магов от острова Мелегонта. Редкие очереди стрел начали взлетать в ночное небо со стороны лагеря Бодвара, падая вниз немного не долетая до своих целей.

Мелегонт распростёр свои руки и заколдовал над лагерем теневой туман, больше для того чтобы помешать Болотным Орлам напрасно тратить своё время и стрелы, чем остановить драконо-людей. Они до сих пор не забыли тот липкий дождь, который он наслал на них над бездонными болотами – половина из них завязла и потонула под слоем торфа – поэтому они предоставили туману простор, направляясь на предгорье, на дальней стороне лагеря.

Оставив Болотных Орлов отбиваться самостоятельно, он переключил своё внимание на то, что, по его мнению, должно было быть, второй частью плана драконо-людей и обнаружил группы болотных людей скользящих наверх, пытаясь перегородить каменистую дорогу, ведущую к нему. Женщины клана уже отважно рвались вперед, чтобы встретить их, Идона и несколько других женщин были

вооружены железными мечами и древесными топорами, но у большинства не было ничего смертоноснее заточенных копий и деревянных дубинок, настолько лёгких, что Мелегонт смог бы сломать их об колено.

- Остановитесь!

Ваасский язык Мелегонта достаточно вырос за прошедшие несколько месяцев, чтобы Идона правильно поняла его команду и призвала своих сестёр остановиться. Он указал на отверстие в центре теневой дороги и произнёс единственное магическое слово. Крутящееся колесо из чёрных щупалец вырвалось из дыры, и порубило болотных людей на тысячи кусочков скользкой плоти, а затем затянулось обратно в дыру.

- *Теперь* вы можете идти. - окрикнул их Мелегонт, используя магию, чтобы направить свой голос. – И приведите своих глупых мужей, или Хайервестайд будут праздновать только драконо-люди.

Идона в подтверждение подняла свой меч и отослала остальных женщин вперёд с детьми, затем ринулась обратно в укутанный тенью лагерь. Мелегонт с нетерпением ждал её возвращения. Казалось, это займёт целую вечность, и он боялся, что оставшиеся в живых болотные люди наберутся храбрости быстрее, чем ей удастся убедить своего мужа отступить на безопасный остров. Наконец по двое и по трое, воины, пошатываясь, стали выходить на каменистую дорогу, зачастую поддерживая, а иногда и неся друг друга. Поначалу Мелегонт подумал, что вечернее *веселье* просто проходило быстрее, чем он предполагал, но потом заметил, что у одного из мужчин нет руки, а у другого что-то болталось на уровне щеки, видимо, глаз.

Бодвар шёл последним рядом с Идоной, держащей охапку колчанов в одной руке и щит в другой, поочередно подавая стрелы своему мужу и загораживаясь от мерзких шипов, летящих в них, откуда – то из глубины лагеря. Мелегонт позволил им дойти, таким образом, до ближайшего крутого изгиба, затем произнося магические слова, указал на кривую расщелину в глыбе отделявшей дорогу от берега.

Стена слабо переплетающихся теней появились в разломе, перекрывая дорогу от лагеря Ваасцев. Бодвар и Идона повернулись и помчались в сторону острова, двигаясь столь быстро, что едва не пропустили следующий поворот. Только быстрые ноги Идоны – и ещё более быстрые руки – удержали Бодвара от падения с края и погружения в холодное болото. Следующий поворот они прошли осторожнее, затем достигли острова и присоединились к остальным.

К этому времени первая волна драконо-людей, низко летала вокруг да около теневой стены, по другую сторону каменистой дороги, оставаясь на небольшом расстоянии, пытаясь не стать мишенями. Это была большая ошибка. Как только они пролетели рядом, сплетающиеся тени бросились, словно змеи, оплетая всё, до чего дотягивались. Всё чего они касались, испарялось, и вскоре на берег и в болото пролился дождь из рук, ног, крыльев и даже голов.

Преследование драконо-людей резко остановилось, и женщины, и дети клана Болотного Орла хлынули на рабочую площадку. Мелегонт направил их в пустое убежище, которое он проделал за стеллажом с мечами. Когда он вернулся обратно к битве, щупальца из его невидимой стены бросились вперёд тремя отдельными

потоками, каждый из них, вращаясь, направлялся в сторону небольшого скопления драконо-людей парящих над деревней. Вращающиеся конусы расправились с завесой воинов также легко, как и с преследователями - мгновением раньше - затем покромсали заклинателей, которых те пытались заслонить.

- Попробуете рассеять *моё* волшебство, а? - Мелегонт крикнул на древне драконьем. – Идите сюда. У меня здесь есть больше подобных штучек!

Последние несколько драконо-людей утонули в тени и испарились. По началу, Мелегонт испугался, что он действительно отбил атаку настолько легко. Воины начали добираться до его мастерской и проверять свои семьи. Раздалось несколько истошных криков, полных боли, и тревожных окликов пропавших детей, но с помощью Мелегонта, Ваасцам удалось избежать больших потерь при своём отступлении. Трое воинов, чьи раны не позволяли сражаться дальше, были отданы лечащей колдунье клана, потом пришли Идона с Бодваром, оба тяжело дышащие, но целые и невредимые.

- Что же Дьявол, похоже, ты снова всех нас спас. - сказал Бодвар. – Нравится нам это или нет.

- Я живу, чтобы служить. - сказал Мелегонт, разведя руки в стороны.

Бодвар нахмурился и начал было резко отвечать, как кто-то завопил: - Чешуйчатые на востоке! И ещё и на западе! По меньшей мере, тридцать, летят низко над болотом!

Мелегонт метнулся к западному краю своей мастерской и увидел длинную линию драконо-людей приближающихся к острову, их белая чешуя сияла как слонобая кость, против тёмного торфа. Линия летящих обогнула остров сзади, судя по крикам за его спиной, и направилась к противоположной стороне. Клан Болотного Орла был окружён.

Стараясь сдерживать свою улыбку, Мелегонт обернулся к Бодвару и Идоне, стоящим позади него.

- Похоже, твоя вера в меня не оправдалась. - сказал Мелегонт. – Мои извинения, Бодвар.

- В этом нет необходимости. Я единственный кто наслал на нас это. - сказал Бодвар. Дрожащей рукой он указал в сторону приближающихся драконо-людей. – Просто сделай что можешь.

- Я сожалею, друг мой, но я не смогу сделать много. - Мелегонт говорил громко, чтобы убедиться, что ближайшим воинам уже собравшимся для подслушивания, их разговор будет отчётливо слышен. – Даже у меня есть предел.

- Предел? - прорычал Бодвар.

- Я не предполагал этого, моя магия практически исчерпана.

Тетивы затрещали по всему периметру мастерской, но их было немного, и наконечники стрел были слишком мягкими, чтобы развернуть драконо-людей.

Мелегонт вытащил свой чёрный меч, отошёл от края и сказал: - Но я всё ещё могу отлично себя проявить.

Как он и надеялся, вид меча поддержал вдохновение.

- Чёрные мечи! - закричала Идона, поворачиваясь в сторону стеллажа. – Они уравниют...

- Нет, - хотя это и было сказано спокойно, но голос Бодвара звучал на удивление властно и внушительно. – Из всех женщин племени, Идона, ты должна знать лучше. Подарок дьявола, не подарок вовсе.

Идона выглядела так, будто хотела заспорить, но её уважение к мужу – и к её предводителю – было слишком велико. Она прикусила язык и указала на скрытое убежище.

- В таком случае нам лучше отступить. - сказала она. – Пока у нас не осталось ничего, что можно защищать.

Бодвар отдал приказ, и драконо-люди были над ними, стремясь к мастерской со всех сторон. Они влетали прямо в центр, вонзая в своих ошеломлённых врагов копьё с железными наконечниками и полагаясь на свой размер и скорость в достижении цели.

Полдюжины человеческих голосов закричали от боли в первые несколько мгновений, затем вторая волна обрушилась с вершины острова, и становилось ясно, что у Ваасцев нет ни малейшего шанса. Когда им удавалось сдерживать удары, их хрупкие оружия отскакивали или ломались о толстую чешую драконо-людей.

Ваасцы всё ещё сражались довольно отважно, упорядоченно отскакивая назад в сторону убежища за стеллажом, защищали друг друга и атаковали в глаза, подмышки и другие уязвимые места противника, если предоставлялась такая возможность.

И Мелегонт быстро втянулся в сражение. Защищённый аурой непроницаемой тени и вооруженный мечом, способным разрубить любую броню, существующую в Фаэруне, он, вращаясь, пронёсся через ряды драконо-людей, отрубая то ноги, то рогатые головы, увертываясь от копий и когтей с ловкостью Мастера Меча дроу.

Одному из огромных ящеров удалось зажать его сзади в медвежьем объятии, оторвав от земли и блокируя руки так, что было невозможно воспользоваться мечом. Возможно, планируя отнести и сбросить его навстречу смерти в болото, существо расправило свои крылья и взмыло в воздух. Мелегонт ударил атакующего затылком в нос, сплющив его и вгоняя костные рога прямо в мозг существа. Когда он приземлился обратно, остальные драконо-люди, спотыкаясь друг о друга, отправились искать другую жертву.

Затем это произошло.

Тройка драконо-людей обнаружила скрытое убежище и, разбросав в стороны, своими мощными крыльями пару защитников, ринулись к детям. Первый воин поднялся на ноги и бросился вслед за ними, разбивая свой хрупкий меч о толстый череп рептилии.

Другой Ваасец схватил один из стеклянных мечей Мелегонта. Он выбил ноги из под первого драконо-человека, затем с развороту раскрошил позвоночник второго и сзади вогнал клинок в сердце третьего. Как только последний ящер упал на колени, воин открыл рот, мучительно пытаясь вздохнуть. Он попятился назад, хватаясь за сердце, а одна из женщин, находившихся в убежище, отчаянно закричала его имя. Но он не упал. Вместо этого его волосы и борода стали белыми как снег. Загар отлил от лица, и кожа стала такой же бледной как слоновая кость, глаза стали такими же чёрными и безжизненными как у болотных людей, а меч в его руке потерял свою

прозрачность. Он был таким же чёрным и блестящим как у Мелегонта, без единого намека на пряди теневого шёлка закованные внутри.

Драконо-человек отпрянул от дикого вращения, нанося удар в сердце воина деревянным копьём. Ваасец взмахнул своим мечом, блокируя удар, разрубая древко, будто это была простая ветка, затем холодно улыбнулся и, рубанув противника поперёк груди, отправился искать новых жертв.

Его успех вдохновил схватить один из мечей другого воина и женщину, защищавшую своих детей от драконо-людей. Они убили первых врагов и подверглись такой же трансформации, как и первый воин, схвативший меч, и тоже отправились прорубать дорогу среди рядов, атакующих ящеров. Дюжина драконо-людей взметнулась в воздух, направляясь к стеллажу со смертоносным оружием. Они были встречены равным количеством Ваасцев, выхвативших с подставок мечи и пустивших их в дело.

Бодвар подошёл к Мелегонту, и чуть было не лишился руки, по ошибке схватив без предупреждения плечо мага.

- Останови их!

- Как? - спросил Мелегонт. Он заметил трепещущее крыло над своим плечом, затем отрубил его, нанеся противнику резкий удар. – Это их выбор. Им лучше остаться в живых, чем умереть.

- Но не жить в твоей власти! - возразил Бодвар. – Ты подстроил это!

- Не подстроил. - ответил Мелегонт. Он указал ладонью рядом с головой разъярённого Ваасца, и поразил потенциального противника тeneвым зарядом. – Ты очень щедро расплатился за свой долг.

- А ты нет. - сказал Бодвар. Ваасец подошёл ближе, и Мелегонт почувствовал, как кончик меча упёрся ему в спину. – Освободи мой клан.

Мелегонт сердито посмотрел на вожака и сказал: – В данный момент у тебя есть враги похуже меня.

Полагаясь на свой теневой доспех, он шагнул назад и свободной рукой ударил по железному мечу: – Если хочешь освободить их, сделай это сам. Всё что тебе нужно сделать, это убедить их оставить мечи.

Мелегонт оттолкнул вожака и вернулся обратно к битве. Казалось что Ваасцы, в большинстве, вооружённые стеклянными мечами, держали ситуацию под контролем. Драконо-люди вытеснялись из убежища, и даже когда они предпринимали попытку, используя крылья перелететь защитников, их встречал шквал мерцающей тени. Наконец они сдались и улетели – по крайней мере, кто смог. Но дюжины ящеров со сломанными или разрезанными крыльями, которые уже не могли поднять их в воздух, оставались вокруг, всё ещё в состоянии сражаться и достаточно разъяренные, чтобы делать это хорошо. Ваасцы быстро принялись разбираться с ними, сбивая их в плотный круг и тесня к обрыву на восточной стороне площадки. Видя, что остался лишь один меч, Мелегонт оставил их разбираться самостоятельно, тихо подошёл к стеллажу и засунул последний меч в пустые ножны – как раз в этот момент Бодвар снова решил выступить с призывом.

- Мои воины, посмотрите друг на друга! - призывал он. – Видите, что сделало с вами дьявольское оружие Мелегонта?

Мелегонт вздохнул и в смирении покачал головой. Если бы Бодвар не был таким упёртым и уверенным в себе, подумал маг, он вряд ли стоил бы всех этих трудностей. Он обернулся, чтобы видеть как вожак и его преданная жена стоят позади своих воинов, Идону держащую завернутую в накидку охапку железных мечей, которые Бодвар не слишком успешно пытался вложить в руки своих соплеменников.

- Закончите сражение своим собственным оружием! - сказал он.

Один из взявших меч, Мелегонт подумал, что первый, нахмурился.

- Зачем нам это делать? - он поднял свой тёмный меч и сказал. – Эти гораздо лучше.

- Лучше?

Бодвар бросился к мечу – и был опрокинут на землю мощным ударом локтя в лицо.

- Этот принадлежит мне. - сказал воин.

- В самом деле? - Идона швырнула охапку железных мечей на землю. – Или это ты принадлежишь ему?

Она посмотрела через плечо, и от её взгляда у Мелегонта по спине пробежал холодок, затем ухватила своего мужа под руки.

- Пойдём, Бодвар. - она подняла его на ноги и развернулась, собираясь уходить. – Мы больше не Болотные Орлы.

- Уходите? - выдохнул воин, который ударил Бодвара. Он на мгновение посмотрел на свой тёмный меч, а когда недовольный шёпот среди его товарищей стал расти, опустил оружие. – Подождите.

Мелегонт выругался на Идону за этот неблагодарный ход, и, собираясь с мыслями, чтобы как-то решить эту ситуацию, двинулся вперёд. Как обычно теми, кто спас его были драконо-люди. Все как один они ринулись на отвлечённых Ваасцев. В один миг пали первый взявший меч и другой воин, а площадка разразилась вихрем насилия ещё более беспорядочным и яростным чем первый. Мелегонт увидел, как пара ящеров метнулась в сторону Бодвара, и сразил первого тeneвым зарядом, но второй был слишком быстр. Он на ходу перекинул вожака через себя и набросился на Идону, затем полдюжины других схваток отделили молодую жену вожака от Мелегонта, и он потерял её из виду.

Мелегонт ринулся, вперёд размахивая мечом и сея тень, но бой оказался столь же безумен и беспорядочен, как и быстр. Перед тем, как он снова смог найти Бодвара, ему пришлось убить двоих драконо-людей и использовать заклинание теневой хватки, чтобы не разбиться о скалы у основания собственного утёса. Найдя вожака, он пожалел о том, что ему так ловко удалось спастись. Бодвар стоял посреди кровавой груды из Ваасцев и драконо-людей, держа в руках два сломанных железных меча и осматривая место побоища взглядом полным ужаса.

- Идона?

Бодвар увидел дёргающуюся, под мёртвым драконо-человеком, женскую ногу, и ботинком откатил труп в сторону, но оказалось, что нога принадлежала другой женщине.

Он, молча, отвернулся от неё и снова позвал. – Идона?

- Там. - прохрипел кто-то. – Они схватили её.

Мелегонт обернулся в сторону говорящего, и увидел бледного воина, указывающего взятым мечом через всю площадку на кучку улетающих драконо – людей. Они только начинали спускаться к каменистой дороге, каждый из них с безвольно висящим телом Ваасца, перекинутым через плечо. Последним, было тело молодой жены Бодвара, её горло было вспорото, и голова болталась только на позвоночнике, а взгляд её глаз каким-то образом застыл на лице Мелегонта.

- Нет! - выдохнул Мелегонт. Он положил руку на плечо Бодвара. – Мне очень жаль Бодвар, сильнее всяких слов.

- Почему? Ты получил то, зачем пришёл. - сказал Бодвар. Он потянулся к ножнам Мелегонта и достал последний меч, затем погнался за драконо-людьми, чтобы отбить тело, своей мёртвой жены. – Ты получил свои двадцать душ.

ИГРА ЛЖЕЦА

Джессика Бивен

Год Звездапада (1300 ЛД)

На окраине города в Фазруне канализационная магистраль впадает в болото. Свет, проникающий внутрь, быстро рассеивается, и любой, кто входит, должен действовать на ощупь. Чем глубже, тем гуще становятся сточные воды. Они затягивают икры. Еще глубже, и мусор высыхает. Переходит мокромо к сухому подвергает сомнению факт, что вода должна стекать вниз. И все же канализация уходит еще глубже. Здесь покоятся останки: башмак с разлагающейся ногой, голова, прижатая к трубе, торчащей из пола, и еще что похуже. Без небесных тел, отмечающих его прохождение, время теряет смысл. Капля падает, а затем навсегда исчезает в прошлом. Трубы ведут в катакомбы. Звуки плача наполняют воздух. Из одного коридора исходит свет, он просачивается из стен. В этом зале обитают меняющиеся формы животных. Прутья и проволока удерживают их, подчеркивают их черты. Некоторые существа выглядят нормально — кошки, дрожащие в клетках с полками, поникие дворняги, даже лев, вжатый в прутья наклонной клетки. Плачущее существо в одной из больших камер отступило в угол, чтобы выразить свое горе. Виден только мех. По какой-то причине оно перестает плакать и сдвигается. Это еще один кот — вернее, два. Один соединен с другим, точно перевернутый на спину, голова плавится в голове, бедро в бедро, один хвост держится напротив другого безвольно. Второй неподвижен, ноги болтаются, язык высунут, желтые глаза остекленели на дюйм или два выше зеленых. Живая кошка разорвана так, что ее внутренности вывалились из середины и волочатся за ней по полу.

Коридор длинный. Он переходит в другие коридоры с маленькими клетками для переноски, беспорядочно разбросанными вдоль столов, подушек и гобеленов. Дверной проем разделяет пространство одной из стен. В нём потенциальный архимаг оборачивается, словно почувствовав чье-то присутствие. Затем она возвращается к

изучению книги зверей. Страницы покрыты каракулями друидов. Она кажется красивой, на грубоватый друидский манер — гибкое тело, выгоревшие на солнце темно-каштановые волосы, голубые глаза — но это только тело, которое она выбрала сегодня. Она потомок женщины и мужчины, которые ушли вместе с извечно темным Анклавом Шейдов на План Тени столетия назад. Она узнала эту историю, будучи неоперившейся друидкой, только начинающей пробовать силу, которая могла бы соблазнить ее на роль архимага, и память предков Анклава Шейдов добавила масла в этот огонь. Теперь она иногда слышит, как анклав зовет ее, напоминает о своей власти над ней. Шадовары скоро вернутся на свою землю, землю, где родился анклав. Когда они это сделают, она сделает Шейд своим домом. Она встает и выходит из кабинета.

1

«Боль — это реальность. Но ложную боль легко создать.»

Последние заметки Шевера

Друидка встала и оглядела свою комнату, следуя желанию преждевременно уйти на встречу с начинающими архимагами. В последнее время встречи происходили все чаще. Возможно, как и она, чем темные становились старше, тем больше План Тени взывал к ним. Она прогуливалась по своему музею мерзостей, следуя порыву проверить их. Ей показалось, что она почувствовала некое беспокойство, но нет — все казалось в порядке. Она остановилась перед своим двойным котом, который был самым громким, и закрыла глаза, чтобы позволить его боли окутать ее. На мгновение он перестал плакать. Он почти забыл, что у него когда-то была жизнь до этого, но отчаяние осталось, подтверждение реальности для волшебницы-друидки. Только настоящая боль могла вызвать такое страдание. Это принесло ей порочное утешение, подобное тому, что должен чувствовать выживший после кораблекрушения, когда крадет спасательный плот у тонущего товарища по кораблю. Когда-то, давным-давно, она испытывала сомнения в природе реальности. Это было похоже на то, как если бы она обнаружила, что больше не верит, что земля удержит ее. Лучшими образцами были те, кто познал уныние до того, как она их нашла — мутанты, которые жили в страхе перед более здоровыми хищниками. Любые страдания, которые она могла обрушить на эти мерзости, усугубляли то, что они уже знали. Трепет, который она испытывала от их пыток, мог оказаться почти мучительным, и она кричала от темной радости. Сила, остаточное ощущение, которое она получила от этих сеансов, длилось несколько дней.

* * * * *

Эмиссар от Двенадцати Принцев Шейда посетил ее группу в начале года, каким-то образом пронюхав о тайной организации. Проверив группу на симпатию к шадоварам с помощью различных — в некоторых случаях смертельных — средств, эмиссар назначил задачи. После обсуждения волшебница-друидка приступит к своей

задаче: найти коллекцию заметок, написанных архимагом Шевером, который жил в древнем Нетериле. Шевер создал Анклав Опус, в котором когда-то располагались учебные центры Нетерила. В свои последние дни Шевер встречался и общался с мириадами экстрапланарных существ и вел свои записи, которые имели мало смысла по сравнению с хорошо организованными книгами и лекциями, которые он читал в предыдущие дни. На самом деле, они, казалось, имели мало смысла по сравнению с чем угодно. Его более поздние записи особенно раскрывали безумие. Но шадовары сочли эти записи ценными, так что волшебница-друидка найдет их. Эмиссар дал ей отправную точку: по последним слухам, записки были в руках ученого, живущего недалеко от северной оконечности Гор Пустынной Пасты.

Обсуждение прошло относительно легко. Потенциальные архимаги провели большую часть встречи сгрудившись и склонив головы над тем или иным томом, обсуждая последствия и эффективность предлагаемых действий. Похоже, у них все было под контролем, поэтому волшебница-друидка ускользнула пораньше, чтобы подготовиться к путешествию и избежать нового задания. У нее были дела, о которых нужно было позаботиться — например, ее коллекция зверей, которая так идеально поместилась бы глубоко в катакомбах летучего анклава. Другие могли контролировать поверхность анклава, но она воспользуется тем фактом, что поверхность не имеет глубины, и только тот, кто подчинил сущность объекта, действительно управляет им. Она будет нашептывать предложения, которым нужно следовать, и руководить деятельностью, которую номинальные руководители анклава будут считать своей собственной. Она машинально вернулась в свою крепость, ничего не помня о расстоянии, которое преодолела от собрания волшебников до своей комнаты. Проверила водоснабжение своих животных, которое шло из дренажных труб. Система автоматически поила животных, так что ей не нужно было беспокоиться о том, что они умрут в ее отсутствие. Она оделась в дорожную одежду друида и наполнила свою сумку вещами, которые ей понадобятся в Пустынной Пасте. Она позволит своему аспекту друида подняться для этого путешествия, а по возвращении даст полный контроль волшебнице.

2

«На краю тьмы — это то место, где больше всего света.»

Последние заметки Шевера

Она решила дойти до места назначения пешком — поход продлится много ночей, но он позволит ей размять свои друидские мышцы. Она будет жить за счет земли и наслаждаться луной, звездами, солнцем и землей. Она предполагала, что какая-то часть ее будет скучать по этим вещам, когда она переедет в Анклав Шейдов, но это не значит, что она не могла бы уехать сейчас.... В любом случае, это не имело значения. Когда она снова обуздает друидку после этой поездки, волшебница будет довольна. Лучше всего сначала угодить этой — самой сильной из двух ее натур. Когда на горизонте показались Пустынная Пасть, кусты и небольшие деревья вдоль берегов реки, по которой путешествовала волшебница-друид, уступили место

луговой траве по мере ее приближения к предгорьям. Она свернула в сторону от реки и пошла вдоль ручья через залитые солнцем рощи и горные цветы. Пропутешествовав еще несколько часов с сусликами и луговыми жаворонками в качестве единственных спутников, она выбралась из небольшого участка дубов и осин и наткнулась на дом, где под уклон шел ручей, вдоль которого она следовала. По пути она миновала несколько хижин, но до сих пор не встретила ни одной, в которой была бы аура надежды, которую она искала. Но вот этот ... этот был другим. Она заглянула в окно с перекошенным стеклом, но единственная комната была пуста. Миска с тушеным мясом и листы пергамента на грубо сколоченном столе говорили ей о недавнем занятии. Дверь между шкафами с полками и какими-то садовыми инструментами у задней стены была приоткрыта, позволяя лучу солнечного света проникнуть внутрь и осветить пылинки и половицы. Она будет наблюдать за владельцем коттеджа. Прошло много времени с тех пор, как она применяла Изменение формы, и было бы хорошо снова принять облик волка. Она выполнила ритуал и лениво наблюдала, как ее ладони утолщаются в лапы, а пальцы втягиваются в подушечки. Она почувствовала, как ее нос и рот вытянулись, как будто какой-то бог вылепил их из глины. Мех пророс по всему ее телу, она была словно земля весной, побеги волос появлялись из нее тихим взрывом. Ее костная структура изменилась, заставив ее лечь ничком. Колени вывернулись, копчик вытянулся в хвост. Процесс длился всего мгновение, и странный голос в ее голове пронесся за этот миг, как будто это он, а не она, приказал Измениться. Волшебница-друидка свернула в луговую траву, прокралась к наблюдательному пункту среди нее. Ее коричневые уши и голубые глаза поднялись чуть выше кончиков трав. Мужчина стоял к ней спиной. Он был стройным, но мускулистым, и черты его лица вырисовывались на фоне зеленых и желтых деревьев ручья и солнца на листьях, образуя плавные углы на фоне его взъерошенных волос. Он заговорил тем же голосом, который сопровождал ее Изменение. Волшебница-друидка бочком обернулась, чтобы лучше видеть, что делает этот человек. Он сидел на корточках возле огорода, в тени под карнизом. Он разговаривал с розой. Но губы его не шевелились.

Его голос, казалось, на мгновение затих, как будто удивление волшебницы-друидки заставило То, Что Было стать Тем, Чего Не Было. Но потом доверие вернулось. За сотни лет своей магии она видела и более странные вещи. Почему это так повлияло на нее? Голос вернулся, поднимаясь и опускаясь в ритме ветра. Он словно и создавал ветер, потому что, хотя ни один порыв не коснулся травы, среди которой пряталась волшебница-друидка, роза кивала и качалась, как будто отвечая на мысли человека. Волшебница-друидка повернула уши, как будто хотела лучше уловить эти мысли.

«... заснул в волнении и грезил о музыке. В этой музыке ты говорила со мной. И я пытался сказать тебе «скоро», но не знаю, дошли ли до тебя мои слова. Теперь я проснулся и могу говорить с тобой только так. Пожалуйста, пойми меня. Пожалуйста, знай, что я говорю с тобой. Ах! Ты киваешь! Но я никогда не знаю, являются ли твои ответы реальными или просто плодом моего отчаяния. Я потерял способность знать что-либо с уверенностью. Я... Я заблудился...»

Он разразился тихими рыданиями. Волшебнице-друидке показалось, что она почувствовала образ в его сознании — образ женщины... Очевидно, этот человек сошел с ума в своей изоляции. Очаровательно. Волшебница-друидка почти могла представить, что он каким-то образом разговаривает с ней, а не с розой. Какая-то часть ее откликнулась на эту идею с такой внезапной волной желания, что она не могла дышать, позыв, который на мгновение уничтожил все остальное. Она не теряла контроля над своими эмоциями таким образом с детства. Такая неожиданность от мысленной проекции простого отшельника! Быть ослепленной эмоциями, которые до сих пор подавлялись, о которых никто не подозревал! Она должна уйти, сила такого масштаба может погубить ее. Даже когда она думала об этом, она знала, что, какая бы сила ни действовала здесь, она уже захватила ее. Кроме того, она должна была выполнить задание для шадовара, а это означало изучение всех дорог этой страны. Она должна увидеть, куда ведет этот путь. Мужчина встряхнулся. Возможно, он упрекнул себя за то, что стал таким эмоциональным из-за растения, или, возможно, он содрогнулся от эха желания волшебницы-друидки. Он встал и вошел в свою хижину, закрыв за собой дверь, оставив розу в одиночестве кивать и трепетать. Она повернулась к волшебнице-друидке, как будто знала, что она здесь, и смотрела на нее с любопытством. Но виной этому был лишь порыв ветерка. Злясь на себя, волшебница-друида приняла человеческий облик слишком резко, причинив себе боль, и направилась к задней двери коттеджа. Она ненавидела свою слабость, но не могла отрицать, что хотела этого *мужчину*— хотела заставить его говорить с ней так, как он говорил с розой. Постучав, она отбросила смятение и сосредоточилась на том, чтобы подчеркнуть свою красоту. Она черпала из смутного образа женщины, который видела в сознании мужчины, а также из своего собственного идеального образа. Цвет ее глаз стал ярче, волосы приобрели новые оттенки и завитки, несколько верхних пуговиц рубашки расстегнулись сами собой. Ни один мужчина никогда не сопротивлялся этому заклинанию.

* * * * *

Мужчина открыл дверь, и его озадаченная полуулыбка выдавала удивление при появлении посетительницы так скоро после его разговора с розой — и у задней двери. На мгновение его сердце наполнилось дикой надеждой, что... но нет, он не должен предаваться таким фантазиям. Когда он увидел женщину, недоумение уступило место вожделению и настороженности, потому что такая женщина никогда не появится в подобном месте без сопутствующих проблем или действия могущественной магии.

* * * * *

Пришло время волшебнице-друидке сыграть свою роль, если она действительно хочет сделать этого человека своим. Она приняла выражение неуверенности и пробормотала смесь правды и полуправды:

— Я... я... чувствовала, что меня тянет к этому месту. У меня никого нет, и мне снилось, что я должна отправиться в путь... Я увидела тебя с розой и подумал, что хотела бы познать такую любовь. И... я здесь. Я уйду, если пришла по ошибке, — добавила она, чтобы развеять любые сомнения, которые могли остаться после ее речи. Он не сказал ни слова — ни единого слова своим голосом! — но втянул ее внутрь. «Теперь я посмотрю, смогу ли я вызвать любовь так же эффективно, как могу вызвать боль», — подумала она. И, как только я это сделаю, я пойму, может ли любовь дать мне столько же удовлетворения. Возможно, как утверждают некоторые, даже больше.

Она позволила своему телу взять контроль над собой — притянула его голову к себе, глубоко поцеловала, почувствовала, как он ответил на поцелуй. Оттуда они упали на пол, и так прошел день. Позже, когда они сидели за столом над свежими мисками тушеного мяса, и волшебница-друидка тайно использовала свою магию, чтобы уничтожить любой шанс, что был зачат ребенок, мужчина, наконец, заговорил с ней.

— Я встретил тебя во сне, — сказал он. У него были повторяющиеся сны о женщине, связанной с ним мощными узами. Узы, хотя и удерживали дух женщины рядом с ним, простирались через пропасти времени и пространства. Черты ее лица обычно были нечеткими, но он подумал, что она может быть похожа на волшебницу-друидку.

— Это был тот самый сон, в котором твоя роза говорила с тобой?

Он искоса посмотрел на нее.

— Нет... ты это слышала?

— Да, мне очень жаль. Я ничего не могла с собой поделать.

Он нахмурился, потом покачал головой.

— Все в порядке. Наверное, хорошо, что ты пришла сейчас. Я думаю, что, возможно, начал бы воображать вещи, галлюцинировать, если бы остался один намного дольше.

«Возможно, у тебя уже были галлюцинации», — подумала волшебница-друидка. Она спросила:

— Как давно ты здесь?

— Я не знаю. Очень давно. Я устал от городов и людей и просто хотел уехать на некоторое время. А ты?

— Я тоже долгое время был одна. Но я живу в городе, и у меня есть ... питомцы.

— Это должно помогать.

Они погрузились в многозначительное молчание.

— Значит, ты вернешься в город? — он спросил. — Чтобы заботиться о своих питомцах?

— О ... да, я должна. Пока это все еще дом, хотя я нашла настоящую любовь, — Она встретила с ним взглядом и улыбнулась, словно шутке. — Не хочешь пойти со мной?

* * * * *

«Настоящая любовь», сказала она. Мужчина предполагал, что они были настоящими возлюбленными — он *мечтал* о женщине, похожей на эту, и она была привлечена сюда. Но слова прозвучали грубо. Он считал, что выражения истинной любви лучше всего произносить во времена больших эмоций, больших перемен — не над мисками с недоеденным рагу, среди садовых инструментов и шкафов. Просто потому, что она не разделяла эту фантазию... это не означало, что он и эта женщина не предназначались друг для друга. В любом случае, он достаточно долго был вдали от мира.

— Я думаю... Думаю, я пойду с тобой — сказал он.

Его мысли блуждали. Интересно, что делала эта женщина, когда не пыталась найти свою настоящую любовь в дикой местности? И из какого она города? Он задал свои вопросы.

— Я занимаюсь магическими трюками, — ответила она, — во Флане, на Лунном море. Но я планирую скоро переехать.

* * * * *

Волшебница-друидка наблюдала, как мужчина моет их посуду. Создать его любовь было легко, теперь она должна понять, как использовать ее силу.

3

«Долгие времена, но бывают времена, когда ... так что вы понимаете, о чем я говорю.»

Последние заметки Шевера

В последующие дни и недели волшебница-друидка привязалась к этому человеку. Ей нравилось наблюдать, как напрягаются *его* тонкие мышцы, когда он бил киркой по камням, которыми планировал проложить дорожку от сада до ручья для тех, кто мог бы занять хижину после их отъезда. Небольшое применение ее магии могло бы разбить камни гораздо легче, но еще не пришло время раскрывать ему, какие именно "магические трюки" она может делать. Однажды он показал ей пергаментные страницы, которые она видела в окно, когда впервые наткнулась на хижину, — страницы, которые он изучал в свободное время. Это были записи Шевера. Глаза волшебницы-друидки сузились. Мужчина не сказал, как он их раздобыл. Волшебница-друидка предположила, что это, должно быть, было ужасно, так как его лицо посерело и обмякло, а глаза приобрели отсутствующее выражение в те несколько раз, когда она пыталась заставить его рассказать об этом. Этот человек верил, что в записках заключены какие-то тайны вселенной, которые стали бы его тайной, если бы только он смог раскрыть смысл записей. Иногда он чувствовал себя на пороге чего-то великого, но до сих пор его усилия вознаграждались лишь таким пониманием, которое заставляло его хотеть большего. В солнечные дни мужчина

показывал волшебнице-друидке свои любимые рощи и поляны. Когда шел дождь, они осматривали скрытые пещеры. Он рассказал ей о странных зверях, которых видел выше по горным склонам, и о случайных чудаках, которых он встречал, когда искал пищу. В большинстве мест, которые показывал ей мужчина, волшебница-друидка могла обнаружить слабую, мягкую магию, резко контрастирующую с темной магией, к которой она больше привыкла. Однажды, когда мужчина купался в ручье, к двери подошла старая торговка. Волшебница-друидка некоторое время препиралась с женщиной — та была настойчивой, волшебница-друидка не хотела ничего покупать. Наконец, она решила, что с нее хватит. Когда мужчина завернул за угол дома, все еще с мокрыми волосами, с обнаженным торсом, он как раз успел увидеть в беспомощном недоумении, как волшебница-друидка превратила старуху в корову. Он подбежал к корове, крича:

— Что ты наделала? Ты убила ее! Куда она пошла?

В его словах было столько же смысла, сколько в записях Шевера.

— Она никуда не уходила. Она прямо здесь, — Волшебница-друида указала на корову. — Но... как насчет моих припасов? Как я буду чинить свои грабли? — Твои грабли ... Тебе не понадобятся грабли во Флане. Кроме того, разве ты не предпочел бы бифштекс?

— Бифштекс?! — воскликнул мужчина и едва не рухнул на пол. — Что ты наделала? Кто ты? Что ты здесь делаешь?

— Я же говорила тебе, что зарабатываю на жизнь магией.

Мужчина опустился на скамейку у входной двери и обхватил голову руками. Волшебница-друидка впервые за долгое время почувствовала угрызения совести. Корова-торговка, испытывавшая мгновенное замешательство, теперь пришла в себя. Она бросилась на друидку-волшебницу, но та удержала ее на расстоянии невидимой стеной магии. Мужчина не заметил, как корова выдохнула, когда она *боднула* стену, он был слишком глубоко погружен в себя. Волшебница-друидка мягко поднял его на ноги. Он поднял голову и посмотрел на нее взглядом полным обвинения.

— Заходи, - сказала она. — Я хочу тебе кое-что показать.

Склонив голову, он повиновался. Когда дверь за ними закрылась, щит, сдерживающий корову, рассеялся, и она начала атаковать дверь.

Бах.

Мужчина подпрыгнул, когда это случилось в первый раз, а затем посмотрел на корову.

Бах.

— С ней все в порядке?

Бах.

— Она в порядке, просто злится на меня, — волшебница-друидка подняла руки, чтобы произнести заклинание. — Вот, позволь мне...

— Нет! Что ты делаешь?

— Я только дам ей отдохнуть.

В его глазах сверкнуло недоверие.

— Обещаю, — заверила она его, — только отдохнуть.

Его плечи немного расслабились. Он неохотно кивнул. Волшебница-друидка произнесла заклинание, корова опустилась на колени и затихла, бока ее то расширялись, то сжимались, когда она ровно дышала во сне.

Волшебница-друида снова обратила свое внимание на мужчину. Она начала говорить, потом замолчала. Наконец, она сказала:

— Я знаю, что все это может быть трудно для тебя, но пожалуйста, не надо ненавидеть меня за то, что я есть.

Признание вины, пусть и сказанное с целью вернуть его доверие и продолжить исполнять свой план, сходило с губ непривычно.

— Все не так плохо, как ты думаешь, - рассуждала она. - Пусть эта женщина не докучала тебе, но если бы да — то она бы никогда больше тебя не беспокоила. Я могу дать тебе это — могу забрать твои проблемы.

Он просто смотрел на нее. Почему она не может мыслить здраво? Это просто поиск решения на проблему. Итак, в чем была проблема? В том, что этот человек печален. Чем избавляются от печали? Радостью. Все очень просто. Почувствовав облегчение от того, что снова обрела твердую опору, она сказала:

— Я могу изменить вещи другими способами. Представь, как интересно мы могли бы провести время вот с этим.

Она подняла руку и создала рот в центре ладони, затем многозначительно приподняла бровь и ухмыльнулась. Мужчина вскрикнул от отвращения. Это было к лучшему, предположила волшебница-друидка. Он, вероятно, не был бы рад обнаружить, что слюной для клыкастого рта служила кислота. Мужчина вышел, хлопнув дверью. Волшебница-друидка наблюдала за ним из окна. Он споткнулся об одну из ног спящей коровы, но не упал. И не оглянулся. Но она знала, что он вернется. Его роза была здесь, как и записи Шевера. По крайней мере, пока его не будет, волшебница-друидка сможет избавиться от коровы. Она сделала это, используя испепеляющую вспышку. Все это приключение оказалось немного сложнее, чем она ожидала. Возможно, пришло время ей забрать записи и уйти. Но она не могла перестать беспокоиться о сложившейся ситуации. В этом не было никакого смысла! Как этот человек мог чувствовать себя преданным? Разве она не сделала то, о чем он сам, должно быть, мечтал много раз — если не про торговку, то о каком-нибудь другом раздражителе или враге? Не уверенная, собирается ли она уйти одна или с мужчиной, она начала собирать свои вещи.

4

«Оно приходит и говорит, я говорю что? я не понимаю? И лучше бы я его не спрашивал...»

Последние заметки Шевера

Приветствие мужчины, когда он вернулся, было ровным и болезненным — результат часового самокопания.

— Я не выдержу без тебя, — он увидел, что корова ушла, но подавил желание спросить, куда. — Я не смог бы вынести, что где-там, а я не знаю, жива ты или

умерла, любила ли ты меня или ненавидела. Я не могу позволить, чтобы это закончилось так.

Он заметил ее вещи, почти упакованные. Она еще не забрала записи Шевера.

— Я пойду с тобой — сказал он. — Ты собираешься домой?

— Да, но сначала я попытаюсь найти одно из тех существ, о которых ты мне рассказывал. Тех, что живут выше в горах. — Ей пришло в голову, что было бы неплохо принести домой что-нибудь для себя, дополнение к своей коллекции.

— Затем я пойду домой, — сказала она через некоторое время. — Если ты действительно насколько ценишь нашу любовь, возьми все, что не хотел бы потерять.

Она многозначительно кивнула в сторону задней двери — на розу. Мужчина кивнул, сложил записи в рюкзак, взял лопату и большой горшок и вышел с ними через заднюю дверь. Волшебница-друидка достала из рюкзака одну из книг заклинаний и лениво изучила ее. У нее было время подождать. Ее единственным приказом было вернуться, когда шадовар призовет ее, а это будет еще не скоро. Она почувствует это, когда это время приблизится. Примерно через час мужчина вернулся, неся только что посаженное в горшок растение и кожаную перевязь, которую он смастерил для переноски, прикрепив к его рюкзаку. Роза вздрогнула, когда он выдернул ее из земли, как будто неизбежная потеря некоторых корней причинила ей сознательную боль. В последние несколько недель она увядала в его саду, заброшенная ради компании любовницы из плоти и крови. Его листья пожелтели, и некоторые лепестки упали на пол.

— Я готов, — сказал мужчина. Он забрал свой рюкзак и приспособление для переноски розы, а волшебница-друидка закрыла и снова упаковала книгу.

5

«... Формы и размеры, вещи не имеют никакого смысла, но все вместе подходят ААА! Не могу думать в двух местах одновременно. Я не могу потерять ни одно из них.»

Последние заметки Шевера

На третий день они нашли один из тех ужасов, которые искали. Некоторое время они наблюдали за зверем, и волшебница-друидка вспомнил, как не так давно она в форме волка точно так же наблюдала за мужчиной. Теперь она его не потеряет. Она направила мужчину к месту напротив себя в подлеске, так, чтобы путь существа вел его прямо между ними. Она наполнила свои руки заклинанием силы, сняла сапоги и превратила ноги в когти пантеры. Через несколько минут существо появилось и заковыляло по тропинке. Одна из его голов моталась из стороны в сторону, высматривая еду. Другая голова лежала под неестественным углом к плечу, безвольно покачиваясь всякий раз, когда существо делало косолапый шаг. Он уже выглядел так, как будто провел несколько сеансов в комнате для проверки заклинаний волшебницы-друидки — его создатель, будь то злая магия или природа, сделал большую часть работы за нее. Особенно ей понравилась вторая голова, ирония смерти в такой близости от жизни. Многие из ее собственных созданий

обладали похожими чертами. Словно бы ей было суждено поймать этого зверя, но теперь она видела судьбу повсюду, с тех пор как встретила мужчину. Волшебница-друидка напряглась, когда живая голова существа повернулась, чтобы посмотреть в ее сторону, но затем в противоположном направлении раздался треск — это, должно быть, был мужчина. Когда голова существа повернулась на звук, волшебница-друида прыгнула. Существо фыркнуло, когда она приземлилась на спину и стала душить его живую голову руками, царапая бока и спину лапами пантеры. Она закрыла глаза, чтобы лучше почувствовать, как его дух бродит внутри тела. Она почувствовала его страх, запутанные мысли, цепляющиеся за то, чтобы вернуть то удовлетворение, которое оно чувствовало несколько мгновений назад. Его трепыхание затихало. Лучший момент прошел, но волшебница-друидка все еще чувствовала импульс силы, которую она получила от кульминации охоты. Она будет вспоминать об этом каждый раз, когда будет посещать это существо в своем музее. Волшебница-друидка зафиксировала задыхающееся существо на конце магической привязи. Мужчина подошел к нему с любопытством, граничащим с благоговением. Он видел его аномалии, но также видел его изначальную форму. Изящная шея. Заостренные пальцы. Глубокие коричневые озера мудрости в его глазницах. — Ты можешь хоть немного облегчить его боль? — спросил он. Волшебница-друидка пожала плечами и произнесла еще одно заклинание. Существо упало на привязь, все еще тяжело дыша, но на мгновение успокоившись. Волшебнице-друидке было приятно, что мужчина чувствовал себя комфортно, призывая ее магию — его просьба показала ей, что он привыкает к этому.

— Что это за существо? — спросил мужчина.

У нее не было ответа. Она молчала. Мужчина, казалось, ничего не заметил. Он начал что-то шептать существу, как обычно делал со своей розой. Оно наблюдало за ним, смотрело ему в глаза, и его дыхание выровнялось. Волшебница-друидка почувствовала укол зависти и встала.

— Нам пора, — сказала она. — Чем скорее он поселится в своем новом доме, тем лучше. Она дернула существо за собой и повернулась, чтобы спуститься с горы. Мужчина последовал за ней, убеждая ее обращаться с этим существом мягче. Она нежно улыбнулась сквозь раздражение. Мужчина никогда не переставал забавлять ее своей заботой о таких незначительных вещах.

6

«Так много темноты, темноты... не вижу и...свет! Но это только еще больше темноты!»

Последние заметки Шевера

— Как думаешь, ты можешь помочь ему? — спросил однажды мужчина. — Можешь исцелить?

Они только что вернулись к реке, по которой волшебница-друидка следовала в горы, и человек все больше беспокоился о благополучии зверя. Она изобразила на лице печаль.

— Я постараюсь, — сказала она. Она могла бы, но это нарушило бы ее цель.

— Это все, о чем я прошу.

Наконец они увидели Флан. Это было как раз вовремя, по расчетам мужчины. Существо мало ело и пило и, казалось, было на грани голода или обезвоживания. Его глаза остекленели, как будто он решил, что мир больше не стоит того, чтобы его видеть.

— Твой дом находится в этой части города? - спросил мужчина.

— Частично, - сказала она. Затем она добавила: — Нам нужно только пройти через это болото. Они пробирались через грязь, которая слабо соответствовала определению земли. В самом начале мужчина потерял оба сапога из-за хлюпающей грязи. Волшебница-друидка сняла свои собственные сапоги задолго до этого, чтобы дать своему аспекту друида небольшой прямой контакт с землей прежде, чем она должна будет снова изолировать его в глубинах своего разума. План Тени казался близким, очень близким. Она задавалась вопросом, готовятся ли шадовары переместить их анклав даже сейчас. Мужчина и волшебница-друидка наконец добрались до канализационной трубы. Она помолчала, оценивая выражение лица мужчины. Он огляделся, слегка заинтересованный новым окружением, но стремясь скорее добраться до места назначения. Волшебница-друидка нырнула в трубу. Она оглянулась на него. Он выглядел удивленным, но не задавал ей вопросов, даже когда запах сточных вод достиг его ноздрей. Возможно, он думал, что она идет по потайному пути в какой-нибудь огромный особняк. Когда они добрались до музея и она остановилась, чтобы поместить нового обитателя в пустую клетку, его осенило.

— Это все? — воскликнул мужчина. — Это твой дом? Канализация?

— Я не могла заставить себя сказать тебе раньше: в этом городе люди плохо относятся к магам, — солгала она. - Меня загнали в подполье.

— Зачем ты заперла их в клетках? — продолжил он, как будто не слышал ее. — Ты могла бы обращаться с ними лучше!

Он указал на случайную клетку, а затем ахнул, увидев чудовище внутри.

— *Что это?* Что не так с этой черепахой?

Это была гигантская черепаха, но у нее было четыре головы, равномерно расположенные по краю панциря. Её головы, каждая из которых была независима от других, не могли договориться о направлении, в котором двигаться. Должно быть, ей иногда удавалось дотащиться до миски с водой в передней части клетки, иначе она не выжила бы в отсутствие волшебницы, но когда первоначальная голова победила и направилась к одному из четырех блюд с едой в каждом углу клетки, черепаха не могла дотянуться до еды, так как блюда были закрыты проволоочной сеткой. Когда она направилась к другой чаше, голова сбоку обнаружила бы последнюю чашу и вместо этого направилась бы к ней. Эта сцена была бы смехотворной, если бы черепаха не напрягалась так сильно и так долго, что пара ее ног до крови оцарапалась в попытках закрепиться.

— Я пытаюсь вылечить её, — ответила она. Я нашла её такой...

— Тогда почему бы не принести ей еду?

Мужчина шагнул, чтобы сделать это, но не смог найти никакой двери в решетке.

— Открой! — скомандовал он. Она сделала это жестом, озадаченная. Мужчина оторвал проволочную сетку от тарелок с едой и подвинул их к каждой из четырех голов черепахи. Черепаха заглатывала кусочки, а человек присел на корточки рядом с ней, наблюдая.

— Я знаю, что ты можешь это исправить, — сказал мужчина через плечо. — Я видел, как ты превратила целую женщину в корову. Почему ты не можешь просто убрать три лишние... — Он остановился. — Если только ты не сделала это с ней, — прошептал он. Он посмотрел на нее. — Ты ведь не нашла черепаху в таком виде, не так ли? Все было в порядке, когда ты нашла её? Ты взяла её...

Волшебнице-друидке не нравилось, что происходило. Черепаха была ничто по сравнению с некоторыми другими ее существами. Она должна держать его подальше от остальных.

— Я сделала то, что в моей природе, — закончила она за него, уговаривая его пойти в ее покои, не сводя с него глаз. — Конечно, ты чувствовал это. То, что приносит мне радость — это не радостные вещи, но я ничего не могу поделать с тем, что они приносят мне радость.

— Как ты могла ... ? Не бери в голову. Что ты на самом деле планировала сделать с тем существом, которое мы поймали? Нет, это тоже не имеет значения.

Он сделал паузу, чтобы подумать. Они вошли в ее спальню, и она усадила его в кресло.

— После твоего фокуса с торговкой я думал ... — Он замолчал. — Но это... Она позволила ему обдумать все без помех. Через несколько мгновений он сказал:

— Я думаю, может быть, я действительно подсознательно знал. Может быть, это одна из вещей, которая привлекла меня в тебе, но это не значит, что я принимаю это! Я имею в виду, я могу найти радость в деревьях, птицах и цветах... Почему ты не можешь?

Он задал вопрос риторически, но она все равно ответила.

— Потому что я не могу отрицать, кто я есть.

— Но зачем так смиряться? Каким-то образом ты стала тем, кто ты есть. Тебе нужно только вернуться к тому моменту, когда все пошло не так...

Она нежно повернула его лицо к себе. Его глаза перестали блуждать по комнате и сосредоточились на ней.

— Так не бывает — нежно сказала она. На мгновение он снова посмотрел ей в глаза, а затем вырвал свое лицо из ее рук.

— Мне нужно идти, — выдавил он и, спотыкаясь, вышел из комнаты.

7

«Оно внутри стен. Оно за каждой дверью, пока ты ее не откроешь. Оно подо всем, но, если вы посмотрите внутрь всего, вы не сможете его увидеть, потому что вы всегда его видите.»

Последние заметки Шевера

Мужчина бежал туда, откуда пришел, его зрение затуманилось от слез. Когда он проходил коридор ужасов, все лица, казалось, поднимались в мириадах зевающих гримас, плача и стеноя, а иногда и крича. Но заключенные существа не издавали ни звука. Эти звуки исходили от него. Он снова оказался на улице, штанины забрызганы нечистотами, свет пасмурного дня обжигал расширенные глаза. Он бежал вслепую, не обращая внимания на болотную грязь и колючки, пока не оказался на небольшой поляне. Поляна была мертва. Ни одна вода не смягчала её почву, ни стоячая, ни какая-либо другая. Трава не росла. Болотные насекомые не жужжали. Над головой, где торчали ветви, зеленые листья уступили место голым, мертвым сучьям, как будто кто-то провел черту: жизнь с одной стороны, смерть с другой. Мужчина находил отсутствие всякой жизни — всякой магии — утешительным. Он сел, скрестив ноги, на краю поляны и позволил пустоте обнять его, успокоить. Пустота была бы полной, если бы только...

Он снял рюкзак, который надеялся сбросить в просторных апартаментах в несуществующем доме волшебницы. В нем лежали два его сокровища. Он вытащил записи Шевера, провел пальцами по строчкам, затем скомкал их и отправил в полет. Легкий ветерок поднял их, и пара страниц зацепилась за ветви деревьев. Начал накрапывать мелкий дождь, и пергамент довольно скоро заплесневеет. Было приятно избавиться от магии, теперь он ненавидел ее. Магия означала ложь и предательство. Магия означала любить, потом обнаружить, что ты любишь незнакомца, а затем — что ты не можешь перестать любить, даже когда от иллюзии ничего не осталось. Он коснулся розы, на лепестках которой начали собираться капли дождя. Она плакала — нет. Это был всего лишь цветок, который собрал немного дождя. С мучительным криком он швырнул и его, насколько смог, а затем разразился душераздирающими рыданиями.

* * * * *

В своем логове друидка-волшебница подняла глаза, почувствовав что-то неладное. Записи...? Она закрыла глаза и сосредоточилась на них. Она увидела болото ... Мужчину, плачущего и бредущего обратно к канализации ... Записи, провисающие под морозящим дождем на поляне, которую он оставил позади! Она немедленно телепортировалась на поляну и спрятала записи под мантией. Как бы то ни было, они принадлежали ей.

8

«Мы создаем его понемногу, пока оно не станет слишком большим и не захлестнет... нас... а затем исчезнет.»

Последние заметки Шевера

Пока волшебница-друидка насухо вытирала записи, ожидая возвращения мужчины, она не могла не думать о его страданиях. Вопреки самой себе, она хотела облегчить их. Как этого добиться? Что он любил до того, как она появилась? Его

розу. Записи Шевера. Это было все. Роза исчезла, сломанная в болоте, ее преступление — неспособность убедить мужчину, что она больше, чем кажется. Но вот записи ... Возможно, если бы у мужчины было время изучить их побольше, он нашел бы ответы, которые искал, ответы, которые, как он чувствовал, были вне его досягаемости, когда он впервые показал ей записи в своем доме. Может быть, ей пока не нужны были записки для ее собственных целей. Может быть, она заставит его изучить их еще какое-то время. На самом деле, если он достигнет прорыва, это знание может оказаться бесценным для шадоваров, поставив граждан Анклава Шейдов в долг перед волшебницей-друидкой. Да.... Однако она не могла долго ждать. В последние несколько дней она начала слышать зов шадовара, и с каждым днем он становился все громче. Когда мужчина вернулся, он первым делом остановился у клетки существа, которое они привезли с Гор Пустынной Пасты. Он поднес руку к решетке, и существо повторило его жест. Их взгляды на мгновение встретились, затем мужчина оторвал свой и направился в покои женщины. Она подняла глаза, когда он вошел, и он кивнул, как будто ничего не произошло, как будто он входил именно этим путем в течение многих лет, возвращаясь домой после тяжелого рабочего дня. Она казалась немного влажной, как будто побывала в тумане или потела над трудным заклинанием. Она протянула руку, и в ней были записки Шевера.

— Ты не должен оставлять такие ценные вещи валяться, — сказала она. Несколько дней назад он мог бы обругать ее, обвинить в шпионаже. Вместо этого он просто тупо смотрел, ожидая ее указаний.

— Ты должен продолжать изучать их, - продолжила она. — Они могут помочь тебе найти завершение.

Вернувшись в мир магии и лжи, он не мог отказаться. Он отнес записки к ближайшему столу и начал перечитывать знакомые слова впервые за несколько месяцев. Женщина оставила его наедине с его мыслями.

* * * * *

Когда волшебница-друидка позже заглянула, она подумала, что, возможно, перерыв пошел мужчине на пользу. Он жадно изучал записки, как будто никогда их не выбрасывал. Шли дни. Волшебница-друидка редко выходила из дома. Она пропустила последние несколько выступлений архимагов. Человек выходил, чтобы добыть еду или очистить свой разум на той или иной мертвой поляне. Каждый раз, возвращаясь, он останавливался у клетки одного и того же существа, черпал из нее всю безмолвную мудрость, которую мог почерпнуть, и продвигался дальше. Этот человек не знал о летучем городе. Волшебница-друида не потерпит, чтобы он сопровождал ее туда. Она видела, как он бледнеет с каждым днем, как его волосы седеют и теряют блеск, как под глазами появляются темные круги, и его плечи поникают. Он недолго проживет в темнейших катакомбах города тьмы. Но она также не позволит ему жить без нее.

* * * * *

Однажды ветреным, дышащим магией вечером женщина подошла к мужчине.

— Я хочу тебе кое-что показать, — сказала она, схватила его за запястье, и они телепортировались на край утеса. Звезды пели свою далекую песню, и растущая луна была яркой. Мужчина стоял на краю, плащ развевался вокруг него. Он чувствовал ее присутствие чуть позади себя. Возможно, она приняла свою волчью форму, что стало для него привычным событием. Когда он обернулся, она была человеком.

— Зачем ты привела меня сюда?

— Ты случайно не сделал каких-нибудь прорывов с записями Шевера?

— Что? ... О, нет, ничего существенного. Почему ты спрашиваешь?

— Просто так, — она вздохнула и подошла к нему. — Я хотела показать тебе это. Благодаря тебе я могу получать радость от чего-то кроме боли. Звезды ... Она сделала жест рукой, затем повернулась к нему.

— Знаешь, когда-то я была друидом. Во многих отношениях я все еще, но больше — волшебница. Когда я был всего лишь друидом, я любила звезды, но они не доставляли мне такой радости, как сейчас. Это подарок и сокровище. Она потекла к нему и поцеловала его долго и крепко. Поцелуй был на вкус как яд, и мужчина вздрогнул, почувствовав, что его жизнь выходит из-под контроля. Он прервал поцелуй тихим вскриком. Женщина на мгновение задержала его на расстоянии вытянутой руки, глядя ему в глаза. И исчезла. Сердце мужчины сжалось, опечаленное и болезненное. Сила покинула его — что-то высосало ее. Потеря захлестнула его чувства, и он упал на землю.

9

«И вот как... мы... это... все имеет смысл. Я имею в виду, как... мы придаем смысл тому, что видим. Так что это действительно имеет смысл, если смотреть таким образом.»

Последние заметки Шевера

Мужчина очнулся на вершине утеса и в оцепенении пробирался обратно к канализации. Канализация так легко стала для него домом.... В последующие дни женщина не возвращалась. Возможно, ее злодеяния наконец настигли ее, или, возможно, она нашла более подходящего партнера. Мужчина навел о ней кое-какие справки в городе, но мало кто о ней знал. Те, кто слышал о ней, морщились, как от дурного вкуса, и не разговаривали с ним. В любом случае она хотела уйти, и кто он такой, чтобы прийти к ней нежеланным? Он подумал о торговке, превратившейся в корову, и содрогнулся. Дни текли один за другим, и ничто не отличало их от тех, что прошли до или после, за исключением того, что в некоторые дни ему казалось, что он может чувствовать женщину из того места, куда она ушла. Что ему теперь делать? Он не мог открыть клетки ее музея, так как только магия могла открыть их. Вместо

того, чтобы оставить пленников чахнуть, он подсыпал всем, кроме самого нового члена их общины, яд, купленный у уличного торговца за золотые монеты, которые он нашел в одной из женских одежд. Он сказал себе, что это убийство из милосердия. Он заботился о нуждах нового существа лучше, чем о своих собственных. Он сильно заболел, оставляя на холодном полу кровавые следы от кашля. Его незаинтересованность в собственной жизни могла быть результатом заговора, который приведет к его кончине, или, возможно, чего-то в ее последнем поцелуе... По мере того как тусклые дни продолжали тянуться, зловоние мертвых в камерах становилось все сильнее, пока человек иногда не думал, что, должно быть, он по ошибке попал в Девять Адов, единственное живое существо среди Орд. Только его спутник-существо удерживал его от одиночества, но однажды оно тоже умерло.

10

«Когда приходит истина, знание уходит. Истина велика.»

Последние заметки Шевера

В тот день, когда умерло последнее существо, человек выбрался из канализации в город. Дважды по пути он встречал болезненные растения, которые, казалось, двигались сами по себе. Он задавался вопросом, были ли они наделены разумом, как он когда-то думал о своей розе, или они когда-то были людьми, которые подвернулись под руку злому волшебнику. Он забрел в таверну, не обращая внимания на сморщенные носы и посетителей, которые вставали, чтобы отодвинуться или уйти, когда он садился рядом с ними. Некоторое время он тупо смотрел в кружку с медом, и после внезапного головокружения мир стал пустым и совершенно белым.

11

«...уйти. Не могу продолжать держаться за это ... держаться, я имею в виду... вместе.»

Последние заметки Шевера

Когда он пришел в себя, когда белый цвет потускнел до оттенков земли, мужчина лежал, свернувшись калачиком в болотной грязи. Первое, что он увидел, была роза — галлюцинация. Иллюзия. Он протянул руку. Головка иллюзии мягко покоилась на его пальцах. Он заплакал. Когда слезы прекратились, роза все еще была там. Он почувствовал что-то твердое под ребрами, застрявшее в грязи, и сдвинулся, чтобы оттолкнуть это. Камень. Легкое прикосновение коснулось его щеки. Переместившись, он сдвинулся ближе к розе, и теперь она коснулась его лица. Он заставил себя сесть и обхватил цветок ладонями. Она пустила корни под уклоном, упав на бок, когда он оттолкнул ее от себя, казалось, давным-давно. Её стебель был

изогнут, чтобы улавливать лучи солнца, пробивающиеся сквозь замшелый потолок болота.

Постепенно он начал осознавать свои руки, и что-то в них не давало ему покоя с тех пор, как он проснулся.

Вот: они начали гнить. Он не чувствовал боли, и все же кожа свисала с них ключьями. Ему показалось, что он видит костяшку одного из своих пальцев. Так вот оно что. Женщина подарила ему болезнь в качестве прощального подарка, и он скоро умрет. Оно того стоило. Теперь он останется здесь. Он больше не оставит свою розу. Время шло. Он не считал циклов света и тьмы. Иногда он лежал на спине и смотрел сквозь мох и ветви на небо. По ночам он видел звезды и думал о своей любви в их последнюю ночь вместе. В течение дня он представлял себе, что некоторые пряди беловато-зеленого мха над головой могут быть остатками записей Шевера, пойманными и прикрепленными к деревьям под дождем. Но нет — женщина принесла их обратно после того, как он их выбросил. Зачем она это сделала? Зачем она пришла в его дом, солгала, украла его сердце, привела его в канализацию, заразила его гнилью? Его единственным сожалением было то, что он так и не достиг прозрения по поводу записей Шевера. Он с тоской подумал о столе в канализации, где он держал их, где они, несомненно, покоились даже сейчас. Или... неужели? Он напрягся, пытаясь разглядеть размытые дни между ее исчезновением и настоящим. И ... да, образ пришел: он сам, стоящий над столом, на котором не было ничего, кроме огарка свечи, слегка нахмурившись, смутно думая, что чего-то не хватает, но не заботясь об этом, чтобы думать об этом дальше. Пустой стол. Никаких записей. Она их забрала. Конечно. В этом был смысл. Что еще ценного он мог ей предложить? У него не было ничего особенного, никаких способностей или озарений. Его роза была ценна только для него, но записи Шевера ...

Он мог себе представить, что они были бы ценны для многих из рода этой женщины. Он был так погружен в свой маленький мир сада, занятий и горной хижины, что не мог думать дальше этого. Такова была цена этой неудачи. Чтобы убедиться, что он не придет за своим сокровищем ... ядовитый поцелуй. Но почему она не забрала записи раньше? Он никогда не узнает. Возможно, он был единственной короткой вспышкой света в ее темном существовании, ее шансом познать любовь, прежде чем потерять свою жизнь в какой-то яме, в которой копошились чёрные волшебники. Возможно, познав любовь, она когда-нибудь познает и раскаяние, покаяние ... и, где-то за этим, покой. Да... вот во что он поверил бы. Он приподнялся на локте и теперь уронил голову на грязную подушку. Пиявки облепили его лицо, и он улыбнулся. Теперь наступит конец.

ТАКОЙ ЛЮБОПЫТНЫЙ МЕЧ

Роберт Сальваторе

Год Щита (1367 КД)

— Все то же, что и в Калимпорте, — упрямо повторил Энтрери.

По другую сторону стола Джарлаксл с трудом удержался от смешка.

— И ты еще зовешь мой народ расистами? — ответил темный эльф. — Мы, по крайней мере, не относимся с таким презрением к своим собственным сородичам!

— Твой длинный язык болтает глупости!

— Мой длинный язык открыл мне ворота в город, разве нет? — ответил Джарлаксл, ухмыляясь своей нахальной улыбочкой.

Это было правдой. Они с Энтрери прибыли сюда, на северо-восток Фаэруна, в страну, известную как Кровавые Скалы. Здесь, по слухам, храбрецы могли сколотить состояние на ушах гоблинов и их сородичей, в изобилии водящихся на диких равнинах Ваасы, к северу от королевства Дамара и его столицы Гелиогабалуса. Приплетя и имя короля Гарета Драконоборца, и напомнив страже ворот, что король-паладин Дамары известен своей терпимостью и стремлением судить о людях по их делам, а не цвету кожи, темный эльф убедил строгих охранников впустить его внутрь.

Не в последнюю очередь на них повлияло то, что Джарлаксл был меньше всего похож на тех темных эльфов, о которых они слышали истории — а вживую и вовсе не видели ни одного. Одетый в вызывающе широкополую шляпу с огромным пурпурным пером, широкий синий плащ, который с тех пор успел перевоплотиться в красный, черную повязку, которую он передвигал с глаза на глаз, и при этом даже без видимого оружия, Джарлаксл подходил скорее на роль персонажа базарных сплетен, чем опасного шпиона. Ему, как и Энтрери, несмотря на его впечатляющий меч и разукрашенный кинжал, позволили войти в город, но посулили присматривать за каждым их шагом.

Прошло несколько часов, и пришельцы убедились, что эти лентяи не сдержали слова.

— Долго ты там будешь копать! — рявкнул Энтрери через всю таверну на служанку, которая принимала у них заказы. Она не спешила возвращаться с подносом, явно робея до дрожи, и даже теряя дар речи, каждый раз, при виде дроу. Девушка вспыхнула и направилась к стойке, затем развернулась, потом еще раз, не зная, что ей делать. За ближайшим столом пара завсегдатаев бросила недовольные взгляды на нее и на Энтрери.

Убийца сел на стуле поудобнее. Он почти надеялся, что эти двое нападут. Его настроение последние месяцы было неизменно ужасным с тех пор, как они с Джарлакслем уничтожили Магический Кристалл. Дорога на север была скучной, без происшествий, несмотря на внешность и выходки его попутчика. И вся затея Джарлаксла была убийце не по душе. Темный эльф затащил его в Кровавые Скалы,

чтобы завоевать репутацию и немного золота на убийстве гоблинов. Для Энтрери это походило больше на работу для его вечного врага, Дриззта, и его «благородных» друзей.

— Ты ее лишь больше запугал, — заметил Джарлаксл.

Энтрери только пожал плечами.

— Знаешь, дружок, у моего народа есть примета. Если знатный дроу ласков с ровней, но жесток к слугам, он воистину мерзавец. В моих кругах это был своего рода комплимент. А как здесь?

Энтрери откинулся на спинку стула и приподнял поля своей шляпы — которую Джарлаксл называл «болеро» — так, чтобы дроу в полной мере разглядел скепсис в его взгляде.

— И не делай вид, будто тебя не задело, — подмигнул Джарлаксл.

— О боги, у меня вместо совести — темный эльф, — вздохнул Энтрери. — До чего я докатился?

— Артемис Энтрери мог бы быть и выше того, чтобы задираť кухонных девочек, — отрезал Джарлаксл, демонстративно отвернувшись.

С рыком возмущения Энтрери вскочил из-за стола и направился на другую сторону зала. Его силуэт перемещался бесшумно и грациозно, словно он парил среди столов и стульев, направляясь к официантке. Он миновал стол с двумя шумными наблюдателями, один из которых начал было подниматься, видимо, чтобы заслонить ему путь. Энтрери хватило одного колючего взгляда, чтобы изменить планы храбреца.

— Ты, — Артемис позвал девушку.

Она замерла, и вслед за ней замерло все вокруг, смолкли разговоры. В гробовой тишине с другой стороны комнаты донеслось знакомое хихиканье.

Служанка медленно обернулась навстречу Энтрери. Тот подошел вплотную и упал на одно колено.

— Я прошу твоего прощенья, юная леди, произнес он, бросив несколько золотых монет ей на поднос. Девушка не верила своим глазам. Энтрери поднялся с колен и продолжил: — Мне следовало догадаться, что ты забудешь, что мы заказали. Это можно понять, учитывая... — он бросил взгляд на Джарлаксля, — необычную внешность моего товарища. Я повторю тебе еще раз, чего мы желаем, и еще раз мои извинения, что я не осознал твоей проблемы раньше.

Посетители вокруг потихоньку вернулись к своим разговорам. Служанка улыбнулась с видимым облегчением. Энтрери продолжил было вымаливать ее прощенья, но тут же бросил, не в силах заставить себя продолжать.

— Благодарю, — сказал он, и напомнил ей свой заказ, после чего вернулся к Джарлаксли.

— Чудеса, да и только! — прокомментировал темный эльф. — Еще годик, и можешь подавать заявку в рыцарский орден.

Глаза Энтрери опасно сузились, но Джарлаксл лишь рассмеялся в ответ.

— Я уж думал, мне придется выкинуть вас обоих пинком под зад, — донесся сбоку третий голос.

Компаньоны увидели трактирщика, пожилого толстяка, большую часть тела которого составлял его живот. При этом здоровяк излучал ауру уверенности. Прежде

чем кто-то из них отреагировал на его слова как на угрозу или оскорбление, хозяин одарил их широкой, хотя и щербатой, улыбкой.

— Но я рад, что вы осчастливили мою маленькую Китси, — Он взял кресло из-за другого столика и опустился в него, опершись толстыми локтями на стол. — Ну-с, что привело такую милую парочку, как вы, в Гелиогабалус?

— Лично мне просто было интересно, что за город могли назвать таким идиотским словом, — процедил Энтрери. Трактирщик охнул и хлопнул себя по бёдрам.

— Мы наслышаны о славе и богатстве, которые куются в этом краю, — сказал Джарлаксл с убийственной серьезностью, — теми, кто достаточно силен и отважен, чтобы быть их достойным.

— И себя вы считаете такими?

— Почему бы и нет, — пожал плечами эльф. — Можешь себе представить, как трудно представителю моего народа добиться признания. Такую возможность стоит хотя бы попробовать.

— Дроу-герой...

— Может быть, ты слышал о Дриззте до'Урдене? — невинно спросил Джарлаксл. Однажды он уже с успехом назвался этим именем, производя впечатление на двух поселян, которые оказались наслышаны о невероятном дроу, страже Долины Ледяного Ветра. Энтрери наблюдал этот театр одного актёра с холодной яростью, догадываясь, к чему тот клонит. Джарлаксл был разочарован невозможностью стать Дриззтом-самозванцем, или, вернее, бесполезностью играть роль того, о ком никто слыхом не слыхивал. Но если этот толстяк знает о Дриззте, то Джарлаксл снова может принять эту роль, и его положение в пищевой цепи Гелиогабалуса станет на уровень выше.

— Дзиррит Дуудден? — неверным эхом отозвался трактирщик, скребя в затылке. — Неа, не помню такого. А это еще один дроу?

— Еще один покойник! — вставил Энтрери, пронзая Джарлаксла злым взглядом. Хватит тому уже прятаться за чужим именем.

Артемис покончил с Дриззтом. Не только с живым дроу, которого убил при последней встрече — не без помощи мага-психоника, впрочем, — но и, главное, с демоном внутри себя, вечной жаждой снова и снова вставать лицом к лицу с темным эльфом.

— Неважно, забудь, — махнул рукой Джарлаксл, правильно оценив взгляд и вернув разговор в прежнее русло.

— Так ты здесь, чтобы завоевать себе имя, ага? Я думаю, вам надо идти дальше, в Ваасу.

— А я думаю, ты задаешь многовато вопросов! — проворчал Энтрери, на что уже Джарлаксл пригвоздил его взглядом.

— Ты весьма любопытен, дружок, — перевел дроу обратно на спокойный тон.

— Ну, так, это ж мне для дела! — признался трактирщик, — Народ будет расспрашивать о такой чудной парочке, а мне найдется, что сказать.

— Чудной? — переспросил Энтрери.

— Не каждый день у нас дровский эльф обедает!

— Что правда, то правда.

— Так вот, если расскажете мне свою историю, вам же меньше хлопот, — продолжил толстяк.

— Ежедневный городской вестник, — сухо констатировал Джарлаксл.

— Такая у меня работа.

— Ну, что ж, вот мы о себе и рассказали! — ответил дроу. — Меня зовут Джарлаксл, а мой друг — Артемис Энтрери.

Трактирщик ответил традиционным «Приятно познакомиться», а Артемис сурово нахмурился на темного эльфа. Он не мог поверить своим ушам, что Джарлаксл только что с легкостью выдал их имена. Трактирщик тоже представился, хотя Энтрери пропустил его имя мимо ушей, а затем начал рассказывать байки о наемниках, отправившихся в Ваасу, на которые Энтрери и вовсе было наплевать. Вскоре толстяка позвали за стойку, он извинился и был таков.

— Ну что? — спросил Джарлаксл у угрюмого Энтрери.

— Ты так легко выдаешь наши имена!

— А почему бы и нет?

Судя по выражению лица Энтрери, очевидное не следовало даже объяснять.

— За нами никто не гонится, друг мой. Мы не заслужили влиятельных врагов — по крайней мере, не в этой стране. Разве в Калимпорте ты скрывал, что ты — Артемис Энтрери? Не надо стыдиться своего имени!

Энтрери покачал головой, откинулся в кресле и приступил к бокалу вина. Все это приключение оставалось для него полным безумием.

Когда проводили припозднившихся клиентов и харчевня опустела, трактирщик снова уделил внимание парочке.

— Итак, когда отправляетесь в Ваасу? — спросил он.

Энтрери и Джарлаксл понимающе переглянулись: слова были сказаны тоном наводящего вопроса.

— Скоро, я полагаю, — ответил Джарлаксл, грызя косточку. — Наши финансы уже показывают дно.

— Ага, значит, вам нужна работа уже сейчас, — заключил трактирщик. — Будете рубить гоблинов? Ну, гоблинов, орков там, я имею в виду. Или вы охотитесь на более крупную дичь?

— Сколько предположений, — заметил Энтрери.

— Верно, но вы же не хотите сказать, что вы бойцы в чистом поле. Или нет?

— Хочешь на себе проверить? — предложил Энтрери.

— Не-не, я в тебе не сумлеваюсь! — улыбнулся толстяк. Он поднял свои толстые лапы, осаждая столь опасного собеседника. — Но вы выглядите как люди, которые могут делать работу лучше и за хорошие деньги, если вы понимаете, о чем я...

— А если нет?

Трактирщик хлопнул глазами на Энтрери.

— Если мы не понимаем, о чем ты, — перевел Джарлаксл.

— А, ну, в Гелиогабалусе полно работы, — пояснил трактирщик. — Для ловких ребят, если вы понимаете, о чем я. Все большие шишки теперь в Ваасе, дерутся с чудовищами на стенах. А в городе бросили полно граждан, которым не к кому обратиться...

Энтрери даже не пытался скрыть ухмылку. Болтовня этого толстяка заставила его почувствовать себя как дома. Гелиогабалус, в конце концов, не так уж отличался от Калимпорта: законы государства и законы улиц писались на разной бумаге. Ему, правда, казалось странным, что его и Джарлаксля нашли так быстро — ведь у них пока не было репутации здесь; но он старался об этом не думать. Похоже, большинство здешних вояк ушли на север, и среди них основная масса тех, кто делал деньги на поддержании порядка на улицах. Каким бы ни был этот порядок.

— И ты знаешь об этой работе? — поинтересовался Джарлаксл.

— Ну, это ж мой хлеб! — согласился трактирщик. — По правде, мне сейчас нужна кой-какая помощь, а мой друг просил меня найти работников.

— А почему ты решил, что мы подойдем для такой работы? — продолжил Джарлаксл.

— Если б ты занимался этим делом столько лет, сколько старый Фипан, ты б не спрашивал! — ответил тот. — Я видел, как вы ходите, как поднимаете стаканы. Как у вас глазки бегают, высматривая, что творится вокруг. Я даже думаю, эта работенка будет слишком легкой для ваших талантов, но надо же с чего-то начинать. — Он замолчал и с надеждой посмотрел на собеседников.

— Что ж, расскажи нам об этой работе, — сказал Джарлаксл, выдержав драматичную паузу. — Ничего, что нарушало бы законы этой замечательной страны, разумеется, — добавил он традиционную для любого уважающего себя вора или убийцы отмазку.

— Не-не, конечно, — засмеялся Фипан. — Назовем это восстановлением справедливости, только и всего.

Джарлаксл и Энтрери снова обменялись взглядами — это был традиционно-вежливый ответ. Обычно это означало, что кого-то надо убить или как минимум ограбить.

— У меня друг есть, и он хочет вернуть идола, — продолжил трактирщик, переходя на таинственный шепот. — И он хорошо платит, да-да! Сотня золотом за работу на одну ночь. Ну, как оно вам?

— Продолжай, сказал Джарлаксл.

— Это спор всего лишь из-за небольшой статуи. Ее украл один малый, что живет неподалеку. Мой друг хочет ее обратно.

— И с чего ты решил, что мы подходим для этой работы? — спросил Энтрери.

— Я ж тебе говорил, что умею читать по своим гостям, разве нет? Для вас это должна быть пустяковая работа. Правда, этот вор, Рорли, тот еще мерзавец...

— Тогда сотни может и не хватить, — вставил Джарлаксл.

Трактирщик пожал плечами: — Мне сказали, дают сто золотых. По мне, так хорошая плата. Я, конечно, могу спросить ещё...

— Сперва расскажи нам детали, — перебил его Артемис. — Нам еще предстоит покупать запасы на дорогу на север.

Трактирщик улыбнулся и придвинулся ближе. Он рассказал им всё, что знал о Рорли, вплоть до адреса, по которому тот жил, его дом оказался неподалёку. Затем, по просьбе компаньонов, толстяк оставил их наедине.

— Мы можем погибнуть, или нам придется убить этого Рорли.

Темный эльф безразлично пожал плечами. — Сотня золотом потянет на милостыню, — сказал он, — но дороже будет репутация, которая нам хорошо послужит потом.

— Тогда дай мне сотню сейчас, чтобы купить инструменты для работы, — настоял Энтрери.

Широко ухмыляясь, Джарлаксл запустил ладонь в свой худой кошель и извлек несколько монет, затем еще, и еще, уже гораздо больше, чем должно было помещаться в его мошne — если только в ней не было межпространственного кармана — и так продолжал до тех пор, пока перед Энтрери не выросли две сотни монет.

— А мы стараемся за сотню? — усмехнулся Артемис.

— Но твои инструменты не одноразовые, так ведь?

— Конечно.

— Тогда, это вклад на будущее.

Энтрери казалось, что его спутник слишком уж забавляется. По его опыту, следовало ждать беды. Но все же он пожал плечами и сделал знак трактирщику подойти.

* * * * *

Ловко и бесшумно орудуя воровскими веревками, которые он укрепил «кошкой» на коньке крыши, Энтрери вскарабкался на двухэтажное здание и устроился на карнизе под окном второго этажа. Согласно его наблюдениям, это была спальня Рорли. Быстрая проверка показала, что по эту сторону стекла ловушек нет. Сохраняя восхитительное равновесие, вор извлек свои новые инструменты, прилепил присоску в центр стекла, затем установил на нее ручку с алмазным резакoм. Вычертив идеальный круг, он осторожно потянул. Вырезанный кусок поддался не сразу.

Джарлаксл бесшумно парил за его спиной. — Какое любопытное изобретение для того, кто не умеет левитировать, — заметил темный эльф об альпинистской упряжи коллеги.

— Так и живём, — проворчал Энтрери.

— Но вся эта трата денег на черные одежды... — продолжил дроу, со вздохом качая головой. — Я же тебе дал куда более полезный плащ, и более того, шляпу.

Энтрери уже привык не удивляться ничему, что Джарлаксл мог предложить из магических трюков. Плащ, который ему пришлось надеть, был, очевидно, вариацией знаменитого пивафви, плаща-невидимки дроу. Но вот замечание насчет шляпы застало его врасплох.

— Шляпа? — переспросил он, свободной рукой хватаясь за узкие поля своего болеро.

— Сдвинь ее на левый бок, и она защитит тебя от любопытных глаз.

Энтрери послушался, и немедленно ощутил, как его обдало холодом, пуская мурашки по всему телу.

— Вот так! — объявил Джарлаксл. — Когда почувствуешь тепло, можешь снова надеть шляпу.

— Я чувствую себя, как покойник.

— Лучше чувствовать, чем вправду им стать, верно?

Энтрери поправил шляпу, мысленно соглашаясь. Вздвогнув еще раз, он вернулся к своей работе с окном, на сей раз, выдернув круг из стекла.

— Туго идет, — сухо заметил Джарлаксл.

Убийца кольнул его злым взглядом и снова поежился. Осторожно, почти нежно он просунул руку сквозь стекло и начал обшаривать подоконник в поисках ловушки.

— Сколько труда, надо же, — протянул Джарлаксл.

Дроу запустил руку в свою бескрайнюю шляпу и вытащил небольшой черный платок. Энтрери лишь со вздохом покачал головой при виде этого. Он знал, что сейчас будет.

Джарлаксл развернул свой лоскуток, и тот стал значительно шире. Затем дроу приложил его к стене — и вся часть здания, которую он покрывал, попросту исчезла. Типичная переносная дыра — редкий и полезный инструмент, создающий межпространственный карман. Но Джарлаксл не носил предметов, которые можно было назвать типичным. Его дыра, с одной стороны, могла создавать и карман, или, приложенная другой стороной, создавала на время дыру в любой поверхности, на которую опускалась. Джарлаксл с будничным видом прошествовал в помещение и втянул дыру за собой, возвращая стене плоть.

Энтрери был так взбешен, что рванулся следом через подоконник и лишь в последний миг заметил небольшой выступ, выдававший на нем ловушку. Взяв себя в руки, мужчина снова заставил свои пальцы двигаться отточенными движениями. Несколько секунд спустя ловушка была обезврежена и даже раскрыта — внутри оказалась игла, без сомнения, отравленная. Артемис вынул ее и положил себе в браслет. Завершив осмотр подоконника, он щелкнул замком и вошел в комнату.

— После меня, хотя бы, стена осталась целой, — подколот Джарлаксл, указывая на стеклянный круг в руке Энтрери.

Взмах руки убийцы — и стекло ударилось об пол, разбившись на тысячи кусочков.

— Восхитительная бесшумность, — саркастически заметил Джарлаксл.

— Может, я сегодня в настроении кого-нибудь убить, — ответил Энтрери, пристально глядя на назойливого эльфа. Джарлаксл пожал плечами.

Энтрери оглядел помещение. Напротив окна в левом углу была дверь, рядом с ней — открытый чулан. Справа от окна стоял платяной комод, высотой по плечо Артемису. Кровать и ночной столик дополняли обстановку. Энтрери принялся за комод, а Джарлаксл направился к чулану.

— Какая безвкусица! — донёсся возмущённый голос тёмного эльфа. Убийца оглянулся и увидел Джарлаксла, копошащегося в висящих одеждах, в основном бурого и серого цвета.

Энтрери покачал головой и открыл нижний ящик. Там было несколько простыней, а под ними — горстка монет, которая тут же скрылась в его кармане. Во втором было то же самое, а в третьем валялись вперемешку предметы туалета. Красивый костяной гребень с перламутровой ручкой Энтрери тоже взял себе.

Самое интересное оказалось в верхнем ящике: несколько баночек с мазями, и три флакона с зельями разного цвета. Энтрери понимающе кивнул и покосился на подоконник, затем захлопнул ящик и направился к постели.

— Ага, тайник! — обрадовал Джарлаксл из шкафа.

— Дай мне проверить его на ловушки.

— Не утруждайся, дружок, — ответил тёмный эльф, выходя из чулана.

Он извлёк серебряный свисток, который прежде висел у него на шее, на цепочке, и дважды дунул. Раздался хлопок и вспышка, и дверца тайника магически открылась.

— У тебя на любой случай есть ответ, — процедил Энтрери.

— Поэтому я ещё жив! — кивнул Джарлаксл. — А ну-ка, давай посмотрим, что у нас там!

Мгновение спустя дроу вышел из чулана, бережно неся статуэтку: необычную фигурку мускулистого мужчины, наполовину чёрную, наполовину белую.

— Что ж — назад в трактир за наградой? — спросил Джарлаксл.

И тут идол в его руках расхохотался в ответ.

— Не думаю, что ты отсюда выйдешь, Артемис Энтрери! — провозгласил он. То, что он обращался к Артемису, а не Джарлакслю, поразило обоих, и вызвало подозрение, что речь была записана заранее.

— Хм... — ответил Энтрери.

Дверь в комнату распахнулась, и Джарлаксл метнулся назад к окну. Энтрери отступил влево, к кровати. В комнату вошёл здоровенный мужчина со смугло-серой кожей, в длинной чёрной мантии с зубчатыми полами. Шлем с гребнем был у него на голове. За его спиной мелькала свора крупных серых и чёрных псов; они выскакивали из тени и возвращались назад, словно были с темнотой одной природы.

Энтрери почувствовал, как задрожал на поясе Коготь Харона, его меч. Но на сей раз, это была не жажда боя, напротив, меч как будто радовался встрече старого друга.

— Я так понимаю, нас ждали в гости, — спокойно констатировал Джарлаксл, прикрываясь статуэткой от этого человека.

— Если ты отдаешь его без боя, ты увидишь, что мы можем быть выгодными союзниками, — предложил здоровяк.

— Я уже успел его полюбить, — ухмыльнулся Джарлаксл. — Но если ты готов обсудить цену...

— Не этот бесполезный идол!

— Мой меч... — догадался Артемис.

— И перчатку, — подтвердил смуглый.

Энтрери скривился: — Они мне более ценные союзники, чем ты.

— О да, но разве могут они стать такими опасными врагами, как мы?

— Мы? Нас? — встрял Джарлаксл. — Так кто же вы, называющие себя во множественном числе?

Смуглый человек и Энтрери покосились на дроу с удивлением.

— Меч, который носит твой спутник, принадлежит не ему, — объявил великан.

— Ты что, убил прежнего владельца? — поинтересовался дроу у Артемиса.

— А ты как думаешь?

Джарлаксл кивнул и перевёл взгляд на высокого человека. — Так это его меч...

— Это меч Нетерила!

Энтрери слабо понимал, что это значит. Но он увидел, что глаза Джарлаксла округлились так, будто перед ним вырос, по меньшей мере, тот дракон, с помощью которого они уничтожили Магический Кристалл, и понял, что, видимо, дело плохо.

— Нетерил... — повторил дроу. — Народ, которого нет уже много веков...

— Народ, который скоро вернётся, — отрезал смуглый. — Народ, воскрешающий свою былую славу и возвращающий то, что ему принадлежало.

— Ну что ж, это самые весёлые новости для мира за последнее тысячелетие, — саркастически процедил Джарлаксл. Хозяин дома расхохотался в ответ.

— Я послан забрать наш меч, — продолжил он. — Я мог бы просто убить вас обоих и не тратить время на разговоры. Но я решил, что парочка авантюристов вроде вас может хорошо послужить Тен... моему народу. А мы — выгодные союзники для вас.

— Выгодные, говоришь? — переспросил Джарлаксл с явным интересом.

— А если я стану вашим союзником, оставите мне меч? — вставил Энтрери.

— Нет, — отрезал смуглый человек.

— Тогда и мой ответ — нет!

— Не будем принимать поспешных решений, — шикнул на него дроу.

— По-моему, всё ясно, — ответил Энтрери.

— Мне тоже, — подтвердил смуглый. — Значит, по-хорошему не хочешь. Будет по-плохому!

Он отступил в сторону, и свора псов из тени ворвалась в комнату с диким лаем и воем. Их белые клыки сверкали в черноте их ртов.

Энтрери пригнулся, готовый отпрыгнуть, но Джарлаксл держал ситуацию под контролем. Он швырнул на пол перед собаками свою чёрную дыру, с помощью которой попал в дом. Лай превратился в визг, и твари провалились сквозь пол в нижнюю комнату. Джарлаксл немедленно подхватил дыру, запечатав пол.

— Надо бы мне завести такую, — заметил Энтрери.

— Если заведёшь, не пытайся пронести её через мою, — предупредил Джарлаксл. Энтрери посмотрел на него с недоумением.

— Разлом... в астральный уровень... а впрочем, не забивай себе голову, — объяснил дроу.

— Ладно, — махнул рукой убийца. — Итак, что у нас осталось?

— Остался противник, которого вы не в состоянии постичь! — провозгласил смуглый человек.

С хохотом он шагнул вбок и растворился в тени — так быстро, что Энтрери показалось это обманом зрения. Но убийца успел метнуть иглу, и по сдавленному стону понял, что его снаряд достиг цели.

— Любишь темноту, дроу? — спросил хозяин дома, погружая комнату в непроглядный мрак.

— Обожаю! — подтвердил Джарлаксл и трижды свистнул в свисток: короткий сигнал, длинный и снова короткий. Энтрери услышал, как захлопнулась дверь.

Действовать приходилось быстро и опираясь на инстинкты. Убийца выхватил меч и кинжал и встал спиной к кровати, прикрывая спину. На всякий случай он наклонил шляпу влево, хотя и понимал, что в этой магической темноте не может видеть даже тот, кто владеет инфразрением. И всё же это спасло его: вслед за холодком, пробежавшим по коже, комнату наполнил жар магического огня.

Артемис успел спрятаться под кроватью за мгновение до того, как над его головой вспыхнул матрац.

— Он колдун! — закричал Энтрери.

— Серьёзно? — усмехнулся Джарлаксл в ответ.

— Серьёзно, — подтвердил невидимый хозяин. — И мне не страшны ваши жалкие уколы!

— Да ну? — усомнился Энтрери. Продолжая разговаривать, он перемещался по комнате, чтобы голос не выдал противнику его положения. — Даже иголка из твоей собственной ловушки...

Он не успел договорить последнее слово, как вся комната погрузилась в тишину. Заклинание безмолвия погасило все звуки, даже заткнуло собак, гавкавших этажом ниже. Энтрери понял, что это работа Джарлаксла, обычный трюк темного эльфа против опасных волшебников. Без возможности произносить вслух заклинания, репертуар чародея резко сокращался.

Но у Энтрери были другие заботы. Его волшебный меч начал борьбу с хозяином, пытаясь повернуть его руку против него самого, уговаривая пролить собственную кровь. Однажды Энтрери уже одолел упрямый меч в поединке воли, но здесь, в присутствии одного из своих создателей, клинок как будто пылал новым гневом. На руке убийцы была перчатка, уменьшавшая воздействие Когтя Харона, и она пока позволяла ему кое-как держать верх над нетерильцем.

Энтрери с трудом осознавал, где именно в комнате он находится. Ему уже удалось меткий бросок, но упустить возможность для нового означало окончательно испортить ситуацию. Он стал ориентироваться по жару, исходящему от горячей кровати. Повернувшись, как ему казалось, перпендикулярно окну, он сделал три осторожных шага, на ходу убрав в ножны непослушный меч.

И затем Артемис нанес один быстрый, точный удар, его высасывающий жизнь кинжал вонзился прямо в спину смуглого колдуна.

Голова Энтрери закружилась, когда кинжал начал вкачивать в него жизненную силу умирающего. Он пошатнулся, упал на пол и лежал так довольно долго, пока не услышал лай собак внизу.

— С ним покончено! — объявил он, чтобы Джарлаксл не погрузил комнату снова в безмолвие.

Вскоре рассеялась и темнота. Лежащий на полу Энтрери нашел глазами своего напарника. Тот с комфортом разлёгся прямо на потолке, подложив руки за голову. Артемис отметил, что ореол сажи от огненного шара, обугливший стены и потолок, огибает тёмного эльфа кругом. Как будто некий щит закрывал дроу от магии, или, по меньшей мере, от огня.

Убийца даже не удивился.

— Прекрасная работа! — похвалил его Джарлаксл, медленно опускаясь на пол. Энтрери тоже встал на ноги, отряхиваясь. — Без зрения, без слуха! Как же ты догадался, где он стоит?

Энтрери бросил взгляд на покойника. Он лежал на верхнем ящике комода, который вытащил и поставил на пол. Вокруг валялись склянки с зельями.

— Я сказал ему, что ранил его иглой из его собственной ловушки, — объяснил он. — А в одной из этих баночек должно было быть противоядие. Я догадался, что под покровом темноты и тишины он попытается вылечить яд.

— Потрясающе! — воскликнул Джарлаксл. — Я начинаю понимать, почему я таскаю тебя с собой!

Энтрери покачал головой. — Насчёт меча он не соврал, — вздохнул он. — Меч был предан ему. Я это почувствовал, когда клинок повернулся против меня!

— Нетерильский клинок... — промурлыкал Джарлаксл. Он взглянул на Энтрери с неожиданным удивлением, а затем сверкнул широкой улыбкой. — И как теперь относится к тебе твой меч?

Энтрери пожал плечами и осторожно извлек оружие. От меча исходила аура преданности, близости, куда большей, чем раньше. С удивлением он поднял глаза на Джарлаксла.

— Похоже, он считает, что теперь ты больше похож на его прежних хозяев, — объяснил дроу. Когда брови Энтрери подпрыгнули ещё выше, он добавил, глядя на мертвеца. — Это был неординарный человек.

— Я тоже так думаю.

— Он был Тенью. Созданием, состоящим из теней.

Энтрери пожал плечами — ему это ни о чём не говорило.

— А ты ведь убил его своим вампирским кинжалом, так?

Энтрери снова пожал плечами, начиная злиться. Джарлаксл рассмеялся и протянул ему зеркальце. Взглянув в него, Энтрери даже в тусклом свете разглядел, что его кожа приобрела темно-серый оттенок.

— И ты поглотил частицу его сущности, мой друг, — заявил дроу.

— Что это значит? — испугался убийца.

— Значит, что ты только что продвинулся в своем ремесле, дружок, только и всего! — рассмеялся Джарлаксл. — Насколько сильно, покажет время.

Энтрери пришлось удовлетвориться этим объяснением — ничего более конкретного от его загадочного друга не приходилось ожидать. Он нагнулся и поднял брошенного идола, с которого всё началось.

— Пора забрать наши деньги у трактирщика, и... — начал он.

— И?... — переспросил Джарлаксл.

— И прирезать этого борова за то, что он втравил нас в это дело.

— Это может не понравиться властям Гелиогабалуса, — возразил Джарлаксл.

Ответ Энтрери был столь характерным, что Джарлаксл прошептал его в унисон с убийцей:

— А мы им не скажем!

НЕМНОГО ЗНАНИЙ

Элейн Каннингем

Утреннее солнце, словно робкие пальцы, протянуло длинные лучи сквозь вековые деревья Халруаа, чтобы разбудить пропитанную дождем деревню. Но в Аштараххе давно уже все проснулись и были заняты каждый своей работой.

Летний сезон муссонов закончился. Деревенский прорицатель установил, что вчерашний ливень был последним. Еще рисовые поля и ягодные плантации походили на болото, но по ним уже двигались жнецы, утопая по щиколотку в воде и разбавляя свою трудную работу веселыми утренними песнями.

Туман цеплялся за поля и клубился вокруг небольших домиков, сжатых между землей и небом горячим, плотным воздухом, нагретым стремительно восходящим солнцем. Никто не думал, как перенасыщенный влагой воздух мог впитать в себя еще и вчерашние дожди; ответ был в пышном ландшафте Халруаа, в частности высоких, тонких деревьях, растущих по краю леса, мечтательно покачивающихся в такт музыке, которую слышали только они.

Деревья ванги появлялись вместе с первыми дождями, прорастая за ночь, словно зеленые грибы. Они росли с невероятной скоростью – две или три длины руки в день. К концу муссонов они уже были готовы к сбору урожая. Несколько детей, проворных, словно обезьяны, взбирались по сегментному стволу вверх, чтоб сорвать фиолетовый плод размером с кулак. Потом они бросали его в холст, который держали за углы четыре угрюмых на вид мальчика и, передвигаясь по земле, ловили их и перекидывали в сухую солому. Несколько молодых людей стояли рядом с мачете наготове. Как только все плоды будут собраны, деревья срубят, ошкурят по длине и вытащат на дорогу. Улицы деревни были вымощены булыжником, а лесные дороги хорошо укрыты, но путь, ведущий через поля, медленно высыхал после дождей. Каждый год свежие стволы ванги вдавливают в грязь, образуя ухабистую, но вполне сухую дорожку для передвижения к рынку.

Этот путь заканчивался между двумя мастерскими: кузнечной и колесной. Дым волнами поднимался над кузницей, и два подмастерья деловито катили новые колеса в специальные стойки. Поездка по бревенчатой дороге из ванги была сплошным дребезжащим мучением, и более чем одна из ожидающих на рынке повозок точно сломается. Но посещение торговцев и ремесленников, а также расколотые колеса, подкованные волю и сломанные оси были неотъемлемой особенностью ведения торговли в Аштараххе.

Особенно оживлялся рынок в конце лета. Торговые ларьки и палатки стремительно возводились руками плотников и мелких волшебников. Собственники же постоянных магазинов откидывали защитные пологи, подметали свои владения и выставляли напоказ свои товары. Воздух был наполнен шумом ткацких станков и терпким ароматом созревших сыров. Разноцветные стеклянные бутылки, наполненные ягодными наливками, стояли рядами на полках, напоминая огромные рубиновые ожерелья. В лучах утреннего солнца блестели длинные отрезки тонкого белого постельного белья, а в арочных витринах виднелись, имитируя радугу, мотки ярко окрашенной пряжи. Но самыми известными изделиями в Аштараххе считались

искусно сотканные гобелены. Они висели в каждом третьем ларьке, превращая рынок в настоящую галерею.

Деревенские жители, которые этим утром не были заняты никакой работой, прогуливались по вымощенной булыжником дорожке, любясь сотканным искусством. На большинстве гобеленов были вытканы сцены из истории и легенд Халруаа. В основном, изображались небесные корабли, но были и, общие для Халруаа, магические существа: ярко раскрашенные, многоногие крокодилы, известные как бехиры, крылатые звездозмеи, даже страшные ларакены. На некоторых гобеленах изображались портреты знаменитых, и не очень, волшебников. Некоторые сцены оживлялись небольшими магическими эффектами, имитирующими световые молнии, летающие между противниками, словно те сражались заклинаниями. Довольно большое плетение пылающего феникса – нового штандарта короля Залаторма – привлекало восхищенные взгляды. Но самая большая толпа народа, однако, собиралась на юго-западном углу площади, где Урсо Всевидящий сидел за своим кособоком, в настоящий момент неработающим ткацким станком.

Урсо был худой, скромный человек неопределенного возраста. Его длинные, довольно волнистые локоны поседели, а лицо было непроницаемым, за исключением его светлых глаз – карих с оттенком скорее серого, чем зеленого цвета, что выглядело несколько странно в стране темноглазых черноволосых людей. Прозвище «Всевидящий» содержало в себе легкую насмешку, хотя ходят слухи, что раньше к нему относились с уважением. Когда-то, как было уже сказано, Урсо был могущественным предсказателем, видевший множество возможных путей развития с одинаковой ясностью. Но огромные и разнообразные перспективы будущего были слишком большим бременем для того, чтобы вынести его, и Урсо удалился в эту сонную деревню, довольствуясь тем, что вплетал свои запутанные видения в никем не востребованные гобелены. Разобраться в том, что изображено на них, мог только он сам.

Ватага подростков пробиравась со стороны ларьков, подкрадываясь к волшебнику, их широкие улыбки невинно сияли на маленьких чумазых лицах. Некоторые из них, выскребав грязь между булыжниками, готовили первую волну атаки.

Волшебник поднял глаза и улыбаясь вежливо поприветствовал их. В его спокойном взгляде нельзя было прочесть, знает ли он о предстоящей шалости или нет, но небольшая, зловещая серая туча появилась прямо над головой вожака компании, коренастого маленького пострела, который отзывался на имя Даммет.

Мальчуган уже приготовился к броску. И тут же туча разразилась мелким, противным дождем, заливая парня и заставляя его товарищей с веселым смехом отскочить в сторону. Жидкая грязь просачивалась между пальцами Даммета, пока не смылась совсем.

Второй мальчик отскочил назад и кинул комок грязи ловким, боковым броском. Урсо отодвинулся в сторону, сделав незаметный жест, комок изменился в воздухе, приобретая кристаллическую форму и белый цвет. Он поймал снежок и отбросил его обратно к сорванцу. Пацан, поймав его, вскрикнул от удивления и, почувствовав непривычные укусы холода, стал перебрасывать шарик из руки в руку.

– Попробуй, – предложил Урсо.

Нерешительность ясно читалась на маленьком лице, но смесь ободрения и насмешек его товарищей решила дело. Он робко лизнул, и его глаза округлились от восторга.

– Крем Мазганут, – важно провозгласил мальчик.

Он увернулся от нескольких, пытающихся схватить его, рук и метнулся вперед, крепко сжимая свой приз. Двое пацанов было погнались за ним, но бросили эту затею после первых же шагов. Здесь намечалась какая-то интересная забава, и их лица светились от удовольствия в ожидании чего-то нового.

Даммет подтолкнул маленького мальчика вперед – неуклюжего парня с напряженным, но рассеянным взглядом. Даммет откинул прядь черных волос с его лица и обнял его за напряженные, ссутулившиеся плечи.

– Это мой приятель, Тэд, – объявил он. Он наклонился, чтобы зачерпнуть побольше грязи, которую он шлепнул в руку мальчика. – Можно сказать, что он пуглив. Если оставить его здесь одного, он, вероятно, умрет от страха. И он лучше всех бросает козий навоз. Ты даже не узнаешь, куда попадет этот комок грязи.

Некоторое время, волшебник, нахмурясь, размышлял о возможностях. В его тусклых глазах промелькнуло что-то вроде паники.

– Может быть и нет, но вот, что я точно знаю, так это то, что сейчас доберусь до вас, – раздался грохочущий голос. Маленький, крепкий мужчина вышел из-за полуразрушенной стены лавки, размахивая прутом из ванги. – Быстро разбежались, мерзавцы.

Ребятня без оглядки кинулась кто куда, забыв о своем менее расторопном рекордсмене. Тэд, спотыкаясь, последовал за ними, протестуяще вопя о том, что его забыли.

Урсо обернулся к своему спасителю. Хоть волшебник и сидел на низком стуле, его глаза были на одном уровне с глазами пришедшего, чей торс с бочкообразной грудью держался на необычайно коротких, кривых ногах. Он был примерно одного роста с дварфами, но явно не из этой расы. Его лицо было безбородым, как у ребенка, хотя он и был уже зрелого возраста. Он не походил и на представителя какой-либо другой расы, объясняющей его рост – ему не хватало худощавого телосложения и волосатых ног хафлингов Луирена, а также луковичного носа и голубых глаз, обычных для гномов. Тем не менее, некоторые шутники называли его Гнарфлинг – невероятное сочетание всех трех рас – и имя прижилось.

Что-то, что из-за отсутствия лучшего определения можно было назвать дружбой, выросло между двумя неудачниками. Гнарфлинг был единственным, кто регулярно искал компанию Урсо, и кто, казалось, определенно наслаждался фантазиями старого волшебника. Он наклонился и посмотрел на путаницу ниток на станке мага.

– И что сие означает?

– Павлиньи птенцы Мелоди Сибар, – ответил Урсо, указывая на спутанный клубок серой нити. – Они выводятся сегодня. Или, может быть завтра. По крайней мере, те, кто хочет вылупиться вообще.

– Это надо отметить.

Гнарфлинг откупорил бутылку, из которой они сделали пару глотков, передавая друг другу. После этого он смачно рыгнул и, успокоившись, сел, готовясь насладиться утренним рассказом. Его благостное настроение исчезло, когда он увидел, как толстая женщина целенаправленно движется к ним.

– Воздушный корабль движется на всех парусах по суше сюда, – пробормотал он.

Описание было недалеко от правды. Вилма была матерью Даммета, веселой, болтливой женщиной, которая зачастую – и для этого были свои оправдания – выглядела немного взволнованной и растрепанной. Пряди черных волос выбились из ее единственной косы, а круглое лицо покраснело от утренней работы. Как и ее сын, она постоянно чем-то была занята, и в то же время никогда. Но в отличие от многих односельчан, она время от времени встречалась с Урсо, главным образом потому что он был один из немногих, кто терпел проделки Даммета.

Облегченно вздохнув, женщина сбросила с плеч ремни, в которых держалась корзина с недавно собранными плодами. Плоды были тяжелые, с покрытой толстой шкуркой ореховой скорлупой, и извлечение мякоти из них – довольно долгий процесс. Она отцепила от пояса небольшой тесак – необходимый инструмент для этого дела – и начала плавно водить им по точильному бруску.

– Какое будущее ждет этот маленький уголок королевства Залаторна, господин маг?

– Белая собака, – тихо сказал Урсо.

– Страшное событие, – усмехнулась она.

Он мрачно кивнул.

– Эта собака станет причиной смерти больше чем половины людей в соседней деревне.

Маленький пятнистый щенок бродил недалеко от лавки волшебника. Вилма добродушно рассмеялась.

– Это щенок шавки Даммета, и она ближайшее существо, похожее на белую собаку. В ней нет никакой угрозы.

– Несколько лет, нет, но потом эта собака уже будет бродить далеко от деревни и спарится с оборотнем-волком. Их потомок будет иметь чисто белый мех и выглядеть больше собакой, чем волком. В человеческом облике она будет миловидной девой.

Вилма ответила тонкой улыбкой.

– Наверняка мой муж Томас будет наслаждаться подобным рассказом! Пусть только он взглянет на смазливую девку – это станет его смертью. – Она бессознательно взмахнула своим тесаком, в смертоносном жесте.

– Верно, но его смерть будет не от вашей руки, – ответил Урсо.

Улыбка женщины угасла, и страх появился в ее глазах. Если волшебник – пусть даже сумасшедший волшебник – начинает говорить о смерти, значит пришло время разжигать погребальные костры.

– Если, конечно, ваш мальчик не забудет привязать свою пеструю собаку в полнолуние перед осенним равноденствием, то этой девицы никогда не будет. Это спасет нас всех от большой беды. – Урсо поднял голову, как будто прислушиваясь к голосу внутри себя. – Хотя это вызовет другую большую проблему. Эта же самая девица-оборотень могла бы принести гибель в парящий город. Это избавило бы нас

от многих неприятностей. С другой стороны... – Он замолк, прерванный резким, предупреждающим тычком локтя Гнарфлинга.

Улыбка облегчения и жалости вернулась к женщине.

– Парящие города сейчас, не так ли? Здесь, в Халруаа?

Урсо пожал плечами.

– Местами да, а местами и нет.

– Ну все, хватит об этом, – многозначительно сказал Гнарфлинг.

Вилма бросила быстрый взгляд в сторону коротышки и тут же отвела его. Она с трудом терпела этого странного маленького мужчину. Каждый в Аштараххе знал много чего о других и все поголовно страдали, если не хватало информации о ком-то. Но даже самые талантливые сплетники среди них не могли придумать историю, которая могла бы убедительно объяснить, кто такой этот Гнарфлинг или установить цель его приезда в Аштарахх. Вилма же обладала ограниченным воображением и всегда относилась с явным подозрением ко всем, кого не могла понять. Она улыбнулась Урсо и, взвалив корзину на плечи, быстро вышла из лавки.

Гнарфлинг вытащил из кармана бутылку и махнул ей в сторону станка.

– Что еще ты там видишь?

Выражение горечи отразилось на лице волшебника.

– Все, – тихо сказал он грустным и бесконечно утомленным голосом. – Все.

Коротышка смущенно кашлянул, чувствуя себя неловко, видя страдание своего друга.

– Ну, тогда, как насчет того, чтобы начать новое плетение и посмотреть, что в итоге получится.

Урсо, послушно взяв маленький нож, вырезал спутанное кружево со своего станка. Затем, он исполнил сложный тайный жест, и на кривом каркасе появился новый набор вертикальных нитей. Он долго изучал нити основы, как бы рассматривая и тут же отбрасывая множество возможностей. Наконец, он взялся за челнок и начал укладывать уток.

Его руки носились над холстом с изысканным проворством мастера, добавляя новую нить здесь или другой цвет там. Вскоре начала проявляться некая закономерность. Светящиеся, серебристые нити соединились в тонкую сеть. Однако, ткань, образовавшаяся в ячейках этой сети, оставалась неопределенного темного цвета, словно тени в лунную ночь. Гнарфлинг в недоумении нахмурился, поскольку он видел, что Урсо в некоторых местах вплел ярко-красные нити. Даже этот насыщенный цвет исчез в темном мраке.

– Что это означает? – спросил он.

– Это Плетение, – ответил Урсо, намекая на магию, словно паутиной опутывающую и поддерживающую всю Халруаа, как и, Гнарфлинг знал это, весь остальной мир. – Или, по крайней мере, это место Аштарахха в этом Плетении.

Гнарфлинг, прищурившись, наклонился ближе. Несомненно, он различал слабые очертания деревни так же, как мог ее видеть с высоты парящий ястреб, словно вырезанные в плотно увязанном полотне, представлявшем собой джунгли. Более тонкие серебряные нити соединяли поля и здания, и крошечные светящиеся точки, казалось, мелькали по обширному пространству – необыкновенное изображение рыночной площади и людей, находящихся на ней.

Вообще-то, это была первая достаточно различимая картина, которую Гнарфлинг когда-либо видел на ткацком станке Урсо. И почему-то это его беспокоило. Так же, как и напряженное выражение на лице волшебника, когда он случайным образом перемешивал цвета в узоре, тут же поглощаемые странной, темной пустотой, которая выделяла и определяла серебристое Плетение.

Проще говоря, на ткацком станке висел небольшой, но уже готовый гобелен. Урсо внимательно изучал свое творение, а Гнарфлинг, в свою очередь, изучал Урсо.

– Ты что-то видишь, так ведь?

– Все, – снова повторил волшебник, задумчивым тоном. – Все.

Ответ был такой же, но теперь в его голосе появилась новая нотка, от которой у Гнарфлинга появилось ощущение, как будто ледяные пальчики, пробежались по его позвоночнику.

Помедлив секунду, Урсо круговым движением провел рукой над полотном. Невидимые цвета переместились, образовав лицо человека в промежутке между светящимися серебряными нитями, лицо, изображенное настолько ясно и точно, что даже лучшие из ткачей Аштарраха могли бы позавидовать.

Изображенный человек был молод и чрезвычайно худощав. Его резко очерченные, острые скулы, словно бы упирались в ложбинку между ключицами, а тонкие черные усы выглядели так же трепетно и непостоянно, как будто у него над верхней губой сидел мотылек. Его лицо было чрезвычайно бледным для халруанца и резко контрастировало с лихорадочным блеском в его черных глазах.

– Неприятности начинаются, – пробормотал Гнарфлинг. Он хорошо чувствовал беду и долго водил дружбу с волшебником, который, по своему образу мышления, определял одно и то же двумя разными словами. – Когда?

В ответ Урсо просто перевел взгляд от ткацкого станка в сторону рыночной площади.

Рынок быстро заполнялся. Приезжие купцы прогуливались по тропинкам, всматриваясь в гобелены и пробуя кусочки сыра. Стук колес прибывающих повозок по бревенчатой мостовой наполнял воздух приятным гулом. Уже две из них вынуждены были свернуть с пути, и уже долго торчали возле колесного магазина, пока заменяли их сильно разбитые колеса. Искомый молодой человек стоял рядом с одной из них, споря с подмастерьями и перемежая свои упреки слишком драматичными жестами.

Гнарфлинг вперил свой взгляд прямо в тощего юношу, и его глаза сузились, когда он уловил знакомые жесты. Вновь прибывший не был похож на торговца или ремесленника. Он был высоким и худым, на вид не старше двадцати лет, и, очевидно, больше обладал количеством денег, чем благоразумием. Он путешествовал один в дорогой крытой повозке, запряженной хорошо подобранными лошадьми. Его изможденная фигура была облачена в прекрасные одеяния темно-фиолетового цвета, и драгоценности мелькали на жестикулирующих руках. Все это будто кричало, что он «волшебник».

Даже без всех этих внешних признаков, была в новичке некая сила, которая предполагала магию, но Гнарфлинг не мог ощутить никакого намека на искусство Мистры в этом молодом человеке. Его нюх на такие вещи был таким же острым, как у любой собаки, и, более того, таким же острым, как у любого мага-гончего. Эти

инстинкты и постоянная маскировка, предоставляемая его невзрачной фигурой, помогли ему продержаться в живых более тридцати зим.

«Почему же тогда, – подумал он, – мне так беспокойно?»

– Он ищет тебя, – произнес Урсо, так спокойно и так по существу, словно его товарищ озвучил свои мысли вслух, – вот почему.

Коротышка резко вскочил на ноги, словно нечаянно сел на ежа. Это внезапное движение, казалось, привлекло внимание незнакомца. Искорка узнавания вспыхнула в его странно пылающем взгляде, и мгновение Гнарфлинг смотрел в лицо юноши, как заяц, загипнотизированный ястребом.

А дальше, молодой человек вдруг оказался прямо напротив лавки Урсо.

Гнарфлинг удивленно моргнул, и еще несколько раз, стараясь сфокусировать зрение. Он инстинктивно принюхивался, тщетно пытаясь уловить запах магии, но все, что у него получилось почувствовать, так это накопленные запахи, полученные в результате долгих дней в дороге: слабое благоухание влажного кашемира, затхлая вонь нестираной одежды и аромат духов, пахнувших опаснейшими травами и запахом надвигающейся грозы – запах, безусловно, был призван замаскировать другие, более земные запахи.

– Я – Мастер Ландиш, – величественно объявил молодой человек.

Гнарфлинг осмелел и сложил свои короткие руки на груди.

– Рад за тебя. Но у меня нет никаких дел с чудаками или бездарями. Ты хочешь, чтобы я поспрашивал, может тут есть кто, занимающийся этим?

Ярость в чистом виде возрастала в напряженном взгляде человека, ярость, граничащая с желанием жестоко оскорбить.

– Ты уверен, что у тебя нет никаких дел со мной? – многозначительно произнес он. – Абсолютно уверен? Скажи-ка мне, *джордайн*, кто я?

Гнарфлинг почувствовал, как паника овладевает им, однако быстро справился с собой. Конечно же, это открытие не было чем-то новым для Урсо Всевидящего, ведь не было никого настолько близкого к нему, чем волшебник, давно уже знавший проклятую тайну.

– Кто ты такой? – презрительно отозвался он. – Бычья задница, я полагаю.

Глаза мужчины сузились.

– Чудаки и бездари, – повторил он сказанное Гнарфлингом ранее. – Станный выбор слов для того, кто желает казаться беспомощным.

Гнарфлинг пристально всмотрелся в него, затем его плечи поднялись и медленно опустились, обозначив глубокий вздох.

– Ты маг-гончий, – произнес он с отвращением. – Но, даже медлительный и глупый пес иногда натывается на гнездо ворикоча.

– У джордаинов есть пословица, – самодовольно сказал Ландиш, явно наслаждаясь собой. – Всегда внимательно следи за тем, что говоришь.

– Ты ничем не сможешь навредить мне сейчас. Маг-гончий, – повторил Гнарфлинг с отвращением.

– Нет, – заявил Урсо.

В одном единственном слове прозвучала убежденность, отвергавшая всякие другие варианты развития этой ситуации. Гнарфлинг озадаченно посмотрел на

волшебника, с удивлением обнаруживая в обычно отсутствующем, спокойном взгляде старика, закипающий гнев.

– Мирабелла, – угрюмо произнес Урсо.

Сердце, словно дельфин, будто бы выпрыгнуло из груди коротышки. Мирабелла – это женщина, некогда спасшая отверженного ребенка-джордайна, чахлый вид которого посчитали непригодным для жесткой физической подготовки воинов-ученых Халруаа. Но в разуме младенца не было никаких изъянов, и мягкосердечная акушерка, которой поручили уничтожить его, знала много способов дать ему немного джордайнской подготовки, и ее было достаточно для того, чтобы держаться все время настороже и остаться живым – по крайней мере, до сих пор.

Глаза Ландиша обратились на волшебника, и мгновение он выглядел глубоко обеспокоенным. Но затем его лицо прояснилось.

– Ах, я полагаю, предсказатель. Ты видишь результат моей работы, если не саму работу.

– Твоя работа? Что ты сделал с Мирабеллой? – взревел Гнарфлинг.

Он бросился вперед, его коротенькие руки вцепились, словно пара гончих, в тощее горло мужчины.

Но потом он замер, побледнев от потрясения, увидев, как проказа покрыла его короткие пальцы. Пока он обескураженно смотрел на них, мизинец на левой руке переместился в сторону, затем полностью отвалился и упал на грязную землю.

– Что же, – лаконично сказал Ландиш. – Ее долго никто не хватится. Так же, как и тебя.

– Мирабелла еще не умерла, – сказал Урсо, поднявшись на ноги. – Она может и не умереть вовсе. Старая рябая курица, уже предназначенная для супа, собирается впервые снести яйцо в последнюю ночь новолуния. Если она снесет его в курятнике, Мирабелла умрет. Если же курица отправится во двор, прирученная охотниками пустельга увидит ее и налетит. Это привлечет внимание, проезжающего мимо, охотничьего отряда. Они последуют за своим ястребом и обнаружат Мирабеллу. Предводитель охотников ужасно боится чумы. Если он первым увидит женщину, то в панике сбежит, и остальные последуют за ним, так и не узнав, что он там увидел. Но если его лошадь потеряет подкову – ведь в ней уже расшатался один гвоздь и не сегодня-завтра, в любое время, подкова может отвалиться, – то его дочь, зеленый маг, будет первой, кто найдет Мирабеллу. Она сможет сделать отвар из трав и произнести заклинание, которые вылечат женщину. Травы произрастают возле хижины Мирабеллы. Она сможет их найти, но при условии, что...

– Довольно! – взвыл Ландиш, его темные глаза широко открылись на слишком бледном лице. – Что это за безумец?

– Да, он сошел с ума, это наверняка правда, – отозвался Гнарфлинг, указывая прокаженным пальцем на Урсо, – что не мешает ему правильно предугадывать события. Его способ предсказания будущего похож на бросание большого огненного шара – цель можно обнаружить где-то в большой дымящейся дыре. Если кто-нибудь вообще захочет ее искать.

Урсо повернул ткацкий станок, показав плетение и образы, изображенные на нем. Лицо Ландиша все еще никуда не пропало, но появились маленькая уютная

хижина, в которой было полно рябых кур, и пожилая женщина, лежащая во дворе лицом вниз. Сдавленный стон вырвался из Гнарфлинга.

– Ты назвал себя Мастер, – обратился Урсо к Ландишу, – так оно и есть. Ты Мастер Тени, хотя это и не известно твоему хозяину, некроманту Хсарду Ималтеру. Ты намерен свергнуть и уничтожить своего хозяина, но не уверен, что твое растущее могущество достаточно сильно, чтобы одержать победу. Желая испытать свою защиту, ты помолился богине тени и тайн, темной Шар, и она привела тебя к скрывающемуся джордаину. Ты хотел узнать, сможет ли джордаин узреть твою истинную сущность, и ты предполагал, что от моего друга стоит ожидать небольшую проблему. Ведь очевидно, что он может ощущать магию в других, иначе как объяснить его способность избегать магов-гончих все эти долгие годы? Но, что он мог сделать, даже если бы разглядел в тебе то, что ты тщательно скрываешь? Он все равно не смог бы обвинить тебя, не обнаруживая себя.

Бледное лицо молодого человека приобрело пепельно-серый оттенок.

– Это невозможно. Никто не мог этого знать!

– Все называют его – Урсо Всевидящий, – заметил Гнарфлинг.

Ландиш принялся расхаживать взад-вперед.

– Да, я слышал это имя, – пробормотал он, как бы про себя. – Волшебник, который видит много возможных вариантов развития любых ситуаций, но не может понять, где истинный. Почти обезумев от сковавшего его проклятия, он начинает жизнь отшельника. Знать все, видеть любые возможности – это же просто поразительно!

Гнарфлинг начал понимать, куда он клонит. Он встречал таких волшебников раньше, которые считали, что они являются исключением из всех правил, магических или любых других.

Мастер Тени остановился перед Урсо и пристально всмотрелся в лицо старого волшебника.

– Ты можешь видеть все возможные ситуации, в том числе те, которые влияют на практикующую магию. Это же отличный дар, мой друг!

– Дар или проклятие? – тихо возразил Урсо. – Трудно сказать.

Ландиш энергично замотал головой.

– Халруаа славится своей магией, но мало кто знает о теневом плетении. Мы, благословенные Шар, держим все в тайне.

– Но по мере того, как ваша сила растет, уменьшается способность воспринимать магию Мистры, – заключил Урсо. – Может быть вы и скрыты от волшебников, но их пути, почти в равной мере, скрыты от вас.

– Ты уловил самую суть, – одобрительно кивнул молодой Мастер. – Ясно, что ты не желаешь этого дара и – поверь мне, – у тебя недостаточно могущества, чтобы владеть им. Для тебя он стал обузой, которую я с радостью принял бы от тебя.

– Немного знаний, – предостерег Урсо, – это замечательная вещь.

Ландиш издал сардонический смешок и отмахнулся от этого высказывания своей тощей рукой.

– Давай заключим сделку: взамен я дам тебе травы, с помощью которых ты вылечишь своего друга-коротышку и сердобольную даму, которая его воспитала.

– Никакой сделки, – сурово произнес Гнарфлинг. – Урсо уже знает, какие нужны травы, и найдет их сам, никакой помощи от тебя не нужно.

– Конечно, он может их найти, и, конечно, он сможет вылечить тебя и старушку – справедливо и то, и это, – усмехнулся Мастер. – Но может быть все совсем по-другому – или только то, или только это. Сосчитай пальцы на руках – сколько их осталось? Ты хочешь доверить свою жизнь и жизнь женщины полоумному старому волшебнику и капризам судьбы?

– Тот же вопрос и тебе, – коротышка сложил руки на груди. – Этот полоумный старый волшебник может просто убить тебя и покончить со всем этим.

– Нет, – самодовольно ответил Ландиш, – он не сможет.

Волшебник на мгновение задумался над этим утверждением, а затем мрачно кивнул.

– Вот видишь? Эта дискуссия лишь простая формальность. Я мог бы просто забрать силу у этого человека. Он знает об этом, и знает, как я могу это сделать. Было бы гораздо легче, и гораздо приятнее, если он отдаст мне ее сам.

– Магический поединок, – предложил Урсо. – Перенеси нас троих во двор Мирабеллы, где мы с тобой будем сражаться за право называться Всевидящим.

– Принято! – радостно воскликнул Мастер.

Он обошел лавку волшебника и создал овальный портал, мрачно сияющий фиолетово-черным светом. Он сделал насмешливый жест, приглашая других войти в него первыми.

Пройдя через портал, Гнарфлинг сразу же бросился вперед. Добравшись до своей приемной матери, он опустился на колени и осторожно перевернул ее, чувствуя, что его руки стали какими-то странно оцепеневшими. Тут же он отшатнулся от ужаса и горя, увидев, что заклинание Мастера сделало с ее лицом. Подняв одну руку, он отвел волосы старухи от ее глаз, при этом скривившись от вида собственной руки. Он выглядел не намного лучше.

Он вгляделся в центр двора. Находящиеся там волшебники стояли друг против друга, у каждого на лице застыло выражение глубокой концентрации, пока они настраивали свою конкурирующую магию друг на друга.

Лукавая улыбка отразилась на лице Гнарфлинга, когда он понял хитрость Урсо: Мастер Тени не имел бы большой власти здесь, на арене магического поединка.

Об этом говорило ошеломленное выражение, отразившееся на лице Мастера, когда он рискнул заглянуть в запутанное сознание старого волшебника. Его глаза начали лихорадочно метаться, как будто выслеживая пути отхода сотен разбежавшихся сусликов.

С видимым усилием овладев собой, Ландиш сказал:

– Как ты сам уже говорил, я ученик могущественного некроманта. И мне все еще достаточно магии Мистры, чтобы победить тебя, старик. Конечно же, ты предвидишь это.

– Существует такая возможность, – признал Урсо, – но лишь одна из многих других.

Молодой маг фыркнул.

– Площадь двора лишь пятьдесят шагов во все стороны, мне бы хотелось, чтобы она была побольше, но чем меньше арена, тем быстрее моя победа.

– Как хочешь, – Урсо слегка улыбнулся. – И, как исключение из правил, ты можешь захватить с собой на арену свой камень заклинаний.

Он не сказал, что этот человек намеревался сделать именно это, но смысл все равно был очевиден. Лицо Ландиша покраснело от этого неожиданного упрека, он развернулся и последовал к краю своей части арены. Урсо сделал то же самое. Вокруг них начал формироваться полупрозрачный, слабо светящийся красный куб, растущий во все стороны по мере того, как они отдалялись друг от друга.

– Просто позволь ему отнять ее у тебя, и покончим с этим, – пробормотал Гнарфлинг. – Это будет правильно и справедливо.

Ландиш пробормотал слова заклинания. Перед ним из земли вырвалось блестящее золотое пламя, яркие искры которого немедленно превращались в насекомых – смертоносных магических комаров, от чьих прикосновений образовывались волдыри, и от их укусов загоралась живая плоть.

Тусклый синий туман окружил старого волшебника, когда рой светящихся насекомых начал кружиться над ним. Натыкаясь на защитное поле, они, с резким шипением, вспыхивали и тут же прекращали свое существование.

Земля задрожала, когда невидимые пальцы некромантской магии проникли глубоко в почву. Поляна всколыхнулась, и мелкие клочья грязи и дерна взметнулись вверх, когда кости давно умерших начали пробиваться к свету. Старый волшебник ответил быстрым жестом, затем резко хлопнул в ладоши. Оглушительный грохот разнесся по поляне, и старые кости развеялись в пыль.

Битва разгоралась, и каждое заклинание Ландиша предугадывалось и что-то всегда противопоставлялось в ответ. Тонкое, волчье лицо молодого мага исказилось от ярости, и он швырнул свои оставшиеся заклинания одно за другим, настолько быстро, что его заклинание и каждое встречное заклинание, казалось, следовали друг за другом так же стремительно, как будто они сражались на мечах.

Гнарфлинг был так поглощен битвой, что сначала даже не заметил светящегося камня в руке Мастера Тени. Большой аметист, сиял фиолетовым, с каждым ответным заклинанием Урсо, становясь ярче и сильнее.

– Камень Заклинаний, – пробормотал он, проклиная Ландиша за его трусость и обман.

Свет усилился, заполнив всю арену, и излился на поляну. Наконец Урсо рухнул, упав на одно колено, и долго, прерывисто вдыхая. Как и обещал Ландиш, процесс отбора у него магии не был легким и безболезненным.

Мастер Тени, торжествуя, стоял в жутком свете. В высоко поднятой руке он сжимал светящийся камень, а в его глазах сияла яркая, многогранная мечта о предстоящем будущем.

Гнарфлинг осторожно выпустил Мирабеллу из своих объятий и метнулся помочь старому волшебнику, который медленно, преодолевая боль, старался подняться на ноги.

– Ты должен был бросить этот бой, – проворчал он.

– И добровольно передать это проклятие другому, даже такому человеку? – Урсо отрицательно покачал головой.

– Ты знал, что он выиграет.

– Была такая возможность. Но лишь одна из многих.

С помощью Гнарфлинга волшебник направился к Мирабелле. Через мгновение он помотал головой.

– Ей нужна более осязаемая помощь, чем я могу дать.

Коротышка присел на корточки и вспомнил ту запутанную историю, которую поведал им Урсо.

– Справедливо и то, и это, – задумчиво пробормотал он.

Резко вскочив на ноги, он поспешил к курятнику и с громким шумом выбил дверь. Полдюжины кур, протестуя кудахча, разбежались от него в разные стороны. Одна старая клуша поспешила в сторону луга. Ландиш издал вопль протеста, словно мачете, прорезавший поляну. Еще не подняв глаза вверх, Гнарфлинг уже знал, что увидит.

Небольшой ястреб кружил под облаками. Через мгновение он начал стремительно снижаться, вероятно, привлеченный жирной, медлительной добычей внизу.

Раздававшийся вдалеке грохот копыт стал оглушительным, когда охотничий отряд вырвался из леса на старую бревенчатую мостовую. Гнарфлинг удивленно моргнул от численности, окружающей его, свиты: по крайней мере, шесть волшебников, плюс оруженосцы, а также юная молодая девушка в простой тунике и узких штанах. Она была зеленым магом.

Увидев старушку, она тихо вскрикнула. Стрела молнии, шипя, полетела в ее сторону – и была остановлена совсем недалеко от цели ответной стрелой, выпущенной одним из, сидящих на конях, волшебников. Все они пришпорили своих лошадей и направили их к Ландишу. Спешившись, они стали окружать молодого мага.

– Ты не упомянул тогда о других волшебниках, – заметил Гнарфлинг.

Урсо слегка улыбнулся.

– Знание – это не совсем то же самое, что мудрость. Мудрость в том, что не всегда есть необходимость говорить обо всем, что ты знаешь.

Но у Ландиша еще не было такой мудрости. Он быстро продвинулся навстречу окружающим его, сжав в кулак руку, на которой сияло кольцо поглощения магии, втянувшее в себя первое заклинание, брошенное в него.

– Первое из многих, – произнес Урсо. Он вздохнул и отвернулся.

– Что произойдет дальше? – спросил Гнарфлинг. Расслышав собственные слова, он поморщился. – Извини. Старая привычка.

– Исключительно то, что и должно произойти, – ответил волшебник. – Способность распознавать несколько возможных вариантов не дает соответствующей возможности избежать их.

Гнарфлинг кивнул и злобно улыбнулся. Когда несколько искусных магов выступают против одного, возможен лишь единственный вариант будущего Мастера Тени – полная и грязная его кончина.

Последовавшая затем битва была быстрой, но достаточно жестокой для того, чтобы оправдать все ожидания Гнарфлинга. Когда все закончилось, и от Мастера Ландиша остался лишь дымящийся жирный круг на развороченной поляне, зеленая волшебница подошла к Гнарфлингу и взяла его руки в свои.

– Те же самые ужасные раны, – пробормотала она, нахмурившись. – Это заклинание некроманта, но я не видела такого раньше.

– Ты не Сюззи Индоулар, племянница лорда Баселя из Халара? – спросил Урсо. Ее глаза расширились, и она кивнула. – О тебе говорят, как о способном зеленом маге, но я не слышал, что ты обучаешься у священников Азута?

– Слухи быстро перемещаются в этом лесу, – осторожно ответила она.

– Травяные зелья и молитвенные заклинания Констандии могут оказаться достаточно эффективными от проказы, – предположил Урсо. – Даже начинающая жрица может воспользоваться такими заклинаниями. Мне кажется, я видел кое-какие дикие растения, пригодные для зелий, прямо у дороги. Могу ли я сорвать их немного для тебя?

Немного подумав, она кивнула и принялась за работу. Короче говоря, через некоторое время Мирабелла уже комфортно сидела попивая дымящийся травяной настой, пока зеленый маг мягко разглаживала лекарственную мазь по лицу старухи, а Гнарфлинг ухмылялся, словно горгулья, сгибая и разгибая свои десять новых розовых пальцев, которые были более длинными и более ловкими, чем даже перед заклинанием Ландиша, благодаря исцеляющей помощи Сюззи.

– Я могу сделать побольше мази и для твоих ног, если хочешь, – предложила она. Увидев его ошеломленное лицо, она поспешно добавила: – я не хотела тебя обидеть. Я просто подумала, что ты хочешь, чтобы твои ноги соответствовали всему остальному. Все остальное мне кажется прекрасным. То есть, у тебя красивое лицо и тело... Впрочем, я хотела сказать... – Она умолкла во второй раз, плотно сжав губы, ее лицо стало ярко-пунцовым.

Ее смущение предполагало многие другие возможности, еще более удивительные, чем даже перспектива выглядеть как все нормальные люди.

– Сейчас, мне не повредил бы даже укус клеща, – ответил он небрежно. – Благодарю за предложение.

Зеленая волшебница послала ему робкую улыбку и взялась за деревянную миску и пестик. Затем она переложила готовую мазь в маленький горшочек и указала на замысловатую руну, вырезанную в обожженной глине.

– Это моя фамильная печать. Проведи по ней пальцем и повтори слова, которые я тебе сейчас скажу, это перенесет тебя в наше поместье близ Халара. Я хотела бы увидеть тебя снова, чтобы убедиться, что лечение идет хорошо.

– А, если они останутся такими же? – спросил Гнарфлинг, указав на свои уродливые конечности.

На лице зеленой волшебницы промелькнула мягкая улыбка.

– Даже тогда.

Она произнесла короткое необычное слово, и Гнарфлинг повторил его. Удовлетворившись его произношением, она поднялась одним быстрым, удивительно изящным движением и шагнула к группе, нетерпеливо ждущих ее, волшебников. Оруженосец ее отца протянул ей пустельгу, и она привязала путами маленького ястреба к луке седла. Они уехали, не оглядываясь назад, грохот копыт их лошадей долго раздавался по бревенчатой мостовой.

Гнарфлинг смотрел, как они удалялись, и впервые его будущее представлялось ему ярким и с разными возможностями. Он повернулся к своему компаньону-волшебнику.

Сила привычки побудила его спросить:

– Что дальше?

Урсо ответил умиротворенной улыбкой.

– Разве это не чудесно? Я понятия не имею.

ВЕРХОМ НА ВЕТРЕ

Филипп Этанс

7 Альтуриака, Год Дикой магии ЛД

Верхом-на-Ветре прижал крылья к телу и почувствовал, как его пикирование ускоряется. Странная лодка под ним быстро росла по мере того, как он падал к ней. Он чувствовал На-Вершине-Неба рядом с собой и мог чувствовать прохладный порыв воздуха от его собственного пробуждения к другому кенку. К его чести, На-Вершине хорошо скакал по ветрам. Его погружение было плотным и быстрым – почти таким же плотным и быстрым, как у Верхом-на-Ветре. Он сосредоточился на людях в летающей лодке, и его зрение сузилось. Первый шквал стрел, выпущенных братом кенку Верхом-на-Ветре, пронесся среди солдат. Стрелы рикошетом отскакивали от сверкающих золотых доспехов солдат, щелкая и бесполезно отскакивая прочь, не причинив вреда ни одному из испуганных людей. Верхом-на-Ветре крепче сжал ятаган и продолжил быстрое погружение. Стрелы, выпущенные тремя лучниками кенку, в любом случае предназначались для отвлечения внимания, но Верхом-на-Ветре был разочарован и обеспокоен тем, что ни одна из них не нашла цели. Двое солдат посмотрели с правого борта летающей лодки и одновременно указали в сторону лучников кенку. Верхом-на-Ветре рискнул взглянуть в ту сторону и увидел, как лучники — Обнимающий-Облака, Кружащийся-на-Высоте и Над-Всем-Этим — распушили крылья, чтобы замедлиться и сместиться вправо и вниз. Наблюдая за этим, Верхом-на-Ветре бормотал древние слова, передаваемые от вождя к вождю за всю историю Клана Парящих Высот. Краем глаза он видел, как На-Вершине-Неба отодвинулась от него, зная достаточно хорошо, что нужно дать ему немного места. В воздухе вокруг Верхом-на-Ветре появился сначала один, потом второй, потом третий и четвертый такой же кенку. Изображения повторяли каждое его движение, скользя по воздуху вокруг него в кружащемся танце, который гарантированно сбивал с толку любого противника. Возможно, из-за внезапного появления образов или, может быть, благодаря хорошей выучке, один из солдат, наконец, поднял голову. Верхом-на-Ветре всегда было трудно отличить одного человека от другого, но эти шесть человек были почти так же похожи, как магически образы, вызванные Верхом-на-Ветре. У солдата, который поднял голову, были такие же коротко подстриженные черные волосы, как и у остальных пятерых. Но глаза у него были ярко-зеленые. Верхом-на-Ветре ожидал, что глаза человека выпучатся от

удивления или даже страха. Он ожидал, что у него возникнет какая-то реакция на вид шестерых кенку, пикирующих ему на голову, но ничего не произошло. Человек с зелеными глазами обратил на них внимание и вытащил свой черный меч. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, и занес меч, чтобы ударить, но На-Вершине-Неба был уже рядом. Кенку почувствовал, как его клинок снес человеку голову, вызвав красный фонтан, когда Верхом со свистом пронесся мимо и вниз. Волшебные образы следовали за Верхом-на-Ветре вдоль борта летающей лодки. Образ появился в пределах досягаемости одного из солдат в золотых доспехах, который, даже не глядя, размахистой рубанул назад и попал иллюзии под правое крыло. Если бы это действительно был Верхом-на-Ветре, удар бы выпотрошил его. Вместо этого образ безболезненно вспыхнул зеленым и исчез. В то же самое время На-Вершине-Неба крутанул свой резной деревянный посох под крылом и ударил в бок солдата с кривыми зубами — по крайней мере, попытался. Солдат с кривыми зубами сделал быстрый шаг назад и выставил широкое, тяжелое лезвие своего черного меча перед размытым пятном вращающегося посоха. Посох был аккуратно разрезан надвое. На-Вершине-Неба последовал за Верхом-на-Ветре вниз и под лодку с пронзительным криком разочарования. Кенку — Верхом-на-Ветре, три оставшихся образа и На-Вершине-Неба — расправили крылья и наклонили их, чтобы скользнуть под лодку и начать мягкую дугу к другой стороне. Они были такими же высокими и почти такими же тяжелыми, как люди, с которыми они сражались, но они были птицами. Верхом-на-Ветре открыл клюв, чтобы попробовать сухой воздух над горящими пустошами Анороха, и почувствовал, что где-то вдалеке назревает буря. Облака были над горами и останутся там.

«Их нужно притянуть туда», — подумал Верхом-на-Ветре, обращаясь к своему спутнику.

«К горам», — На-Вершине-Неба откликнулся прямо в разуме Верхом-на-Ветре. — *«К шторму, да?»*

«Тащи их туда», — велел ему Верхом-на-Ветре. Солдат с кривыми зубами выглянул за борт лодки как раз вовремя, чтобы встретить последних двоих из семи кенку. Несомый-Сквозняками и Парящий-в-Воздухе поднимались снизу почти так же быстро, как Верхом-на-Ветре и На-Вершине-Неба спускались. Ятаган Парящего-в-Воздухе был прямо перед ним, и, хотя Верхом-на-Ветре был уверен, что его друг целится солдату в лицо, кончик ятагана с силой вонзился ему в грудь. Человек с кривыми зубами тяжело упал в лодку.

Когда Верхом-на-Ветре поднялся с противоположного борта летающей лодки, он увидел его распростертым на спине на дне странного судна. Человек тяжело дышал, но уже начал вставать. Клинок Парящего-в-Воздухе не смог пробить богато украшенную золотую броню.

Верхом-на-Ветре обратил свое внимание на человека, который уничтожил один из его образов.

Опять же, этот человек выглядел как копия других, но он держал свой черный меч в гротескно волосатых руках, руках, похожих на руки обезьяны — впрочем, разве ей он и не был? Верхом-на-Ветре и три его магических образа, танцующие вокруг и сквозь него, налетели на лодку. Человек с волосатыми руками попытался последовать за ними. Его челюсти были плотно сжаты, а глаза сузились. Он,

очевидно, пытался понять, кто был реальным Верхов-на-Ветре, но ему не везло. Он видел, как один из образов растворился в воздухе, и, похоже, не хотел, чтобы его снова одурачили. Ятаган Верхов-на-Ветре зазвенел о черный меч человека, и удар послал вибрацию по мощной руке кенку, сотрясая череп гуманоидной птицы и на мгновение затуманивая его острое зрение. Ворчание человека заставило Верхов-на-Ветре подумать, что он чувствовал то же самое. Один из образов прошел перед Верхов на Ветру, а другой прошел сквозь него. Верхов-на-Ветре повернул одно крыло вниз, чтобы выйти за пределы досягаемости клинка человека с волосатыми руками.

Кенку изображал атакующие движения, чтобы перемещались и образы. Человек отступил назад, все еще пытаясь понять, кто из кенку настоящий, а кто иллюзия. Верхов-на-Ветре потребовалась секунда, чтобы осмотреть других солдат и увидеть, как один из них, с блестящим медным кольцом, вытащил что-то маленькое из поясного мешочка. На-Вершине-Неба и Парящий-в-Воздухе пикировали, чтобы вступить в бой с другими солдатами, и готовились ко второму заходу. По какой-то причине Верхов-на-Ветре понял, что никто из людей не разговаривает. Опыт общения с людьми у Верхов-на-Ветре был ограничен, но он помнил, что они много кричали и разговаривали.

На-Вершине-Неба с посохом в обеих руках издал боевой клич и развернулся лицом к лодке. Человек с медным кольцом швырнул то, что достал из поясной сумки, в На-Вершине-Неба и Парящего-в-Воздухе. Верхов-на-Ветре издал сухой смешок, поняв, что это маленький камешек.

Человек бросал в них камни. На-Вершине-Неба легко увернулся от брошенного камня, Верхов-на-Ветре передал мысль:

«Осторожно, На-Вершине-Неба, они швыряют камни в...»

Сначала вспышка была белой, за ней быстро последовала бурлящая масса оранжевого сияния. Свет ослепил Верхов-на-Ветре и заставил его закрыть глаза. Он услышал крик На-Вершине-Неба и Парящего-в-Воздухе и почувствовал волну мысли от них — начало их предсмертного пожелания. Это было их прощание с Кланом Парящих Высот. Оранжевое пламя распалось в воздухе, обнажив почерневшие фигуры На-Вершине-Неба и Парящего-в-Воздухе. Перья исчезли с их крыльев, и они бессильно упали замертво. Стальной ятаган На-Вершине-Неба кружился, падая следом за телами. Верхов-на-Ветре прибыл с шестью закаленными воинами Клана Парящих Высот, клана, который называл его вождем, чтобы сразиться с шестью людьми.

Один из людей был мертв, но теперь Верхов-на-Ветре потерял двоих своих. Человек с волосатыми руками прорычал что-то на своем непонятном человеческом языке, и Верхов-на-Ветре, увидел, что еще один из его заколдованных образов исчез.

* * * * *

Примерно семнадцать столетий назад кенку, которые однажды сформируют Клан Парящих Высот, были недисциплинированной, варварской расой, которая жила высоко в Колоннах Неба и охотилась в Миконидском лесу к северу от Анклава

Шейд. Кенку иногда изводили жителей города Конч, который располагался на восточных склонах Колонн Неба.

Они не могли говорить. У них не было письменности, и их манеры были больше похожи на птиц, чем на людей, у которых они воровали. Они освоили огонь и вырезали грубые орудия из сланца и дерева. Как ни странно, они были лишены религии и суеверий. У них не было ни мифологии, ни философии. Они не боялись ни богов, ни смертных.

Каэралонн Юрнейль был полон решимости положить этому конец. Его называли «генерал», хотя это звание было скорее церемониальным, чем настоящим воинским званием. Люди, которыми он командовал, были наемными убийцами, разведчиками — теми солдатами, которые шли либо первыми, либо последними, но никогда не в середине и никогда — большим числом. Не все они были людьми. Каэралонн набирал своих бойцов из любой расы или вида, наиболее подходящего для данной миссии. Он использовал все — от огромных, могущественных и безмозглых големов до непостоянных и коварных духов. К кенку привлек его внимание фермер, который продавал ячмень Анклаву Шейд и следил за деревней Конч для Двенадцати Принцев. Каэралонн хорошо заплатил фермеру за мертвого кенку, затем стер его память и принялся изучать людей-птиц в мельчайших подробностях.

«Разведчики», — думал Каэралонн. — «Из этих существ получились бы исключительные разведчики.»

Каэралонн положил мертвого кенку на лед и задумался. Он бродил по улицам Шейда, плыл по прохладному небу на *своем* личном ялике и посещал библиотеки Дома Тантул.

План сложился достаточно быстро. Это был простой план, и он уже использовал его раньше. Каэралонну было триста лет, и он почти ничего не делал быстро. Прошли месяцы, прежде чем он открыл самозамерзающий гроб и начал оттаивать мертвого кенку.

Когда человек-птица оттаял, Каэралонн вынул стрелы и запечатал раны. Он вправил сломанное крыло твари и помог отрастить несколько недостающих перьев. Когда пришло время, он привел жреца Шар, который пробормотал свои молитвы, взмахнул руками и вернул кенку к жизни. Существо выскочило из-за стола, и звук его расправленных крыльев эхом отозвался в лаборатории Каэралонна. Жрец что-то проворчал и отступил назад, но Каэралонн улыбнулся и шагнул вперед. Это был прекрасный зверь, и Каэралонн знал, что он хорошо послужит ему. Кенку дернул головой, чтобы оглядеть помещение, заставленное стеклом и инструментами. Он искоса взглянул на жреца, затем перевел взгляд на Каэралонна, который только что закончил наспех произнесенное заклинание.

«Отпусти меня», — голос, пронзительный от паники и негодования, завибрировал в сознании Каэралонна.

— Это ты? — спросил Каэралонн у кенку, а потом подумал: *«Это ведь ты, не так ли?»*

«Отпусти меня», — повторил кенку в сознании Каэралонна, теперь уже менее пронзительным и более настойчивым голосом. Каэралонн почувствовал, как

заклинание, которое он только что произнес, заполнило его собственный разум, обернувшись вокруг безмолвной речи кенку.

«Теперь ты среди друзей», — подумал Каэралонн, обращаясь к кенку. — *«Я бы хотел, чтобы ты остался.»*

— Я ухожу, — сказал жрец, почти испугав Каэралонна и определенно вызвав раздражение.

Каэралонн отмахнулся от пухлого коротышки и не стал смотреть, как тот, шаркая ногами, вышел и захлопнул за собой дверь.

«Кто ты?» — спросил кенку. Каэралонн подошел ближе к кенку и протянул ему правую

руку.

«Я — Каэралонн Юрнейл из Анклава Шейд. Я хотел бы, чтобы мы были очень близкими друзьями. Пожалуйста, назови свое имя и возьми меня за руку.»

Кенку склонил голову набок и пристально посмотрел в глаза Каэралонну.

«Я известен как Среди-Синева», — ответило существо.

«Среди-Синева» — отозвался Каэралонн. — *«Это прекрасное имя.»*

Кенку протянул оперенную руку и вложил свою сильную ладонь в руку Каэралонна.

«Хорошо», — подумал Каэралонн. — *«Ты будешь вождем среди своего народа, Среди-Синева. Твое имя будет вписано во все истории кенку, на тысячу поколений вперед-на тысячу тысяч.»*

«Лидер?» — спросил Среди-Синева, явно смущенный. — *«Вписано? Истории?»*

Каэралонн улыбнулся и ответил вслух:

— Первый среди многих ... вождь... Остальное ты узнаешь. А еще я научу тебя магии. И ты будешь учить свой народ.

«Учить», — повторил Среди-Синева. — *«Магия. Да. Ты — мой друг.»*

Каэралонн рассмеялся и отодвинулся, чтобы кенку мог сойти со стола. Раздался еще один шелест крыльев, и Среди-Синева опустил на пол, все еще на добрую голову выше Каэралонна. Человек не хотел выдавать себя, поэтому он старался не думать о словах «замороженный» и «зачарованный». Он никогда не позволял себе думать о слове «раб». Он знал, что такое кенку, и каким станет его народ — кенку скоро это выяснит.

* * * * *

Верхом-на-Ветре ударил изогнутым клинком человека в живот, но человек с волосатыми руками был достаточно быстр, чтобы отбросить тяжелый черный меч в сторону и выбить оружие кенку. *«Горы, братья»,* — послал мысль другим кенку Верхом-на-Ветре. — *«Отойдите, и пусть глупцы преследуют.»*

Верхом-на-Ветре изобразил еще один удар в верхнюю часть корпуса, и когда человек развернул свой клинок, чтобы заблокировать его, кенку плотно прижал крылья, откинулся назад и взмахнул тонкой костлявой ногой. На конце хрупкой на вид ноги торчал грозный четырехпалый коготь. Его собственный красный плащ развевался у него за спиной и на мгновение заслонил обзор Верхом-на-Ветре. Коготь

заскрежетал по золотой броне человека с высоким визгом, от которого тонкие перья на спине Ветра взметнулись.

Однако человек отступил на шаг назад, так что не смог воспользоваться необдуманной, неудачной атакой Верхов-на-Ветре.

«Под облаками, братья», — отправил мысль Верхов-на-Ветре, ударив крыльями по воздуху и выпрямившись как раз вовремя, чтобы увидеть, как человек с волосатыми руками хлестнул черным клинком в направлении его шеи.

Верхом-на-Ветре отбил его ятаганом и ухватился когтем за толстостенный планшир летающей лодки, поднимаясь вверх и уходя с пути последующей атаки человека. Один из магических образов прошел сквозь него и тоже подтянулся. Меч человека соединился с ятаганом образа. Получившийся лязг заставил смекалистого человека подозрительно прищуриться.

Вспышка зеленого и коричневого резко привлекла внимание Верхов-на-Ветре вверх. Несомый-Сквозняками промелькнул близко над его головой и быстро улетал. Оглянувшись вниз, Верхов-на-Ветре быстро и сильно ударил ятаганом по незащищенной голове человека с волосатыми руками. Два изображения последовали за ним, и человек сделал поразительно эффективную попытку заблокировать все три.

В результате он на самом деле уклонился от двух тройных ударов-включая очень реальный и очень смертельный удар Верхов-на-Ветре. Человек скользнул мечом вверх по лезвию второго образа и нашел слабое место под его левым крылом. Образ исчез, вызвав разочарованную гримасу у солдата. Двое других людей шагнули вперед, их тяжелые ботинки гулко звучали через плотное дерево летающей лодки. Верхов-на-Ветре развернулся и яростно захлопал крыльями. Оставшийся магический образ, конечно же, сделал то же самое, и в результате кенку наблюдал троих испуганных, растерянных солдат. К сожалению, путаница длилась недолго — по крайней мере, для двоих. Человек со шрамом на щеке протанцевал вперед и вонзил острие своего широкого черного меча в живот образа. Призрак исчез, оставив Верхов-на-Ветре одного на планшире с распростертыми за спиной крыльями. Человек с волосатыми руками наступал сильно и быстро, и Верхов-на-Ветре парировал одну атаку за другой, пока клинок человека, наконец, не нашел брешь, ударив кенку поперек груди. Порез был неглубоким, но кровь и перья летели, и Верхов-на-Ветре закаркал от боли.

Крик Верхов-на-Ветре превратился в более сложную вокализацию, когда он ударил когтем, который все еще не был привязан к планширу. Он резко повернулся вправо и пнул человека с волосатыми руками. Тот отскочил назад, и когти кенку безвредно вонзились в его золотые доспехи. Человек со шрамом на лице попытался воспользоваться неудачным ударом Верхов-на-Ветре и отрезать крыло кенку. Верхов-на-Ветре быстро втянул и опустил крыло, заставив противника потерять равновесие. Кенку быстро обрушил свой ятаган на спотыкающегося человека со шрамом на щеке. В то же время он ударил свободной лапой в лицо восстанавливавшего дыхание человека с волосатыми руками. Кенку схватил волосатого солдата за лицо, а ятаган глубоко вонзился в горло человека со шрамом на щеке. Хлынула кровь, и Верхов-на-Ветре высвободил силу заклинания, которое он наложил. Человек с волосатыми руками бессильно брыкался, пахло горелой

плотью. Черные волосы мужчины встали дыбом, как будто он распушил свой плюмаж в каком-то предсмертном ритуале.

Оба человека упали на палубу мертвыми. Из одного из них кровь все уменьшающимися потоками лилась на старую деревянную палубу. Человек с волосатыми руками задрожал и напрягся, его лицо почернело, а глаза закатились. Верхов-на-Ветре увидел, как человек с медным кольцом — человек, убивший На-Вершине-Неба и Парящего-в-Воздухе магическим огнем — вытащил из-за пояса еще один камень. Он отступил назад и прижался к поручням дальше вдоль лодки. Медное кольцо сверкнуло на солнце, и Верхов-на-Ветре дернулся.

Человек поднял камень, и Верхов-на-Ветре напрягся, готовясь к прыжку, но был уверен, что его разнесет на куски, сожжет, заморозит или распылит, прежде чем он сможет пересечь лодку. Рот человека скривился в непроницаемом выражении, затем его глаза закатились, а веки закрылись. Он откинулся назад, с полсекунды сидя на перилах, прежде чем перевернуться через них.

Верхом-на-Ветре открыл рот от удивления и оглянулся. Остальные кенку плыли в потоках воздуха ярдах в сорока от лодки. Верхов-на-Ветре встретился взглядом с Кружащимся-на-Высоте, который произнес заклинание.

«Спасибо тебе, брат», — послал мысль Верхов-на-Ветре. Мысли Кружащегося-на-Высоте безмолвно отозвались эхом в голове Верхов-на-Ветре: *«Ты с нами?»*

Не потрудившись ответить, Верхов-на-Ветре плотно прижал крылья к телу — солдат с кривыми зубами замахнулся на него черным мечом, но промахнулся — и опрокинулся за борт лодки. Человек с медным кольцом, все еще крепко спящий, кружился навстречу своей смерти в тысячах футов внизу. Верхов-на-Ветре падал за ним, но не очень далеко. Он закрыл глаза на мгновение, пожелал стать невидимым и исчез из поля зрения других. Это умение появилось у него некоторое время назад. Оно просто пришло к нему, само собой, в один прекрасный день.

Верхом-на-Ветре быстро летел к своим братьям, делая резкие зигзаги на случай, если у одного из солдат окажется еще один из этих опасных камней. Остальные четыре кенку уже быстро летели широким строем к далеким горам. Верхов-на-Ветре снова стал виден, как только проскользнул в голову отряда. Из шести солдат в живых остались только двое. При нормальных обстоятельствах два человека, видевшие, как убили четверых их друзей, сбежали бы или сдались. Однако Верхов-на-Ветре знал, что в первую очередь его народ вызывал у этих людей давнюю и искреннюю ненависть. Эти люди не убегут и не сдадутся. Верхов-на-Ветре был уверен, что эти солдаты последуют за ними. Впереди виднелись невысокие горы, сухие и бурые. Клан Парящих Высот был из Гор Тернбэк, выше, чем сухие скалы впереди. Они веками избегали контактов с людьми и охотились в близлежащем Замерзшем Лесу. Теперь старый враг вернулся — нетерильские солдаты в летающей лодке.

Верхом-на-Ветре оглянулся и увидел, как двое солдат разворачивают лодку. Судно развернулось, и они последовали за кенку. Верхов-на-Ветре издал рев вызова, который перешел в удовлетворенный птичий смех.

Среди-Синева начинал понимать человеческий язык. Он был со своим новым другом Каэралонном в течение года и за это время привел десятки кенку в Анклав Шейд — огромный летающий город впечатляющих архимагов. Каэралонн был его другом и многому его научил, но были вещи, которые заставляли гордого кенку задуматься. Они снова оказались в комнате-клетке. За последние несколько месяцев Среди-Синева побывал там четыре раза. Он был здесь только для того, чтобы наблюдать, и все. В первый раз, когда его привезли сюда, Среди-Синева не мог понять, что видит. Во второй раз он нервничал, и Каэралонну пришлось говорить с ним ласковым тоном, чтобы успокоить. В третий раз он начал понимать, что делает Каэралонн. В четвертый раз он почувствовал себя ... обиженным ... растерянным ... несчастным.

— Они могут просто вылететь через потолок, — сказал старик, махнув рукой на клетку с открытой крышей.

Каэралонн пожал плечами и сказал:

— Они попытаются.

Старик был гостем, и Среди-Синева понял, что Каэралонна беспокоит мнение незнакомца. Среди-Синева никогда не видел, чтобы его доверенный друг-человек был так озабочен мнением другого.

— Значит, вы сами придумали этот... протокол? — спросил старик. Среди-Синева чувствовал его подозрения и сомнения.

Каэралонн пожал плечами и сказал:

— В литературе упомянуты некоторые прецеденты, но лучше изменять там, где это уместно для подопытных.

Среди-Синева было непонятно, о чем говорят люди. Разговорный язык все еще был неудобен для него, и некоторые из слов, которые они использовали, были слишком сложными для понимания кенку. Каэралонн махнул молодому помощнику, который потянул за рычаг, открывающий стальную дверь в стене клетки. Подозрительно подергиваясь, четверо голых кенку прошли через дверной проем в клетку. Дверь захлопнулась за ними, напугав их, и они разбежались по углам.

Один из них почти сразу поднял голову и увидел дыру в потолке. У Среди-Синева мелькнула мысль, что пленник кенку взлетит через отверстие на свободу, но он видел, как это происходило, слишком много раз. Хотя он знал, что Каэралонн радуется, когда кенку откликается на его учение, у Среди-Синева было тайное разочарование, когда кенку забился в угол.

— Они останутся в клетке? — спросил старик.

— Они все пытались улететь в то или иное время, — объяснил Каэралонн. — Каждый раз, когда кто-то пытается это сделать, все четверо подвергаются низкоуровневой магии электричества, которую они находят самой неприятной. В конце концов они перестают пытаться пробиться.

— Как долго длится этот дорогостоящий и утомительный процесс? — спросил старик, потирая подбородок и глядя на пойманного в ловушку кенку так, что Среди-Синева стало не по себе, несмотря на то, что это был друг Каэралонна. Каэралонн пожал плечами.

— Некоторые более настойчивы, чем другие, но я думаю, что эта группа готова двигаться дальше, — сказал он, затем повернулся к помощнику. — Впустите нового подопытного.

Помощник кивнул и открыл вторую стальную дверь в клетке. Молодой самец кенку ворвался в проем с вызывающим криком, который заставил сердце Среди-Синева подпрыгнуть в ответ. Сильный молодой кенку схватился за прутья клетки обеими когтями и яростно потряс их крыльями. Клетка выдержала, и в конце концов жизнерадостный молодой самец поднял голову. Когда он увидел отверстие в крыше, то подпрыгнул в воздух — и все четверо других кенку прыгнули на него. Когти рвались, крылья бились, и вскоре молодой самец был подавлен, крепко прижат к полу визжащими, перепуганными кенку. Среди-Синевы слышались мысленные крики атакующих кенку, какофония отдельных слов, лишенных сложности и тонкости человеческого языка Каэралонна.

Боль.

Стой.

Нет.

Боль.

— Поразительно, — сказал старик.

Каэралонн улыбнулся и сказал:

— Они учатся медленно, но учатся.

Старик провел рукой по клочковатым остаткам своих седых волос и сказал:

— Но вы держали молнию наготове на всякий случай.

Каэралонн рассмеялся.

— Нет, — ответил он. — В этом нет необходимости. Не сейчас. Теперь они будут сами себе тюремщиками.

Старик кивнул, а Среди-Синевы беззвучно заплакал.

* * * * *

Верхом-на-Ветре все еще висел в воздухе, когда обернулся, чтобы посмотреть на летающую лодку. В живых осталось только два солдата, один с кривыми зубами, а другой с проседью в черных волосах. Они быстро следовали за ним.

«Держите их на хвостах, братья», — сказал Верхом-на-Ветре четверем выжившим кенку, — «но не слишком близко».

Впереди над зазубренными вершинами скалистых гор клубились глубокие серые облака — отличное место для целей Верхом-на-Ветре. Солдаты следовали за ними, и хотя они понесли потери, у Верхом-на-Ветре были основания для оптимизма. Оставалось только ждать появления Врага. Верхом-на-Ветре он был уверен, что тот покажется. Он должен был.

Туман, возникший перед ними в сверхъестественной вспышке желто-зеленого цвета, встопорщил перья Верхом-на-Ветре. Пахло ядом и грязной магией. Верхом-на-Ветре опустил передние края крыльев и крепко втянул когтистые лапы. Его голова опустилась, и остальная часть тела последовала за ним в сосредоточенном, быстром погружении. Он пронесся мимо передней части колдовского облака и повернулся в воздухе, чтобы увидеть, как оно проходит над ним. Несомый-Сквозняками и

Обнимающий-Облака проносились мимо него, достаточно умные и проворные, чтобы даже кончики их крыльев не прорезали туман. Кружащегося-на-Высоте и Над-Всем-Этим нигде не было видно. Обнимающие Облака пронзительно закричали, предупреждая.

«Где они?» — спросил Верхов-на-Ветре у своих товарищей.

«Они не могли вовремя развернуться» — начал Несомый-Сквозняками замолчал, когда Обнимающий-Облака снова пронзительно кричал.

Кружащийся-на-Высоте и Над-Всем-Этим, гордые воины кенку, падали из облака, оставляя за собой тошнотворный туман и пожухнувшие перья. Даже издали Верхов-на-Ветре чувствовал, что они мертвы, и знал, что его инстинкты не обманули, когда он избежал странного тумана.

«Крепитесь, братья», — послал мысль Верхов-на-Ветре.

Ответом было чувство без слов: Несомый-Сквозняками и Обнимающий-Облака полетят с ним, чтобы уничтожить врага. Верхов-на-Ветре никогда не ждал бы иного. Верхов-на-Ветре обогнул облако и развернулся лицом к летающей лодке. У него перехватило дыхание, когда он увидел третьего человека. Он был высоким и гибким, молодым, но не юным, закутанным в неудобные одежды человеческих магов. Его руки были сложены перед собой, а глаза сверкали повелительным огнем. Его лицо было маской из рваных шрамов. Оба солдата повернулись к нему лицом, и Верхов-на-Ветре видели, как шевелятся губы новоприбывшего. Он отдавал им приказы, и они внимательно слушали. Этот новый человек был Врагом, поработителем, генералом.

Юрнейль.

«Он пришел, братья», — сообщил Верхов-на-Ветре другим кенку. — «В горы. К тяжелому небу.»

Несомый-Сквозняками и Обнимающий-Облака яростно били крыльями, миновав медленно опускающееся облако желто-зеленого яда, и рванули в сторону гор. Верхов-на-Ветре завис на границе и протараторил ряд слов, передаваемых от вождя к вождю. Молнии сине-зеленой энергии вырвались из его груди и пронеслись по небу быстрее самого быстрого стрижа. Их путь безошибочно вел к ненавистному Врагу.

Человек оторвал взгляд от своих солдат и уставился на приближающиеся снаряды.

«Видишь их приближение, поработитель?» — подумал Верхов-на-Ветре. — «Последнее, что твои глаза...»

Архимаг протянул руку, и стрелы энергии, которые по опыту Верхов-на-Ветре всегда попадали в цель, отклонились и прошли всего в нескольких дюймах от развешивающейся

одежды человека. Изгиб их отклоненной траектории привел к тому, что снаряды врезались в лицо солдата с сединой в волосах. Голова солдата взорвалась вспышкой света, и его тело безвольно упало на палубу летающей лодки.

Верхов-на-Ветре взвыл от разочарования и повернул назад, чтобы присоединиться к Несомому-Сквозняками и Обнимающему-Облака. Горы теперь маячили близко впереди. «Молодец, вождь», — эхом отозвался голос в голове Верхов-на-Ветре.

«Это не может быть человек», — подумал Верхов-на-Ветре.

«Но это так», — был ответ человека. Враг!

Верхом-на-Ветре не оборачивался отправил яростный импульс. Человек послал смех в разум Верхов-на-Ветре, от чего горло кенку защекотало.

«Твой отец хорошо учил тебя, вождь», — продолжил человек, — «Как учил его отец, и его отец, начиная с тех времен, когда я учил твоего дикого предка славе Плетения».

«Во имя того, что отец отца твоего отца сделал с моим народом, шейд», — подумал Верхов-на-Ветре, — «я отправлю тебя обратно в ад, где ты был».

«Это был я, вождь», — перебил его человек. — «Я живу сейчас так же, как жил тогда. На каждое заклинание, которое ты произносишь, за все колдовство, которое ты унаследуешь, в моем распоряжении будет еще тысяча. Только такой дикарь, как ты, ничтожество, может думать, что трудно прожить тысячу лет, или две тысячи, или три».

Верхом-на-Ветре быстро взмахивал крыльями, мчась вперед и не сводя глаз с лежащего впереди приза. Если то, что утверждал этот человек, было правдой, его победа была бы еще слаще.

«Разве ты не помнишь меня, кенку?»

Верхом-на-Ветре сглотнул пересохшим горлом и мысленно увидел картины на стене Высокой Пещеры, дома своего народа. Картины были стары, как Клан Парящих Высот, и рассказывали историю города на плавучей горе, солдат в их летающих лодках, страданий рабства и исчезновения ненавистного города как раз перед тем, как его соседи были брошены на безжалостную землю рукой умирающей богини. Они помнили. Они все помнили. Впереди манил чернеющий воздух над рваными горами. Верхов-на-Ветре полетел быстрее, и Несомый-Сквозняками и Обнимающий-Облака были рядом с ним.

«Ты уверен, Верхов-на-Ветре?» — спросил Несомый-Сквозняками, сопровождая эту мысль волной неуверенности. Верхов-на-Ветре изо всех сил старался передать чувство цели и уверенности, но не мог понять, воспринимает ли это Несомый-Сквозняками или нет.

«Мы — наша единственная надежда», — добавил он. Дрожь Несомого-Сквозняками послала вибрацию по воздуху. Кружащийся-на-Высоте был его старшим братом, родившимся в том же гнезде три года назад. И он все еще падал, безжизненно вращаясь, к мрачной, одинокой смерти на песках пустыни внизу.

Верхом-на-Ветре почувствовал, как волна тепла прошла по его спине, и он опустился на пару футов, чтобы пропустить что бы это ни было. Прямо перед ним вспыхнула оранжевая вспышка — продолговатая огненная стрела длиной с его предплечье. Он оглянулся и увидел, как еще несколько таких по дуге устремились к нему и его товарищам из вытянутых рук Врага. Одна вспышка пламени едва не попала в Обнимающего-Облака, а другая прошла на расстоянии вытянутой руки от Верхов-на-Ветре. Несомый-Сквозняками каркнул, когда снаряд задел край его туники и опалил ее, едва не поджёг.

«Он хочет сжечь нас!» Эта мысль, присланная Несомым-Сквозняками, граничила с паникой.

«Я хочу привлечь твое внимание, детеныш», — ответил человек, и чужой голос, словно стоячая вода, зазвучал в мозгу Верхов-на-Ветре. — «Прошло много времени, но сейчас многое предстоит сделать, и Анклав Шейд требует усилий всех тех, кто служит ему сейчас или служил ему тогда. Вас снова призвали.»

Кровь вскипела в покрытой перьями голове Верхов-на-Ветре.

«Ты просишь нас влететь в твои цепи только потому, что ты этого хочешь? А я-то думал, что твое ненавистное высокомерие — просто легенда.»

Кенку слышал, как Враг смеется в его голове и ушах.

«Я предлагаю вам возможность принять участие в восстановлении величайшей империи, которую когда-либо знал этот мир. Если это высокомерие, то пусть будет так.»

«Верхом-на-Ветре», — Несомый-Сквозняками послал мысль, дрожащую и неуверенную, — «ты уверен? Если то, что ты сказал, правда, тогда...»

«Говори, детеныш», — подтолкнул его Каэралонн. Верхов-на-Ветре понял, что он и Несомый-Сквозняками оборачивались, и лодка быстро догоняла их. Он бросил взгляд на Обнимающего-Облака, который теперь кружил ярдах в пятидесяти или более ближе к клубящемуся серому горному воздуху.

«Горы, братья», — призвал Обнимающий-Облака.

«Пойдем с нами, Несомый-Сквозняками», послал мысль Верхов-на-Ветре. — «Этот человек будет владеть тобой. Он не может предложить нам ничего, кроме страданий. Идем.»

«Но он сделал нас...» — сказал Несомый-Сквозняками. Молодой кенку не сводил глаз с быстро приближающейся лодки. — «Он дал нам то, что мы...»

Верхом-на-Ветре оглянулся на Несомого-Сквозняками, когда тот обогнул дальний конец круга, который делал в воздухе. Лодка целеустремленно двигалась навстречу Несомому-Сквозняками, который, изгибаясь в воздухе, приближался к судну по пологой дуге. Каэралонн улыбнулся сквозь шрамы зубастой, дикой улыбкой. Изогнув одно крыло, Верхов-на-Ветре разорвал свой мягкий круг и нырнул к Несомому-Сквозняками, мчась наперегонки с летающей лодкой к своему растерянному, испуганному, ошеломленному соплеменнику. Каэралонн протянул руку Несомому-Сквозняками, который медленно спускался к лодке. Его крылья были расправлены, чтобы замедлить спуск. Верхов-на-Ветре крепко прижал крылья и протянул свободную левую руку, чтобы ухватиться за шелестящую тунику Висящего на Сквозняках.

Солдат с кривыми зубами перегнулся через борт лодки, держа перед собой черный меч. Верхов-на-Ветре, слишком увлеченный тем, чтобы перехватить Несомого-Сквозняками, налетел на смертоносное лезвие. Меч глубоко вонзился в бок Верхов-на-Ветре, но ему удалось крутануться в воздухе так, что тонкое лезвие щелкнуло о ребро.

Этот маневр спас ему жизнь, но не позволил схватить Несомого-Сквозняками. Верхов-на-Ветре позволил себе упасть на несколько футов, оставляя за собой брызги крови и глядя вверх. Лодка проплыла мимо, медленно опускаясь на Несомого-Сквозняками, и пальцы архимага коснулись клюва молодого кенку.

«Нем!»

Верхом-на-Ветре взывал к разуму и друзей, и врагов, но он ничего не мог поделать. Тело Несомого-Сквозняками напряглось от прикосновения, и свет погас в глазах. Как и его брат, Несомый-Сквозняками начал падать, окоченевший и безжизненный, на сухую землю вниз.

Каэралонн издал тот отвратительный человеческий звук, который они называли смехом, и посмотрел вниз, на Верхом-на-Ветре.

«На этот раз мне нужен только ты, вождь, потомок Среди-Синевы.»

«Нет!» — снова взвыл Верхом-на-Ветре. Он взмахнул крыльями, чтобы зацепить воздух, и отвернулся от вида падающего труп. С силой, рожденной гневом и отвращением, он яростно взмахнул крыльями в неуступчивом воздухе, и взмыл навстречу нетерпеливо кружащемуся Обнимающему-Облака.

«Мы одни, Обнимающий-Облака», — подумал кенку своему последнему товарищу. — *«Пришло время покончить с этим.»*

«Лети, вождь», — отправил мысль ненавистный Враг. — *«Нет места, где я не мог бы преследовать тебя, нет времени, которое я не мог бы переждать. Ты придешь ко мне, как твой предок, и приведешь остальных своих людей, как он, и научишь их служить мне, как он учил их. Твоя судьба — служить, а моя — командовать, во имя Нетерила, во имя Шейда, во имя здравого смысла.»*

Верхом-на-Ветре, закрыл клюв, взъерошил перья, и волна горячей крови залила его дрожащее тело. Его зрение сузилось до сфокусированной точки, и он полетел быстрее, чем когда-либо прежде.

«Нет, брат!» — позвал сзади Обнимающий-Облака — *«Сюда!»*

Верхом-на-Ветре не обращал на него внимания. Вместо того, чтобы следовать своим собственным инструкциям, своему собственному плану привести человека к тяжелому, богатому энергией воздуху над горами, он мчался в лодку, как стрела, и врезался в борт. Летящий корабль сильно накренился, и от удара волна боли пронзила раненый бок кенку. Потекла кровь, и яркие звезды взорвались в его глазах.

Последний оставшийся нетерильский солдат выпал из лодки, но сумел ухватиться за борт. Его лицо исказила красная, потная гримаса, он висел, и его жизнь зависела исключительно от силы его левой руки. Обезглавленный труп его товарища по оружию свалился за борт и бешено завертелся, оставляя за собой кровавый след. Верхом-на-Ветре быстро оправился от удара, и, хотя боль в боку все еще была сильной, ему удалось поднять крылья обратно в воздух. Он поймал быстро поднимающуюся теплую волну на краю горного хребта и начал подниматься вверх. За его спиной Враг прорычал несколько бессмысленных слов. Верхом-на-Ветре честно не мог отличить заклинание от обычной человеческой речи, поэтому он приготовился ко всему. Он почувствовал слабый запах серы и, прежде чем успел принять сознательное решение, нырнул в сторону. Мир взорвался жаром и бурлящим красно-оранжевым огнем в быстро расширяющейся сфере над ним. Опаленный, но не пострадавший от ожогов, Верхом-на-Ветре отлетел в сторону, хотя огонь уже догорел, превратившись в единственный клуб черного дыма, маравший воздух.

Верхом-на-Ветре оглянулся на лодку и увидел, как солдат с кривыми зубами ухватился правой рукой за край все еще качающейся лодки. Меч солдата был

надежно спрятан в ножнах на поясе. Лицо мужчины стало более спокойным, уверенным, что он избежал смертельного падения длиной в милю.

Стрела вылетела из-за спины Верхом-на-Ветре и над его головой и ударила в борт лодки. В лицо солдату полетели осколки. Край лодки обломился, и тот, казалось, повис в неподвижном воздухе в дюйме от борта летающей лодки. Затем он закричал, падая и вращаясь в воздухе, размахивая руками.

Верхом-на-Ветре обернулся и посмотрел вверх на Обнимающего-Облака, который летел назад к горам, держа свой длинный лук в левой руке.

«Хороший выстрел, брат», — подумал Верхом-на-Ветре.

«Я служу клану», — ответил Обнимающий-Облака. — *«Горы? Тяжелый воздух?»*

Верхом-на-Ветре быстро полетел к своему товарищу по клану, оглянувшись, чтобы увидеть явно раздраженного, хмурого архимага в летающей лодке, преследующего его. *«Горы, да»,* — ответил Верхом-на-Ветре. — *«Тяжелый воздух.»*

* * * * *

Среди-Синева дергался под заботливыми руками человека, в то время как Каэралонн сердито расхаживал по вольеру. За его спиной чистое небо искрилось звездами, которые двигались как один, когда плавающий город мягко поворачивался. Тепло разлилось по рукам человека и Среди-Синева снова дернулось, когда теперь уже знакомый зуд жреческой целительной магии закрыл его сочащиеся раны.

«Их было больше, чем ты нам говорил», — отправил мысль Среди-Синева шагающему человеку.

Каэралонн остановился и сердито повернулся к нему.

— Именно это я и послал тебя выяснить, ты, тупоголовый болван. Ты убил столько же своих людей, сколько и враг. Нужно ли мне еще раз напоминать тебе, сколько стоит тренировать вас, пернатых дикарей, содержать и вооружать?

Среди-Синева отвел взгляд, его перья взъерошились. Ответа у него не было. Его послали возглавить налет его братьев-кенку против небольшой флотилии летающих лодок, запущенных в небо соседним анклавом. Битва с самого начала шла плохо. Заколдованные девичьи дыни, которые им велели сбросить на лодки, вместо этого взорвались в руках доброй дюжины кенку, разорвав их на части во вспышке зелено-белого пламени. Только двоим удалось приземлиться на лодку, и ни один из них не сработал так, как планировал Каэралонн. Все, что они делали, это освещали невидимые щиты, которыми вражеские маги окружили свои лодки. Стрелы, как заколдованные, так и обычные, разорвали еще больше кенку на части. Небольшие заклинания кенку, их оружие и когти нанесли некоторый урон врагу, но в конце концов именно Среди-Синева сломался и отступил, имея только четверть сил, с которыми он вылетел. У Каэралонна были причины для недовольства, но и у Среди-Синева тоже.

— Молчишь? - с усмешкой спросил Каэралонн. — Тебе нечего сказать в свое оправдание?

«Что тут скажешь, генерал?» — ответил Среди-Синева.

— Я здесь закончил, — пробормотал жрец Каэралонну, который пренебрежительно отмахнулся. — О ваших рабах хорошо заботятся, генерал.

Каэралонн подошел ближе к жрецу и крепко, властно схватил его за руку.

— Придержи язык, жрец, — сказал Каэралонн сквозь сжатые губы, — и убирайся.

Жрец выглядел оскорбленным, но быстро ушел. Каэралонн снова принялся сердито расхаживать взад-вперед, а Среди-Синева обдумывал слова жреца. Рабы.

За последние два года он слышал это слово много раз. Он слышал, как это произнес его собственный народ-кенку, который Среди-Синева привел в Анклав Шейд сам, привел на службу Каэралонну. Среди-Синева был смущен, сбит с толку неспособностью его братьев увидеть тепло и дружбу в Каэралонне или ценность в служении его делу. Другие кенку смотрели на Каэралонна со страхом и подозрением, даже с ненавистью — но почему? У Среди-Синевы начинало появляться понимание.

Он сел на холодный металлический стол и посмотрел на молодого кенку Вдоль-Теплых-Потоков, который лежал рядом с ним, забинтованный и корчащийся от боли. Их глаза встретились, и Среди-Синева мог почувствовать эмоции молодого кенку, сгусток боли и мольбы.

«Ты единственный», — послал мысль Вдоль-Теплых-Потоков.

«Единственный?» — спросил Среди-Синева, и непрошенная слеза потекла по его разбитому глазу.

«Ты привел нас сюда», — ответил молодой кенку, — *«и только ты можешь вывести нас отсюда. Сопrotивляйся ему. Разорви наши узы, Среди-Синева, и мы последуем за тобой на...»*

— Молчать! — крикнул Каэралонн, и мерцающая, зазубренная нить сине-белого свечения сорвалась с кончиков его пальцев и врезалась в Вдоль-Теплых-Потоков достаточно сильно, чтобы поднять молодого кенку со стола и вдавить его в глинобитную стену. Стена треснула, и кенку закричал, бешено дергаясь в захвате вертикальной молнии. Заряд исчез меньше чем за мгновение, но его путь был выжжен в зрении Среди-Синевы. Вдоль-Теплых-Потоков лежал мертвый и дымящийся, тающие черные останки на выжженном полу. Среди-Синева почувствовал руку на своем плече и, обернувшись, увидел, что Каэралонн улыбается ему снисходительно, криво, зло.

— Не слушай этих рабов, друг мой, они просто... — Каэралонн тяжело упал от удара Среди-Синевы. Он схватился за живот и попытался вдохнуть, но не смог.

«Ты», — ронял мысли Среди-Синева в задыхающийся человеческий разум, — *«не мой друг»*.

Каэралонн поднял правую руку, его пальцы двигались формуле заклинания, и восстановил контроль над голосом, чтобы произнести первый тайный слог, прежде чем Среди-Синева схватил его лицо одной ногой с острыми когтями.

«Я больше не твой раб.»

Кенку рванул вниз и вонзился в мягкую плоть лица генерала. Кровь брызнула во все стороны, и другие кенку — почти сотня их лежала вокруг открытой комнаты в различных состояниях ранения и отчаяния — встали и обратили на это внимание.

— Стой! — выдохнул человек, его лицо превратилось в кровавые ошметки, руки прижались к щекам, чтобы удержать плоть.

Среди-Синева выхватил меч и занес его над головой архимага.

«Ты хорошо учил нас, Каэралонн, но ты научил нас слишком многому.»

Когда клинок быстро и сильно опустил на шею человека, Каэралонн вытащил что-то из его рта — Среди-Синева увидел зуб — и меч прошел сквозь то место, где должна была быть его шея. Человек исчез.

Среди-Синева позволил себе рассмеяться.

«Придет время, поработитель. Мы не забудем.»

С этим Среди-Синева повел свой народ к свободе.

* * * * *

Впереди вырисовывались зубчатые коричневые горы. Небо прямо над головой бурлило потенциальной энергией, и Верхом-на-Ветре и Обнимающему-Облака было трудно поддерживать высоту. Бок Верхом-на-Ветре горел, голова болела, но он продолжал бороться.

«Куда ты направляешься?» — спросил Каэралонн ошеломленный разум кенку. — «Ведешь меня обратно в свое гнездо в надежде, что твои соплеменники одолеют меня? Ты так же глуп и тщеславен, как Среди-Синева.»

Верхом-на-Ветре он не обращал на него внимания. Вместо этого, он подумал Обнимающему-Облака:

«Вот оно. Здесь все закончится.»

Верхом-на-Ветре распушил перья, резко поднялся — и его крылья оказались прижаты к бокам какой-то тяжелой внешней силой. Он был покрыт массой белого шелка, похожего на паутину, но паутина появилась из ниоткуда в воздухе вокруг него. Источник был очевиден еще до злорадного заявления Каэралонна:

«Завернут как подарок, которым ты и являешься, невольник.»

Верхом-на-Ветре пронзительно закричал и начал падать. Не в силах расправить крылья, он не мог летать. Однако он мог поворачивать свое тело достаточно, чтобы контролировать вращение, и ему удалось увидеть, что делает Каэралонн. Летающая лодка быстро двигалась по курсу, явно рассчитанному на то, чтобы подвести ее под Верхом-на-Ветре. Каэралонн обездвигил его, чтобы он мог упасть, будто сверток, в открытую лодку.

Стрелы со свистом рассекали воздух, выпускаемые кружащимся Обнимающим-Облака. Каэралонн даже не потрудился поднять руку. Стрелы, которые должны были глубоко вонзиться в грудь человека, кружились вокруг него и падали вниз, как вода, попавшая в сток. Обнимающий-Облака каркал в отчаянии, хотя они оба всегда знали, что этого врага будет трудно убить.

Верхом-на-Ветре ударился спиной о деревянную палубу летающей лодки, и его зрение затуманилось от удара. Над ним были глубокие черные тучи, ниже двух третей мили над каменистыми предгорьями. Верхом-на-Ветре боролся с паутиной, но она крепко держала его крылья и руки по бокам. Каэралонн посмотрел на него сверху вниз и произнес что-то на своем мерзком человеческом языке, чего Ветер не мог понять.

Связанному кенку удалось сесть в мягко покачивающейся лодке, и он увидел Обнимающего-Облака, кружащего вдали на фоне голых гор. За плечами у Обнимающего-Облака был лук, а в правой руке — кинжал. Его крылья изогнулись дугой, и он повернулся, чтобы быстро полететь к лодке.

«Нет, брат», — послал мысль Верхов-на-Ветре. — «Держи дистанцию».

Обнимающий-Облака повернулся в воздухе и без малейшего колебания двинулся обратно тем же путем, каким прилетел. У человека хватило наглости рассмеяться.

Верхом-на-Ветре не обращал на них внимания, лишь с трудом ощущая, как лодка поднимается и поворачивается в направлении полета Обнимающего-Облака. Человек намеревался отправиться в погоню.

Верхом-на-Ветре чувствовал, как в нем нарастает энергия. Человек, при всей своей огромной силе, все еще зависел от заклинаний. Заклинания требовали рук, языка, а иногда и предметов сосредоточения или силы.

То, для чего Верхов-на-Ветре притянул сюда ненавистного человека, не требовало ничего из этого. Это было естественным развитием семени силы, посеянного в древнем кенку самим Каэралонном, столь же близоруким, сколь и долгоживущим.

Задумчивость кенку была глубокой, но не настолько, чтобы он не услышал, как Каэралонн начал произносить заклинание. С такого близкого расстояния оно явно отличалось от его обычной монотонной, бормочущей речи. Ноги Верхов-на-Ветре все еще были свободны, хоть и не полностью. Он мог пнуть Каэралонна под локоть, толкнуть его к краю лодки, чтобы напугать и в процессе разрушить заклинание — и сделал это.

Архимаг повернулся к удержанному кенку, его покрытое шрамами лицо пылало гневом.

«Знай», — закричал архимаг в разум Верхов-на-Ветре, — «когда ты побежден, раб!»

Человек нагнулся и грубо схватил Верхов-на-Ветре за плечо. Он носил кольцо на этой руке, кольцо, которое начинало гореть, когда оно касалось перьев Верхов-на-Ветре. Каэралонн, очевидно, был невосприимчив к жару, но Верхов-на-Ветре мучительно обжигался. Он не мог удержаться, чтобы не вскрикнуть от боли.

«Верхом-на-Ветре...» — беспокойство делало мысль Обнимающего-Облака острой и торопливой.

«Иди, брат», — ответил Верхов-на-Ветре. — «Расскажи им, что здесь произошло.»

«Действительно, «брат», — вмешался Каэралонн. — «Скажи им всем, что хозяин вернулся, и их услуги требуются еще раз. Твой соплеменник — или то, что от него останется — будет ждать тебя в Анклаве Шейд.»

«Нет, Каэралонн», — ответил Верхов-на-Ветре. — «Когда Среди-Синевы забрал у тебя твое лицо и твоих рабов, он вспомнил все. Когда эта оборванная банда кенку вылетела из твоего ненавистного гнезда и нашла дом в высоких пещерах далеко отсюда, они нарисовали его воспоминания и его предупреждение... и его пожелания на будущее на стенах. Он рассказал нам, как погибнет работороговец, если настанет день, когда он или его родственники вернутся.»

Жжение утихло, и архимаг снисходительно улыбнулся.

«Как это мило.»

«Твоя смерть была предопределена твоим первым рабом, Каэралонн. Ты разделишь судьбу мученика, Вдоль-Теплых-Потоков.»

«Вдоль...?» — растерянно ответил Каэралонн. Верхов-на-Ветре закрыл глаза, сила внутри него соединилась с сердцем облаков. Он почувствовал, как рука Каэралонна соскользнула с его плеча.

Первая половина первого слога заклинания, определенно предназначенного для того, чтобы увести его, упала с человеческих губ — и небо взорвалось ослепительным светом. Молния содержала всю ярость тяжелых горных облаков. Она врезалась в лодку и пронзила Каэралонна с такой силой, что архимаг превратился в брызги пылающей плоти. Дерево лодки раскололось, взорвалось изнутри. Тело Верхов-на-Ветре напряглось, и он почувствовал, как ломаются мелкие кости в его руках, челюсти, когтях. Паутина вскипела, унося с собой ряды перьев, и Верхов-на-Ветре закричал от боли его незащищенной горячей плоти.

Он бешено кувыркался прочь, смеясь от боли и потери, зная, что забрал поработителя с собой. Руки крепко схватили его, и поток эмоций хлынул в его разум от Обнимающего-Облака. Верхов-на-Ветре открыл глаза и обнаружил, что видит только одним глазом, но зато видит своего товарища по клану.

«Свершилось, высочайший из братьев», — сказал Обнимающий-Облака, нежно обхватив руками обмякшую, обожжённую фигуру Верхов-на-Ветре. — «Клан ждет.»

Верхом-на-Ветре чувствовал, как крылья Обнимающего-Облака поднимают их обоих выше, поворачивая на запад и домой.

ПАВШИЕ ЗЕМЛИ

Мюррей Джей Ди Лидер

19 Чес, Год Дикой магии

Я помню, как сидел в классе моего наставника, волшебника Малиго из Долины Омелы. Отойдя от своих приключений и присоединившись к духовенству Азута, он время от времени защищал Долину от ее врагов, но в основном довольствовался тем, что спокойно жил и обучал новое поколение магов. Он умрет несколько лет спустя от неудачного заклинания во время Времени Бедствий, что будет тяжелым ударом для меня. От него я узнал почти все, что знаю о магии. На этом конкретном уроке я взял на себя смелость задать нахальный вопрос:

— Если Мистра — богиня добра, почему она позволяет злым людям использовать магию?

Другие дети вокруг меня хихикали, что я задал такой вопрос, но не Малиго. Он был человеком бесконечного терпения.

— А что вы, дети, думаете? — спросил он.

— Мистра не должна никому отказывать в магии, — ответил другой маг, сын одного из членов Совета Шести и, несомненно, мой заклятый враг в данный момент. Несмотря на все его старания, он никогда не был так близок к Малиго, как я. — Вместо этого она учит нас мудрости, — объяснил он, — и если мы не прислушиваемся к ее мудрости, если мы используем ее силу для разрушительных целей, она не виновата.

Это был обычный ответ на этот вопрос. Я слышал его не в первый и не в последний раз. Мне пришлось услышать этот ответ много раз, прежде чем он начал звучать разумно....

* * * * *

Я проснулся оттого, что солнце ударило мне в глаз. Оценив свое положение как можно лучше, я обнаружил, что закутан в какой-то звериный мех и под ним голый. Холодный воздух на лице не давал мне уснуть. Я попытался сесть, но не смог, так сильно болела голова, хотя я знал, что мои раны зажили. Раны. Где я их получил? Орки. Я вспомнил орков. Они напали на нас ночью. Сотни их, гораздо больше, чем я видел за один раз, волнами двигались к нам. Многие ехали верхом на нелетающих птицах, похожих на уродливых страусов без перьев. Мои заклинания убили многих, но они продолжали наступать. Эти орки выглядели необычно. В их глазах, сверкающих в свете факелов, я не видел маниакальной кровожадности, типичной для их вида. Вместо этого их глаза были остекленевшими, далекими. Я вспомнил, как Нерил проскользнул между орками, рубя во все стороны своим огромным широким мечом и рассекая их десятками. Мистра! Был момент, когда они окружили его, отделив от остальных. Это был последний раз, когда я его видел.

— Остальные, — прохрипел я пересохшим горлом. — Остальные...

— Вы слышали? — спросил кто-то низким мужским голосом. — Он говорит на нашем языке!

— Ты уверен? — спросил кто-то еще.

— Пожалуйста... остальные, — я пришел в себя и попытался закончить фразу. — С остальными все в порядке?

Ко мне шагнул мужчина. Мои глаза расширились, когда я посмотрел на него. Его голова заслоняла солнце, так что я не мог ясно разглядеть его черты. Он был высок, вероятно, на голову выше меня, а в Долинах меня считали высоким мужчиной. Его волосы были длинными и черными, и он был одет в шкуру волка. Варвар. Да! Я вспомнил варваров. Они выскочили из ночи, как призраки, и присоединились к схватке, их копыта, топоры и молоты летали по полю боя. Как раз перед тем, как я потерял сознание, боевой молот расколол череп орка, приставившего меч к моему горлу. Скорее всего, это спасло мне жизнь. Теперь такой же молот был в руках человека, стоявшего надо мной.

— Не двигайся, цивилизованный. Оставайся на месте, или ты почувствуешь вкус утгардтской стали. Как ты научился говорить на нашем языке?

Я слышал общий, но губы его шевелились на родном языке.

— Я не учился, — ответил я.

Я провел слабой рукой по груди, убедился, что все еще ношу амулет, и вытащил его из-под меха. Он безмятежно светился и излучал немного тепла, чему я был рад в эти северные зимы.

— Он делает это возможным, — объяснил я. Амулет был подарком моего наставника много лет назад. Он переводил мой язык на язык слушателя, а его язык — на мой. Он хорошо служил Пылающему Отряду на протяжении многих лет, хотя и имел свои ограничения. Использование варваром слова «цивилизованный»,

например, было, вероятно, лучшим переводом понятия, не присутствующего в общем.

— Я знал, что мы должны были забрать его у него, Тлуна. Это магия!

— Я знал, что это магия, Гар, — ответил варвар надо мной. — Вот почему я его не трогал. Я боялся, что он может отравить меня.

— Это не оружие. Он не опасен ни для тебя, ни для кого другого, — сказал я. — Скажите, кто еще из моего отряда выжил в бою?

— Никто, — сказал он.

Мое сердце упало, хотя я не был удивлен его ответом. Я мысленно перебрал их всех. Я знал Нерила дольше всех, с тех пор, как мы были детьми. Мы вдвоем сформировали «Пылающих Мужчин» в Долине Омелы. Только когда мы взяли в отряд первую женщину, мы изменили название. Но почему-то мне было грустно за нашу самую младшую, дорогую юную Шалинду. Она присоединилась к нам в Сандабаре всего месяц назад. Она была всего лишь жаждущей увидеть мир девушкой с северной фермы, с незначительными способностями к стрельбе из лука, полученными от охоты на волков. И первая же битва убила ее. Я сомневаюсь, что она смогла подстрелить хотя бы одного орка, прежде чем они добрались до нее.

Сандабар. Вот где мы были, когда услышали новость. Союз Лордов отправлял войска, даже Черный Посох, по слухам, был там. Нерил предложил нам выбрать необычный маршрут: к востоку от Высокого леса, к Эвереске, тот, который приведет нас туда быстро, избегая опасностей крупных дорог. Нам повезло пройти через Нетерские горы до того, как начались метели.

— Спроси его, не маг ли он. Спроси его, не магическая ли это книга.

Я заставил себя сесть и увидел другого варвара, такого же грубого на вид. У него была моя книга заклинаний, единственная вещь, наделенная истинной силой, моя единственная защита, лежащая закрытой перед ним, рядом с моим посохом и одеждой. В моем разуме не сохранилось заклинаний. Я не смог бы пробиться наружу, даже если бы захотел. Я вспомнил совет, который однажды дал нам опытный искатель приключений. Мы встретились с ним в таверне в Невервинтере. «Если ты когда-нибудь захочешь легко покончить с собой, скажи утгардтцу, что ты маг.» Но я подозревал, что они еще более низкого мнения о лжецах.

— Я маг, — признался я. — Меня зовут Арклоу из Ашабенфорда.

Я перевел взгляд на стоящего надо мной варвара. Когда он передвинулся, и солнце перестало скрывать его лицо, я понял, что он очень молод. Вероятно, ему едва исполнилось пятнадцать зим. Его шрамы говорили мне, что в этом юном возрасте он видел больше сражений, чем я в свои тридцать. В его глазах я увидел странную смесь отвращения и чего-то еще. Любопытства?

— Маг? Мы спасли мага, Тлуна, — сказал другой варвар. — Сунгар с нас за это шкуру спустит. Он не обрадуется, что шаман исцелил его раньше наших. — Он был тяжело ранен и яростно сражался против орков, — ответил Тлуна, — даже если он и маг.

Я припомнил соответствующую фразу: враг моего врага — не мой враг. Но уловил в голосе Тлуны странный подтекст, заставивший меня заподозрить, что за этим кроется нечто большее.

— Арклоу из Ашабенфорда, я Тлуна, сын Хаагравана, из племени Громовых Зверей. Это Гарстак.

Громовой Зверь. Я никогда раньше не слышал об этом племени и был рад этому, так как самые знаменитые племена, как правило, совершали набеги на цивилизованные поселения. Но почему-то это имя заставило что-то щелкнуть у меня в голове. Вдали виднелись горы, и я знал, что они находятся среди самых северных Серых Вершин. Я обернулся и увидел, что до самого горизонта простирается сухая мертвая земля. Шел снег, но не очень густой. Местность казалась почти лишенной погоды. Я знал название места, через которое мы пробирались к Эвереске. Это был мрачный, малопосещаемый уголок Фаэруна, который цивилизованные люди называли Павшими Землями.

* * * * *

Когда я снова был готов идти, Тлуна и Гарстак позволили мне одеться. Они не вернули мне ни книгу заклинаний, ни посох, и в данный момент я их не просил. Они провели меня через лагерь Громовых Зверей — скопище переносных жилищ из звериных шкур, заполненных несколькими коренастыми варварами. У большинства имелись разнообразные ранения, и все смотрели на меня со страхом и презрением. Они привели меня к своему вождю, Сунгару Убийце волков. Отчаянно бородатый мужчина, вероятно, моложе меня, но выглядевший на десятки лет старше, Сунгар был хуже многих утгардтцев, но все же внушителен. У него была огромная свежая рана на щеке. Очевидно, шаман племени еще не успел залечить ее. В одной руке он сжимал огромный боевой топор, оружие настолько тяжелое, что я ожидал, что мало кто сможет поднять его. Ковка выглядела почти гномьей, но размером с человека. Интересно, откуда он взялся? Вождь поблагодарил Тлуну и попросил его оставить нас одних в его шатре.

— Маг, — обратился он ко мне. — Мы, утгардтцы, презираем твою магию. Ужасно неприятно разговаривать с тобой через это твоё магическое устройство.

Он указал на мой амулет.

— Я это понимаю, — сказал я. — Благодарю тебя и твоё племя за спасение моей жизни. Я обязан тебе всем. Я должен вам достаточно, чтобы немедленно покинуть вашу компанию.

— Обычно это лучшее, на что ты можешь надеяться, но... — он опустил глаза. —

Обстоятельства необычны. Мы далеко от остального нашего народа и еще дальше от костей зверя, который охраняет наше племя. Мы отправились в этот мертвый край, чтобы сразиться с орками. Наше племя обычно отправляется в такой поход каждые две-три зимы, чтобы проверить свою храбрость. Это первый раз Тлуны и мой седьмой. Мне кажется, я повидал от орков почти все, с чем может столкнуться человек. Тысячи пали от моего топора, но я никогда не видел ничего похожего на орков, с которыми мы сражались прошлой ночью. Орки — трусливые твари. Когда ход битвы повернется против них, некоторые из них отступят. Так было всегда, но эти орки сражались до последнего. Я потерял много воинов от их копий и мечей, и ни один орк не бежал из битвы. Никто из нас никогда не видел орков в таком количестве. Этот мертвый регион особенно известен своими постоянными

междоусобицами и соперничеством, племя орков против племени орков. Никогда еще они не были так едины. Наконец, некоторые из моих людей заметили, и я согласен, что эти орки не были похожи на орков. Орки — отвратительные, пускающие слюни существа. В их глазах нет ничего, кроме ненависти и зла, но у этих орков ничего этого не было. Их глаза смотрели вдаль. Как будто их мысли не принадлежали им. Мой опыт не дает этому объяснения. Может быть, и твой.

Сунгар пристально посмотрел мне в глаза. Я глубоко вздохнул и рассказал ему все, что знал.

— Мой отряд проходил через этот край, который мы называем Павшими Землями, по пути в Эвереску. Это эльфийское поселение на юге. Мы получили известие в Сандабаре... — Я сделал паузу, раздумывая, стоит ли объяснять про эльфов или Сандабар, но решил не делать этого, — ... что там кое-что произошло, из-под земли появилось необычное чудовище, фаэримм. — Фаэримм?

— Я почти ничего о них не знаю. Для большинства из нас они были скорее легендой, чем реальностью. Считается, что они живут под Анорохом... пустыней на востоке

Сунгар понимающе кивнул.

— Говорят, они умные, злые, могущественные и превосходные маги. Некоторые говорят, что они даже питаются самой магией. Появление таких монстров может иметь разрушительные последствия для всех нас. Мы слышали, что многие силы добра направляются в Эвереску, чтобы противостоять этому вторжению, и решили отправиться туда сами. Также известно, что фаэриммы — мастера порабощения других рас своей волей, даже таких высокоинтеллектуальных существ, как драконы и бехолдеры. Если их цель — простое уничтожение, то меня не удивляет, что они посылают своих слуг туда, куда не могут пойти сами. Если они могут контролировать разум дракона, то не должно быть никакой сложности сломить волю орка.

«Или варвара», — подумал я, — «или мага».

Сунгар недоверчиво покачал головой.

— Утгар защити нас. Эти фаэриммы... их можно убить?

— Я уверен, что можно, но даже самые сильные волшебники в мире боятся фаэриммов. Я им не ровня, я в этом уверен, и ваши люди тоже. Наша единственная надежда состоит в том, что никто из них не находится здесь, в Павших Землях, что вместо этого один из их слуг порабощает этих орков.

— Но орки мертвы. Мы убили их.

— Неужели это все орки в Павших Землях? И нет других монстров? Может быть, они были просто разведчиками. Там может быть другая армия, возможно, даже больше. Что бы вы сделали, если бы кто-то из ваших людей был убит, а вы оказались бы в состоянии нанести ответный удар? Как бы отреагировали?

— Я хотел бы отомстить, — задумчиво оперся на свой боевой топор Сунгар. — Что ты посоветуешь нам делать, маг?

— Мы могли бы двинуться на север. Я мог бы вернуться к цивилизации, а вы — к своему племени, если силы фаэриммов не перехватят нас на пути. Тогда они могут сделать нас рабами, как тех орков, — я сделал паузу, чтобы мои слова дошли до него. — Или мы могли бы...

— Мы двинемся на юг и встретимся с этой армией раньше, чем она нас ожидает. Если мы погибнем, то погибнем, защищая свое племя. Пойдем с нами, Арклоу из Ашабенфорда. Мы видели твою доблесть в бою и знаем, что ты достойный воин. Я обещаю, что ни один воин утгардта не бросит на тебя косого взгляда, если ты поедешь как один из нас.

* * * * *

Мой посох и книга заклинаний были возвращены мне, и как только все утгардтцы были должным образом исцелены шаманом, они были готовы снова выдвигаться. Только друг Тлуны Гарстак не присоединился к нам, а вместо этого был послан на север, чтобы предупредить племя. Утгардтцы хоронили своих мертвецов в грязи Павших Земель, и некоторые из них помогали мне копать могилы для Пылающего Отряда. У меня были мысли вернуть некоторые из их магических предметов, возможно, заколдованный кинжал вора Джарока, но под наблюдением утгардтцев я решил иначе.

К тому времени, как мы покинули лагерь, от него почти не осталось и следа. Мне дали лошадь, всадника которой убили орки. Это было гораздо менее одомашненное животное, чем большинство лошадей, на которых я ездил, но я думаю, что произвел впечатление на утгардтцев, управившись с ним. Утгардтцы не были конными варварами, как далекие нары и туйганы, и явно только недавно пришли к искусству верховой езды. Мой отец был одним из Всадников Долины Омелы, и он хорошо меня обучил. В этой ситуации было что-то извращенно забавное. Два десятка дней назад я зимовал в Сандабаре и никогда бы не подумал, что увижу всех своих друзей и товарищей мертвыми, а сам поеду в глубь Павших Земель с племенем варваров, чтобы сразиться с фаэриммом.

Мои мысли часто возвращались к бедной Шалинде. Как безответственно было с нашей стороны подвергать опасности молодую женщину, почти ребенка. Она должна была остаться в Сандабаре, должна была остаться фермером. Если бы она это сделала, то была бы жива. Пылающий Отряд совершил много славных дел. Он заслуживал лучшего, чем быть убитым орками в каком-то богом забытом уголке Фаэруна. Или нет? Когда Нерил пришел к нам с известием, что фаэриммы нападают на Эвереску, мы все согласились немедленно отправиться туда. Почему? Была ли это бескорыстная забота об эльфах Эверески? Или это была просто еще одна возможность прославиться? Может быть, даже шанс сразиться рядом с самим Хелбеном Арунсуном?

Чем дальше мы углублялись в Павшие земли, тем бесплоднее становилось это место. Огромное пространство грязи и потрескавшейся земли — неудивительно, что все разумные люди избегают его. Только магия могла оставить место таким бесплодным. Я понял, что когда-то это было уцелевшее нетерезское государство. Возможно, именно поэтому утгардтцы относились к нему с таким подозрением. Физически пустынное, оно, однако, изобиловало магией. Я мог чувствовать это в воздухе, так же как я мог чувствовать отсутствие Плетения в тот момент, когда я вошел в мертвую магическую область в Тантресе. Там я почувствовал пульсирующую головную боль, ощущая свою разлуку с Плетением и славой Мистры,

но здесь я чувствовал противоположное, пьянящее чувство, граничащее с эйфорией. Я не сомневался, что фаэриммы будут чувствовать себя здесь как дома. Тлуна ехал на своей лошади рядом со мной. На нем был серебряный боевой шлем, а в руке он сжимал боевой молот. Из всех утгардтцев, которых я встречал, он был единственным, кто искал моего общества, и я был этому рад. Некоторые из них выглядели так, будто быстро приставили бы топор к моей голове, если бы не приказы Сунгара. Я боялся, что некоторые из них подумают, что я могу попытаться развратить юный ум Тлуны своими цивилизованными философиями, но они не выражали этого, насколько я видел. К их чести, они верили, что их догма удержит его на том, что они определили как правильный путь.

— Ты знаешь о Синих Медведях? — спросил он меня.

— Племя Синего Медведя? Немного.

— Мой отец сорвал этот шлем с тела одного из их воинов, которого убил голыми руками. Из всех выродившихся племен утгардтов Синие Медведи — худшие.

Я был счастлив это слышать. Шлем был помечен с одной стороны эмблемой Эверлунда, и я был немного обеспокоен тем, как он получил его.

— Я так понял, что Синие Медведи теперь вымерли. Племя распалось после того, как была разрушена крепость Хеллгейт.

«Группой владеющих магией цивилизованных», — мысленно добавил я. Тлуна кивнул.

— Это правда, насколько мы видели. Мы прошли через их территорию десять дней назад и никого не видели. Говорят, что когда они узнали, что их сволочной вождем Танта вовсе не человек, а какой-то грязный дьявол Ада, они слишком погрязли в пороке, чтобы даже беспокоиться.

Он перевел взгляд на меня.

— Так вот какими мы будем, если эти фаэриммы поработят нас?

— Не знаю, — честно ответил я.

— Любой из нас предпочел бы сражаться насмерть, чем допустить, чтобы это случилось с нами или с остальными членами нашего племени.

— Ты даже предпочел бы сражаться рядом с магом.

Когда он не сбросил меня с лошади, как я подозревал, я решил испытать судьбу еще раз.

— А что твой народ имеет против магии? Вы владеете жреческой магией.

— Жреческой? Заклинания нашего шамана — дар Утгара. Твоя магия не такая.

В каком-то смысле он был прав. Жреческая магия не исходила из Плетения, как мои заклинания.

— Магия-это не просто инструмент разрушения, — сказал я. — Она может быть полезной, благотворительной. Этот амулет — хороший пример. Без него мы не могли бы так разговаривать друг с другом.

— Если бы не твой магический предмет, нам пришлось бы учиться общаться на нашем собственном уровне. Мы были бы вынуждены чего-то достигать. Вместо этого амулет делает это за нас. Магия не делает вашу жизнь лучше, только легче.

— Магия — это Искусство. Это дар Мистры.

— Мистра, — отозвался Тлуна. — Мы знаем об *этой* богине, хотя и не часто думаем о ней. Когда мы это делаем, то речь идет о ловкаче, который заманивает

людей предложениями огромной власти, власти без ограничений. Эти силы растут и растут, и в конце концов их становится невозможно контролировать. Она — добытчик людей и племен.

Мой гнев рос, но я знал, что это был способ Тлуны вернуть мне за то, что я сказал минуту назад. Между нами все было улажено, поэтому я не осмеливался сказать, что мы думаем о его боге.

Позже в тот же день один из утгардтцев указал на столб дыма, поднимающийся к небу вдалеке.

— Это могут быть орки, — сказал Сунгар. — Но здесь так мало деревьев. Где они берут дрова для костра?

Он был прав. Орки ели и сырое мясо, но предпочитали готовить.

— Наверное, это магический огонь, — предположил я. — Подарок от их новых хозяев.

Один из старших варваров присоединился к его совету.

— Мы должны атаковать сейчас, пока еще светло. В темноте у них будет преимущество.

— Сначала я хотел бы узнать, с чем мы столкнулись, — сказал Сунгар.

— Для этого у меня есть заклинание.

Некоторые начали было возражать, но Сунгар взглядом заставил их замолчать.

— Мне нужна тишина на пару минут, — сказал я и присел на корточки, глядя в сторону дыма. Я произнес заклинание и почувствовал, как мое сознание несется над полями Павших Земель с возрастающей скоростью. Перед нами расстилалась обширная равнина, ничем не примечательная, если не считать небольших развалин, возвышавшихся футах в восьми над нами, словно шпиль чего-то, по большей части погребенного под землей. Но кроме этого было мало укрытий в любом направлении. Руины окружали внушительные силы, состоящие в основном из орков, с несколькими бродячими багбирами и гноллами, вероятно, прибившимися по пути от Эверески. Многие из них ухаживали за своими скакунами, этими уродливыми двуногими птицами, а некоторые готовили мясо на магических кострах. Тем не менее, они выглядели так, как будто были готовы сражаться в любой момент. Я прикинул, что на каждого варвара приходится по меньшей мере десять.

Мой разум проскользнул между группой орков и продолжил путь к руинам, представлявшим собой едва ли больше, чем несколько треснувших стен и сломанных колонн. Несколько огромных и громоздких туш стояли рядом, как статуи, а на самих развалинах было длинное, тонкое змеиное тело, темного сине-фиолетового цвета, заканчивающееся человеческим лицом, которое погрузилось в брюхо его еды, мертвого орка.

«Откуда нам знать, что этот цивилизованный человек не предупреждает наших врагов?»

«Он заманивает нас в ловушку!»

Голоса пронесли у меня в голове и отбросили меня назад в мое тело так сильно, что я упал назад.

— Молчать! — крикнул Сунгар подозревавшему утгардтцу, и тот послушно попятился. Сунгар был сильным вождём, но достаточно умным, чтобы понимать, что некоторые из вспыльчивых варваров не потерпят моего присутствия дольше.

Варвары жили ради битвы. Это было единственное удовольствие в их суровой жизни, и битва была единственным, что могло защитить меня. Эти утгардтцы скорее будут сражаться рядом со мной, чем просто путешествовать.

— Все в порядке, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Я видел достаточно. В армии, наверное, четыреста или пятьсот орков, а также несколько других гуманоидов, но я не видел ни одного фаэримма. Мы можем быть спокойны на этот счет. Их ведет темный нага.

— Темный что?

— Нага. Это змееподобные существа, которые копят магические предметы и знания. Они прирожденные исполнители. Этот, вероятно, работает на фаэримм в обмен на новые заклинания, включая заклинания управления разумом, которые держат эту армию в узде. У нагов есть ядовитые жала на концах хвостов, и они кусаются. Они также обладают телепатическими способностями и могут читать ваши мысли, если вы подойдете к ним слишком близко. Они опасные враги.

— Ты когда-нибудь сражался с ними раньше? — спросил один из утгардтцев. — Нет, — признался я, — но я сражался с чем-то похожим, с водяным нагом, дома. И читал рассказы тех, кто сражался с другими. Нага под охраной двух бурых увальней. Это большие подземные монстры, с которыми я сражался раньше. Они могут быть смертельно опасны в ближнем бою, но медлительны и неуклюжи на открытом пространстве. Никогда не встречайтесь с ними взглядом. У них есть сила путать мысли. Держу пари, что нага привез их с собой из Подземья в качестве телохранителей. Приятно сознавать, что он может совершить такую ошибку.

— Этих монстров можно убить? — спросил Сунгар, сжимая топор.

— Я так думаю.

Варвары одобрительно закричали.

— Я сказал, что заклинания нага контролируют разум орков. Я не могу быть уверен, но это может означать, что если нага умрет, контроль закончится. Если орочьи племена в Павших Землях так разобщены, как я слышал, то в этой армии должно быть много врагов. Мы можем извлечь выгоду из этой путаницы. В конце концов, мы не можем убить четыреста орков, но двести орков могут убить двести орков.

Хитрость в стратегии, как правило, не вызывала особого восхищения у варваров, но я думаю, что утгардтцы понимали, что их обычный прямой подход здесь не будет успешным. Я снял свой посох со спины лошади и нарисовал на сухой земле грубый набросок армии, какой я ее видел. Вскоре мы разработали план сражения.

— Никто из нас не покинет поле битвы до того, как она будет выиграна, — сказал Сунгар, когда солнце уже садилось и наша кампания должна была вот-вот начаться, — или его вовсе никто из нас не покинет.

Это высказывание испугало меня, но я не мог бы сказать точнее.

* * * * *

Сунгар, я и еще с десяток человек отделились от остальных и двинулись на юг и запад, держась вне поля зрения армии. Поскольку поблизости от поля боя не было никакого укрытия, нам пришлось отойти на довольно большое расстояние. После нескольких напряженных минут ожидания мы двинулись на орков. С поля боя был слышен звон оружия. Мы смутно различали фигуры всадников, окруженных толпами орков, уклоняющиеся от копий и стрел, и слышали боевые кличи, смешанные с лязгом орочьих доспехов. — Вот, — я указал на развалины, где видел нага.

Похоже, наш план сработал. Оборона вдоль фланга поредела, когда остальные оттянули вперед еще больше орков. Мы бросились в атаку. Когда я оглянулся на утгардтцев, скачущих галопом с высоко поднятым оружием и развевающимися на ветру длинными черными волосами, я почувствовал инстинктивный ужас перед моими союзниками. Именно это и делало варваров той могущественной силой, которой они были, именно поэтому их боялись на всем севере. По правде говоря, большинство из них, вероятно, были менее искусными бойцами, чем многие из тех, с кем я сражался бок о бок или против кого сражался в своей жизни, но как зрелищу им не было равных. Но я знал, что их устрашающий облик мало повлияет на этих заколдованных орков. Некоторые орки заметили нас почти сразу и начали двигаться в нашем направлении пешком или верхом, но в целом они продолжали атаковать остальных. Они не рассчитывали на мое присутствие, но скоро об этом узнают. В этот момент я вознес одну сдержанную молитву Мистре, а другую Торму, Темпусу или Утгару, или любому другому богу, который поможет нам выиграть битву.

Сунгар использовал свой могучий топор, чтобы сбить из седла первого орка с пустым взглядом, пока я готовил заклинание. Я искал в своей книге что-нибудь, что могло бы показать Утгардту, что магия не должна быть разрушительной. Возможно, что-то с управлением погодой, могучий ветер, который сдует орков с нашего пути, но я вернулся к одному из самых распространенных наступательных заклинаний в Королевствах, которое не имеет себе равных, когда дело доходит до быстрого уничтожения большого количества врагов. Раньше я редко бросал его с лошади, не говоря уже о том, чтобы мчаться на полной скорости, но мне удалось вызвать большой огненный шар и отправить оранжево-красную сферу высоко в воздух. Вырисовываясь на фоне темнеющего неба, он был невероятно красив. Мне даже показалось, что я услышал, как кто-то из утгардтцев вокруг меня ахнул. Он приземлился прямо перед нами в плотной группе орков, разрывая их волнами пламени. Крики боли заглушили все остальные звуки. Копье ударило в бок коня варвара, ехавшего рядом со мной. Он упал на землю, и я надеялся, что ему удастся встать до того, как орки бросятся перерезать ему горло, но не мог обернуться, чтобы посмотреть. Сунгар поскакал рядом со мной, и мы вместе повели атаку к руинам, которые все приближались. Большинство орков инстинктивно увернулись от ног наших лошадей, и я послал несколько магических снарядов, метнувшихся по равнине в тех, кто этого не сделал. Вскоре между нами и развалинами образовался вполне определенный путь.

Когда мы миновали выжженное место, где приземлился мой огненный шар, я увидел впереди двух бурых увальней, но наги не было видно.

Из шеренги орков впереди выскользнул пурпурный хвост и замахнулся на меня. Его жало приблизилось ко мне так близко, что я почувствовал запах его яда. Мои рефлексy были быстрее, чем мои заклинания, и я вытащил свой посох из-за спины, ударив хвост нага так сильно, как только мог. Он тут же ускользнул, вернулся между орков и исчез из моего поля зрения.

— Куда он делся? — завопил Сунгар. Точка, где он напал на меня, теперь находилась на некотором расстоянии позади нас. Мы оба оглянулись как раз вовремя, чтобы увидеть, как нага выскочил из схватки на одного из идущих за нами утгартцев. Он застал его врасплох, вонзив клыки в его голову. Он согнул свое длинное, тонкое тело назад, стащив его с лошади и отправив назад на ожидающие клинки орков. Я выстрелил магической стрелой и попал нагу в бок. С молниеносной скоростью он снова отступил в безопасные ряды орков.

Ряды орков вокруг Сунгара и меня были слишком близко друг к другу, чтобы мы могли развернуться и встретиться с нагой на такой скорости. Мы снова посмотрели вперед и обнаружили, что приближаемся к развалинам, где нас поджидали два бурых увальня. Сунгар спрыгнул с коня как раз в момент, когда тот врезался прямо в огромные раскинутые руки увальня. Монстр схватил голову лошади, мгновенно раздавив ее, но инерция отбросила потерявшее равновесие существо назад и сбила с ног, сильно повредив когти. Другой увальень попытался стащить меня с лошади, но я увернулся, объехал небольшой круг вокруг развалин и вернулся к нему, выпустив огненную стрелу прямо в его уродливую морду.

Мое заклинание попало в цель, но существо осталось невозмутимо и снова потянулось ко мне. Я спрыгнул с лошади и, ругаясь, тяжело приземлился на спину. Мой посох куда-то улетел, а огромные жвалы увальня приближались ко мне.

Боевой топор Сунгара ударил по чешуйчатой шкуре, вызвав у зверя ужасный стон боли. Существо повернулось лицом к нападавшему.

— Не смотри ему в глаза! — крикнул я, когда Сунгар ударил снова. Орки держались на расстоянии.

В обычное время они бы набросились на нас, но заклинания нага и присутствие бурых увальней держали их на расстоянии.

Не успел я подняться на ноги, как почувствовал, что руки увальня сомкнулись вокруг моего живота. Чудовище было тяжело ранено при столкновении с лошадьё, но его объятия были достаточно сокрушительными даже в таком состоянии. Без свободных рук я не мог произносить заклинания и чувствовал, что мое дыхание начинает прерываться, а ребра готовы треснуть.

Я услышал громкий удар прямо над головой, и хватка громадины ослабла. Я выбрался на свободу и быстро развернулся, готовый выпустить еще одну магическую стрелу в мерзкое сердце монстра, но мне не пришлось.

Он упал сам по себе, и земля задрожала, когда его огромная масса приземлилась. Метательный топор утгартца был воткнут в его затылок, вероятно, брошенный кем-то из другого, более крупного отряда, наконец-то добравшегося до руин.

Я обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как топор Сунгара прикончил другого увальня, рассекая ее толстое брюхо.

Почти сразу же орки, окружавшие нас, перестали быть зрителями и бросились в атаку. Сунгар и я отступили в руины, более защищенное место, так как сломанные

колонны и древние стены обеспечивали защиту с некоторых сторон. Я скользнул в угол, чтобы сохранить те немногие заклинания, которые у меня остались, в то время как Сунгар держал вход своим топором.

— Почему нага не показывается? — спросил Сунгар. — Что за трус.

— Он хочет выжить, — сказал я, — но он также хочет победить. Он не разочарует своих хозяев-фаэриммов. Он может читать наши мысли и знает наши...

Стена позади меня рухнула. Я едва удержал равновесие и не упал. Обернулся и увидел перед собой свернувшегося клубком нага, шипящего на меня клыкастой пастью. Орки снова попятились.

— Что-то не так, — пробормотал я себе под нос, готовя очередную магическую стрелу.

Я запустил заряд в лицо монстра, но тот не попал. Вместо этого он отскочил от воздуха, окружавшего нага, и полетел обратно ко мне, ударив меня в грудь. Я отлетел назад, и агония разлилась по всему телу. Я закричал и тяжело рухнул на камни. Сунгар бросился мне на помощь, а нага весело облизнулся.

— Что он сделал? — спросил меня вождь.

— Он окутан каким-то магическим полем, — ответил я, стиснув зубы в такт пульсирующей боли. — Оно обращает магию обратно на своего владельца.

— Это не сравнится со сталью Утгардта!

Сунгар закричал и побежал вперед, размахивая своим могучим боевым топором и испуская громкий боевой клич. Нага попытался увернуться, но боевой топор попал ему в шею. Поле вокруг него замерцало, и я увидел, как топор, заряженный красной вспышкой энергии, устремился к своему владельцу. Сунгар и нага корчились от боли, и оба, казалось, были на грани обморока. Нага отчаянно взмахнул хвостом, но Сунгар, в каждом движении которого чувствовалась агония, рубанул его топором по боку, и жало отлетело в толпу орков.

Сунгар рухнул от боли, уронив топор. Нага подошел и приготовился разорвать ему горло своими клыками. Я беспомощно наблюдал. Дождь из утгардтских копий, молотов и метательных топоров полетел в тонкую, змеевидную длину нага, некоторые из них точно попали в цель. Существо корчилось от боли и издало резкий крик, который мог бы разбить стекло. Утгардтцы, наконец, врубились в ряд орков позади нас, и я почувствовал, как чьи-то руки напряглись, чтобы поднять меня с земли на спину лошади. Это был Тлуна.

— Ты спас мага, — слабо сказал я.

— Уже второй раз, — ответил он.

Я видел, как один из варваров поднял Сунгара с земли и вонзил боевой молот в уродливое лицо нага, наконец убив монстра.

Тлуна развернул коня и помчался прочь с поля боя. Я перевел взгляд на орков и увидел, что все происходит именно так, как я и предсказывал. Когда орк за орком понимали, что они вооружены и стоят рядом с членами соперничающего племени, их инстинкт не позволял задавать вопросы. К тому времени, как мы покинули территорию, драки орков против орков вспыхнули, как вереница петард.

* * * * *

Только четырнадцать из нас покинули битву, примерно треть тех, кто в нее вступил. Сунгар был наиболее тяжело ранен и принял на себя большую часть шаманских заклинаний, так что остальные из нас должны были исцелиться самостоятельно. Мы разбили лагерь неподалеку. Еды было мало, в Павших Землях почти не было растительности и дичи. Что бы обычно ни ели орки, скорее всего, это съела армия нага, поэтому несколько самых здоровых утгардтцев отправились на охоту в горы Серых Вершин на западе. Тлуна, я и еще несколько человек вернулись на поле битвы, чтобы с почетом забрать мертвецов из груды трупов орков. Несомненно, в битве уцелело несколько человек, но их было так мало, что утгардтцы считали эту победу одной из самых славных в истории своего племени, о которой будут петь великие песни. Я почему-то сомневался, что Цивилизованный Маг Арклоу удостоится упоминания.

Я осмотрел руины и обнаружил, что они были еще более сильно повреждены, чем раньше. Тем не менее, я впервые заметил, что стена, которую обрушил нага, была отмечена единственной звездой, выгравированной на камне, древним символом Мистры. Возможно, руины когда-то были частью ее храма, частью какого-то древнего города. Во мне поднялось новое чувство, совершенно блаженный покой. Я улыбнулся и в глубине души был уверен, что кто-то божественный принял меры, чтобы обеспечить нашу победу.

— Вот он! — крикнул один из варваров, и мы все бросились посмотреть.

Он нашел огромный топор Сунгара, лежащий под мертвым орком.

— Замечательно, — сказала Тлуна. — Мы можем преподнести его вождю, когда он проснется.

Я спросил Тлуну о топоре, и он объяснил, что это древний топор, уходящий корнями во многие поколения вождей племени Громовых Зверей. Никто не мог вспомнить, откуда он взялся и когда был сделан.

* * * * *

Охотники вернулись с дичью и большим количеством дров как раз к тому времени, когда проснулся Сунгар.

Меня тогда там не было, но я слышал, что его первые слова были «Выиграна ли битва?»

«Да, — заверили его, — битва была выиграна утгардтской сталью.»

Как только вождь поправился, был устроен пир, последний праздник перед тем, как племя вернется на север, домой. За мою доблесть в битве мне было позволено принять участие, и я был рад, что даже самые грубые из варваров приняли мое присутствие. Все присутствовавшие на пиру были в своих орошенных свежей кровью доспехах после недавнего боя.

Сунгар вознес молитву.

— Мы благодарим Утгара за победу, которую он даровал нам, и во имя Утгара просим, чтобы мы были сильны в битве против наших врагов. Пусть мы устоим перед нечестивыми искушениями цивилизации, магии, и пусть мы всегда сохраним север чистым.

В ту ночь, пока празднество продолжалось, мои мысли начали блуждать, и я пристально смотрел на огромный боевой топор Сунгара. Я вспомнил, как больно было Сунгару, когда он замахнулся им на темного нага, как когда мой магический снаряд вернулся ко мне, и в мгновение ока я понял, почему. Я не должен был делать то, что сделал потом. Я не совсем понимаю, почему я это сделал. Может быть, это был акт злобы. Я произнес заклинание, которое показывало ауру зачарованных предметов, и топор начал светиться светло-голубым. Вокруг нас тоже светились оружие, доспехи и снаряжение варваров. Наступила тишина, и все взгляды обратились на меня.

— Это магия, Сунгар, — сказал я. — Твой боевой топор заколдован, это магическое оружие. Вот почему тебе было больно, когда ты ударил нага. Ты можешь не одобрять магию, но тот, кто выковал этот топор, определенно одобрял.

— Что ты наделал, маг? — грозно спросил Сунгар.

— Ничего. Я ничего не сделал. Я ничего не изменил. Я просто открыл то, что было всегда. Ты всегда пользовался магией. Ты просто не понимал этого. Разве ты не понимаешь, вождь? Эта битва была не первой, когда магия спасла твоё племя. Наверное, уже сотни раз.

Выражение лица Сунгара постепенно сменилось от гнева к смирению.

— Ты оказал нам услугу, маг. Мы знаем, что нужно делать.

Он встал, взяв в руки топор, отошел от лагеря, поднял его над головой и с невероятной силой швырнул далеко-далеко на бесплодную землю Павших Земель. Один за другим остальные последовали его примеру. Этот образ никогда не покинет меня. Они взяли свои мечи, топоры, копья, молоты, шлемы и доспехи, все, что излучало магию, и выбросили их. Вскоре настоящая сокровищница магических предметов лежала в грязи. Тлуна поднялся одним из последних. Он бросил на меня печальный, но все же довольно решительный взгляд, прежде чем снять отцовский шлем и швырнуть его к остальным.

Я больше ни словом не обмолвился с Сунгаром, но на следующее утро Тлуна дал мне лошадь и проводил до края Высокого Ущелья. Оттуда я мог бы отправиться по берегам реки Делимбийр в Лаудуотер, если такое место еще существовало. Возможно, там я смогу присоединиться к другой компании искателей приключений. Возможно, я все-таки окажусь в Эвереске.

— У нашего народа есть своя история, — сказал мне Тлуна. — Дело в том, что эта область, которую вы называете Павшими Землями, когда-то была королевством магов, живших в сияющих городах. Они росли в силе, пока не перестали делать что-либо для себя. Вместо этого они заставили магию сделать это за них. Они гордились собой и считали себя способными на все. Но однажды колодец, из которого они черпали свою магию, пересох. Их цивилизация рухнула в одночасье, и те, кто выжил, были атакованы орками и другими мерзкими тварями. Все, что когда-то было их сияющими городами, исчезло под землей. Я не могу сказать тебе, правда ли эта история, маг, но я знаю одно: Утгар приказывает нам сопротивляться цивилизации, где бы мы ее ни обнаружили. Цивилизация порождает досуг, упадок и магию, которые кажутся сильными сторонами, но в конечном итоге оказываются слабыми. Мы, утгардцы, переживем всю цивилизацию. Все цивилизованные люди в конце концов станут такими, как мы.

Я долго сидел молча, обдумывая то, что он мне сказал, и то, что я сделал. Мне хотелось рассказать ему все, что я знаю о Нетериле и о создании Анороха, о том, что, возможно, его предки и, скорее всего, мои тоже, были выжившими из цивилизации, умершей от магии.

Почему-то я промолчал.

Отъезжая от Тлуны, я почувствовал под одеждой книгу заклинаний. На какое-то мгновение я задумался, достану ли её когда-нибудь снова.

О, леди Мистра! Приказывай мне. Как ты могла даровать нам такой разрушительный дар, дар, которым мы так редко пользуемся должным образом? Ибо Тлуна был прав. Это магия, которая однажды может превратить весь Фаэрун в Павшие Земли.

КОГДА ТЕНИ ПРИХОДЯТ ЗА ТРОНОМ

Эд Гринвуд

1 Киторна, год Дикой магии

Сотни крошечных звезд вспыхивали и искрились, их отражения бесшумно ползли по ярко отполированному серебру по всей комнате.

Королева Кормира поставила свой высокий бокал, откинула в сторону темное покрывало из мерцающей ткани еще до того, как леди Ласпира успела подготовить королевский магический щит, наклонилась вперед и мягко спросила:

— Да, Мрин? Ты в порядке?

Леди-Правитель Арабеля выглядела изможденной в глубине хрустального шара. Темная, рваная линия недавнего пореза от меча на ее щеке — это все, что нужно было увидеть королеве Филфаэрил и старшей военной волшебнице, чтобы узнать правду. Мирмин Ллал пожала плечами, улыбнулась и просто ответила:

— Ваше высочество, я жива.

Мирмин все еще была в полном вооружении, и они могли видеть большую, изрядно потертую рукоять ее боевого меча, лежащего на столе в пределах легкой досягаемости. Филфаэрил покачала головой в ответ на мрачную шутку.

— Недостаточно хорошо, Мрин, — и отложи в сторону мои титулы. Это я, девочка, Фи. Твой старый друг, помнишь?

— Ваше высочество, — сухо произнесла леди-правитель Арабеля, — я вижу, что вы не одни.

Настала очередь Ласпиры вздохнуть.

— Мирмин, — сказала она с легким намеком на усталость, — нас только двое. Поставь свои сапоги на стол, наполни свой кубок и скажи нам: как поживает Арабель?

Раздался приглушенный стук, когда в поле их зрения врезались два запачканных грязью каблука сапог, изящно скрещаясь в лодыжках, и быстро

движущееся золото вспыхнуло в свете свечей, когда кубок размером с человека был поднят из-под края стола.

— Хорошо, — решительно сказала Мирмин, салютуя им обоим с бокалом в руке.
— Как прикажете.

Королева Кормира усмехнулась тем же мягким, глубоким смехом, каким так часто смеялся ее муж. Леди-правитель Арабеля едва не вздрогнула от этого звука. Азун был мертв и похоронен, но в любой момент она ожидала, что он выйдет из-за угла со смехом в глазах, и...

— Мрин, — тихо сказала Филфаэрил, словно читая мысли, — я тоже по нему скучаю. Больше, чем кто-либо другой, хотя я прекрасно знаю, как сильно я его разделяла. Ради него я продолжаю день за днем поддерживать Кормир сильным. Как поживает Арабель?

— Мне так жаль, моя Королева... Фи.

Леди-правитель Арабеля в гневе на себя хлопнула ладонью по столу, пригубила — нет, сделала воинственный глоток — вина и решительно сказала:

— Город возвращён. Постоянные патрули восстановлены, закон Короны восстановлен, мы закончили чинить дороги и мосты, и большая часть ваших войск сейчас находится среди фермеров. Полным ходом идет строительство амбаров, и люди благодарят твою щедрость. Теперь может начаться *настоящая* перестройка.

Филфаэрил улыбнулась, и Ласпира откинулась на спинку стула, удовлетворенно кивая.

— Ах, Мрин, как приятно разговаривать с человеком, который думает, видит и говорит прямо. Ты даже не представляешь... эти придворные....

— О да, я знаю, — горячо ответила Мирмин Ллал. — Если бы не опасность, которую навлекут на нас их безрассудство и предательские амбиции, когда Каменные Земли так близко, и эта новая темная магия, что хуже зентов, я бы заставила тебя согласиться на мой старый любимый план.

Настала очередь Ласпиры усмехнуться.

— Заковать всех наших придворных в доспехи и отправить их к вам, чтобы они работали грязными руками, смотрели в лицо военному страху и слышали несколько суровых приказов? Не думай, что у нас не было искушения.

— Так сделай это — сказала командир Арабеля. — Если я сделаю верных и полезных людей из полудюжины придворных и умру при этом, это будет шесть замен за одного убитого — и урок, который может просто заставить остальных молчать и держаться в стороне, если уж они не захотят последовать.

— И снова потерять Арабель? — мягко спросила Филфаэрил. — Сколько хороших людей заплатят за то, чтобы вернуть его еще раз?

Мирмин кивнула, сделала большой глоток из своего кубка и сказала:

— Боги побери, Филфаэрил, но я просто не могу тебя называть...

— Нет, можешь — сказала Филфаэрил с неожиданной иронией в голосе. — Здешние придворные называют меня «ледяной шлюхой» за моей спиной, достаточно громко, чтобы быть уверенными, что я слышу. А до этого я была «одинокой долгожительницей» в течение многих лет в напоминание о любовных похождениях Азуна. И да буду я освежёвана на алтарях Ловиатар, если один из моих немногих настоящих друзей не сможет назвать меня как надлежит.

— Не позволяй лордам, которые крутятся при дворе, слышать, как вы используете это выражение, — сказала Ласпира с еще одним смешком.

— Они могут не понять.

Филфаэрил закатила глаза.

— И то верно. Я пыталась подбрасывать отборные фразы там, где их шпионы могут подслушать, чтобы заставить их задуматься, и все, что они делают, это гадают, что я имела в виду — вслух и за выпивкой, пока они не ошибаются в словах и не искажают то, что, по их мнению, я подразумевала. И мне приходится смотреть, как Лус в очередной раз борется с желанием задушить их голыми руками.

Настала очередь Мирмин усмехнуться.

— Неужели характер Стального Регента становится... менее характерным?

Королева вздохнула.

— Да, к ее чести. Но она находится вдали от седла, меча и своих молодых лордов и каждый день фехтует улыбчивой ложью ... Я вижу, как это нарастает в ней. Кто-то, когда-нибудь очень скоро, скажет одно неверное слово или сделает что-то маленькое и лишь слегка оскорбительное, и выдержка Лус сломается.

— Думаю, это будет не единственным, что сломается в королевстве в тот день, — согласилась командир Арабеля. — Но, боюсь, я отнимаю у тебя слишком много времени, Фи. Ты должна знать кое-что еще о здешних событиях.

Королева кивнула и улыбнулась.

— Говори.

— Видели испуганных зентов, убегаящих из Каменных Земель, — ответила Мирмин. — О да, в это трудно поверить, но я и сама кое-что видела. Они, вроде бы, болтали о великих магических битвах между могущественными волшебниками и ужасными летающими зверями.

Королевская бровь поднялась.

— По-видимому?

— Так говорят тюремщики, и они знают дело. Завтра я настроена допросить единственного живого пленника, который у нас есть.

Ласпира пристально наблюдала за правительницей Арабеля через кристалл. — Это была твоя лучшая новость, — тихо сказала она. — А теперь расскажи нам остальное.

Мирмин подняла покрытую шрамами руку с длинными пальцами.

— Только одна, благодарение богам за маленькие милости. Наши патрули прочесали весь восток.

И что? — Голос королевы был нежен, как будто она успокаивала плачущего ребенка.

— Тильвертона нет, — прямо сказала Мирмин. — Полностью, совершенно.

— Разрушен, — пробормотала Филфаэрил. Это был не вопрос. Леди-правитель Арабеля печально кивнула ей в ответ через магическое стекло, а королева вздохнула, откинула голову и добавила ровным голосом: — Спасибо, Мрин. Приятно слышать правду, а не...

— Сладкие слова придворных, — тихо произнес Ласпира. — Наша благодарность, Мирмин. Поспи немного.

Правительница Арабеля одарила их кривой улыбкой и насмешливым стоном.

— Это и был мой сон, леди. Боги храни вас в добром здравии, а Кормир — в лучшем.

Она отсалютовала кубком, спустила ноги на пол, взяла меч, и кристалл потемнел.

— Храни *тебя* боги, Мрин, — тихо сказала королева, глядя на него. — Один из немногих настоящих клинков, которым мы можем доверять. О, их так мало...

— Леди королева, — сухо произнес Ласпира, — мы можем впасть в отчаяние только тогда, когда дела королевства дают нам время для подобных поблажек.

Голова Филфаэрил резко повернулась, ее глаза вспыхнули огнем, и она одарила старшую военную волшебницу кривой улыбкой. Королева склонила голову и прошептала:

— Приказывай мне.

— Моя королева! — воскликнула Ласпира, по-настоящему потрясенная.

Филфаэрил закатила глаза и сказала:

— Ну тогда, добрая леди, что же ты теперь посоветуешь?

— Алусейр должна быть проинформирована — сказала Ласпира, кивая на кристалл. — Как и придворный маг, чтобы она могла отдать приказы военным волшебникам.

Королева Кормира подняла обе брови.

— Ты забыла, как отдавать приказы?

Старшая военная волшебницы вздохнула.

— Она была выбрана Ванги, и мы не можем ожидать, что она будет сильной и преданной в следующий час великой нужды, если мы не позволим ей хотя бы отдать простой приказ здесь и там. Я не хочу быть придворным магом, леди... Фи. И никогда не хотела. К счастью, Калэдней тоже.

Королева кивнула.

— Такие служат лучше всех.

Ласпира кивнула на старую максиму вместо того чтобы скорчить рожу или высунуть язык, как она могла бы сделать в другое время и в другом настроении. Она просто добавила тихим, усталым голосом:

— Там все еще есть хазнеф, и я не думаю, что кто-то из нас истосковался по очередному магическому переполоху.

Филфаэрил снова кивнула и поднялась, шурша шелком платья.

— Я расскажу Алафондару все, что ему нужно.

Ласпира улыбнулась:

— Оставишь Лус мне? Ну спасибо.

— Не за что, — сладко ответила королева Кормира. Она выскочила из комнаты, в одно мгновение каким-то образом превратившись в великую вдовствующую королеву.

Ласпира криво улыбнулась безмятежной королевской спине и повернулась в другую сторону, чтобы выйти через темную дверь.

* * * * *

Должности как-то размножаются. Огромная, взаимосвязанная крепость королевского Двора теперь была больше самого дворца и почти полностью защищала — или, скорее, отрезала — резиденцию Обарскиров от большей части города Сюзейла.

И все же, какой бы гигантской она ни была, придворные размножались быстрее. Они высыпали из ее огромных арочных дверей, заполняя двор и сам дворец. Двое из них, в ярких развевающихся плащах, стояли у мерцающего гобелена — сияющей бирюзовой сцены ползающих синих драконов, которую всегда любила Ласпира. Они явно ждали ее, поэтому Ласпира направилась к ним, не давая им заметить ни малейшего колебания в ее походке.

На их лицах были легкие ухмылки людей, которые беззаботно считали себя хозяевами государства, и на мгновение, приближаясь к ним, старшая военная волшебницы ненавидела их достаточно, чтобы превратить их в мышей или пепел под ее сапогами. Как они посмели прокрасться в личные покои королевской семьи, чтобы погреться ближе к пламени власти, чем их товарищи, перед которыми они притворялись, что наслаждаются личным доверием Обарскиров. Когда они перестали бояться стражников или, если уж на то пошло, быстро шагающих военных магов?

— Добрая леди ... — начал один из них, преграждая ей путь, и его улыбка была почти насмешливой.

— Милорды, — прервала их Ласпира, не замедляя шага и не отходя в сторону, — у вас есть личное дело к королеве? Или вы просто заблудились?

— Ха-ха, — ответил придворный с тем нетерпеливым, пустым весельем, которое своим тоном сообщает, что человек собирается сказать что-то важное, к чему следует, нет, *необходимо* прислушаться.

— Леди Ласпира, — твердо сказал другой придворный, встав прямо у нее на пути, — на самом деле мы пришли повидать именно вас. Это дело срочное и деликатное... касательно власти над магией.

Ласпира призвала силу кольца, украшавшего руку, которую она держала низко позади себя, и шагнула прямо на говорившего. Ее щит, невидимый и заметный только как слабый, высокий поющий звук, отбросил мужчину назад, заставив его на мгновение замолчать. Высокая, стройная женщина в темном платье считалась могущественным магом, да, но он должен был весить почти вдвое больше, чем она, и как, во имя всех богов...

— Да, — раздался смеющийся голос придворного в неловкий момент отступления его спутника, — видите ли, нам нужно увидеть королевского мага.

— Боюсь, что вы ошиблись королевством, господа, — бросила им через плечо Ласпира, шагая по коридору. — В Кормире у нас есть придворный маг, также известный как «маг короля». У нас нет «королевского мага».

— Да ладно, ладно, — возразил смеющийся придворный. — Леди, вы прекрасно знаете, о ком идет речь!

Ласпира обернулась с предупреждением в глазах и ответила:

— Да, так уж случилось, что я знаю — и поэтому недоумеваю, почему вы пришли ко мне. Придворный маг дает аудиенции по времени, которое вам хорошо известно,

и более частные встречи с ней могут быть согласованы через придворных клерков. Их офисы расположены значительно южнее.

Она указала пальцем через удобное окно на внушительную громаду королевского двора, затем повернулась на каблуках и зашагала дальше.

— Леди! — насмешливо запротестовал веселый придворный. — Мы не дети! Мы

— ...заблудились до такой степени, что забрели через широкий двор не в то здание по какой-то другой причине, господа? Может быть, чрезмерное употребление алкоголя? — мягко произнес новый голос, когда его владелец вышел из дверного проема, преграждая им путь.

Это был Бдительный Меч Дворцовой стражи, и он был не один. В мгновение ока оба придворных очутились в кольце не улыбчивых Пурпурных Драконов. Гвардейцы, которые держали оружие наполовину обнаженным и выглядели так, словно никогда за всю свою долгую нелегкую жизнь не научились улыбаться.

Ласпира позволила себе удовлетворенно ухмыльнуться на быстроту ответа на песню ее щита, которая была бы очень громкой в этом караульном помещении, но лишь мысленно. Ее лицо было обычной приятной маской, когда она пронеслась мимо другого придворного — сына благородного рода Хелмстоунов, который имел побольше прав находиться на этом этаже дворца — прежде, чем тот успел оторвать взгляд от слуги, которому угрожал увольнением, и поспешно крикнуть:

— Леди! Леди-волшебница!

Ласпира не ответила и не замедлила шаг, и поэтому, конечно, он попрыгал за ней.

— Леди Ласпира, я должен поговорить с вами!

Не позволяя вздоху проявиться в ее тоне, она спросила:

— Вы уверены, лорд?

— Ну, вообще-то, да.

Ласпира, не замедляя шага, свернула за угол.

— Тогда говорите, — спокойно сказала она.

— Здесь? Посреди коридора?

— Почему бы и нет, лорд? Вы находите коридоры как-то... испорченными?

— Нет, нет, вы меня не поняли, леди. Я почти боюсь, что вы сделали это намеренно. Я... просто дело в том, что я должен поговорить с вами, гм, насчёт, будущих дел некоторой деликатности, связанных с леди Калэдней, и

— Лорд Хелмстоун, — ответила старшая военная волшебница, — боюсь, что обсуждать предложение руки и сердца с кем-либо, кроме леди, на которую вы имеете виды, неразумно, как и обдумывать что-либо подобное, не получив предварительно одобрения вашего довольно грозного отца.

— Чт... брак? С такой, как она? Леди, вы глубоко ранили меня.

— Нет, лорд, еще нет, — пробормотала Ласпира, проходя под аркой и огибая очередной угол. — Пока нет.

Младший лорд Хелмстоун поспешил за ней, все еще брызгая слюной от возмущения.

— Леди, я протестую! С аристократами королевства шутки плохи, даже для... Ласпира развернулась так быстро, что он был вынужден схватиться за роскошную

статуэтку на пьедестале, чтобы замедлиться и чтобы не врезаться в нее. Увидев, на какую округлость он положил руку, он поспешно отдернул пальцы.

Ее голос был тихим и спокойным, когда она заговорила, но, тем не менее, он полностью стер румянец с его лица.

— Молодой человек имеет ещё меньше благоразумия, чем манер? Я повторяю, лорд Хелмстоун: прежде чем вы снова откроете рот во дворце, обратитесь за мудрым советом к своему отцу.

Военная волшебница развернулась на каблуках, шагнула в следующую арку — и обнаружила, что настала ее очередь резко остановиться.

— Он так и сделал, — произнес глубокий голос тоном вызывающим, как удар меча, — и теперь делает именно то, что я ему велел. Он пытается, по-своему, правда, менее прямолинейно, чем это могло бы быть, сказать вам чистую правду. Леди Ласпира, вас мы знаем и принимаем, хотя некоторые из нас не доверяют скрытной женщине, и к тому же простолюдинке, обладающей такой властью. Вы снова и снова демонстрировали свою преданность Короне. Вас мы приняли бы как мага короля, но не другую таинственную женщину — еще одну простолюдинку, пробивающуюся к власти над нами. Не эту безродную Калэдней. Я лишь хочу предупредить вас об общем настроении. Король Азун ушел, леди, и наша терпимость к бесчинствам тех, кого он оставил, ослабевает. Мы больше не будем этого терпеть.

— Король Азун *Пятый* жив и здоров, уверяю вас, — ответила она. — И кто, милостивый лорд Хелмстоуна, «мы»?

Голос Ласпиры был острым как бритва ледяным кинжалом, но старший лорд Хелмстоун не дрогнул. А вот его сын — да, как подсказал шаркающий звук позади Ласпиры. Но ее щит все еще был поднят вокруг нее. Если внезапное честолубие или «патриотизм» заставит его стать напасть на ненавистного военного мага, чтобы неким образом «очистить» королевство, ее спина не останется незащищенной.

— Главы большинства благородных домов Кормира, леди Ласпира, — тихо сказал Хелмстоун.

— Цвет королевства. Чьи мечи и монеты решают, выстоит или падет Трон Дракона.

— А если бы я публично осудила эту измену, лорд?

— Как сказал нам всем сам король Азун *Четвертый*, — это не измена — искать того, что лучше для королевства.

Хелмстоун серьезно посмотрел на нее и пробормотал тоном, который едва достиг ее ушей:

— Теперь вы должны быть магом короля, леди, а не какая-то выскочка с гор.

— Вы так ясно понимаете, милорд, что лучше для Кормира? — тихо спросила его Ласпира все еще ледяным голосом. — Может быть, лучше, чем волшебник Вангердагаст?

Хелмстоун покачал головой.

— Я не питаю любви к старому волшебнику, леди, но с ним, по крайней мере, я знал, чему не доверяю.

Он отстранился и взмахнул рукой в знак того, что его сын должен немедленно удалиться.

— Я вижу, что наше время здесь потрачено впустую. Вы тоже, должно быть, одурманены чарами новой ведьмы.

Ласпира покачала головой, почти так же изумленная, как притворялась. — Неужели вы *настолько* вы не понимаете, что делают волшебники?

Ответом Хелмстоуна, когда он отодвинул занавеску, чтобы войти в дверь, о существовании которой не должен был знать, было угрожающее рычание.

— Наше любимое Лесное Королевство и впрямь переживает мрачные дни, — сказал он, — если последние увядающие ветви семейства Обарскиров теперь пляшут под дудку коварных ведьм. Необходимо принять меры.

В дверном проеме, моргая, стояла испуганная служанка с подносом графинов в руках. С гневным рычанием аристократ позволил занавеске упасть прямо ей на лицо, развернулся и зашагал мимо Ласпиры обратно по коридору вслед за сыном. Занавеску робко отодвинули в сторону.

«Пожалуй, и я мало знаю о дворянах,» — читалось в пожатии плеч Ласпиры. И она отправилась на поиски Стального Регента. Короткий путь туда, где должна была находиться Алусейр, казался очень длинным.

Миновав какой-то дверной проем, она едва заметно кивнула лицу, смотревшему на нее из темных глубин, и молча зашагала дальше. Оттуда, вслед за старшей военной волшебницей, шагнул человек, ответный кивок которого был еще более деликатным. Гларастир Рейлиган, торговец башнями и шпилями, беззаботно пошел за взбешенным аристократом, напевая на ходу популярную уличную песню.

Далеко в коридоре Ласпира напряглась, узнав мотив, и медленно и печально позволила настоящей улыбке коснуться своих губ. Эта мелодия называлась «Погибель магов, королей;

Найдем гробницу поскорей». Действительно.

* * * * *

Благородные лица, глядевшие в яму, были бледны и покрыты потом. Одно дело насмехаться над страшилками, услышанными в юности, считая их чистой ложью, сплетенной слабоумными. И совсем другое — видеть, как они оживают и корчатся от боли внизу, раненые, да, но такие большие и могущественные в магии и такие пугающе близкие.

«Нетерил, наш когда-то. Берегитесь, люди. Великое зло вернуло тени теневых темных волшебников. Город Шейд теперь вернулся. В пустыне нашего изобретения. Протянет руку, захватит лучшие земли — вот эту! Скоро, замышляя заговор даже сейчас! Вырываются из изгнания, прячась ползком, невидимые, чтобы захватить то, что по праву принадлежит нам, по великому признанию должного ранга, уважение бардов. Слабые женщины на троне, невежественные, будут ли это ее, будет слишком поздно. Вы единственная надежда Кормира, Вы ее спасение!»

Шипящий мысленный голос умолк, но его эхо все еще гремело в их головах, и когда Хальвундрар Кормаэрил с трудом смог заговорить, его голос был хриплым, медленным и прерывистым.

— Что... мы должны делать?

«Храни тайну, храни молчание, внимай моим словам!»

Голос замедлился, мысленно произнося каждое слово осторожно и твердо, как рассерженный отец может предупредить ребенка о чем-то очень важном. *«Маг короля должен быть убит. Сначала достань у нее ключ от Хранилища Илтарла. Там очень мощная магия. Возьми его, очисти свою прекрасную землю и посади на трон кого-нибудь подходящего. Например, себя самого. Скоро придет время нанести удар. Очень скоро.»*

В их сознании внезапно возник яркий образ: длинный ключ, серебро которого потускнела от времени, с большой рифленой бородкой и головкой в виде головы дракона с разинутыми челюстями.

Тьма опустилась, как занавес, и их разумы снова принадлежали им. Они не видели ни ямы, ни дрожащего в ней нелепого, похожего на трубу тела с когтистыми руками и беспокойно шевелящимся жалом.

Маэрлин Блет вздрогнул. Так это был фаэримм. В его голове прокрутился образ ключа, который они должны были отобрать из-под носа у придворного мага перед ним, и снова пропал.

Летающий город теневых волшебников, вернувшихся из древнего Нетерила. Все Королевства в опасности, Кормир — ближайшая добыча ... оно использовало их, это существо в яме, использовало их, как безмозглый скот, которым оно так явно и презрительно их считало. Когда придет время, его заклинания набросятся на них или ударят в самое сознание. Но заговоры легко произносятся и труднее исполняются. Ошибки неизбежны — о, разве боги не учили этому слишком многих кормирских аристократов? Могучая магия всегда стоящее оружие, и если Кормир был обречен, после всех этих столетий, по крайней мере, Дом Обарскир мог быть первым повержен в давно заслуженной боине, до последней кричащей женщины. Насмешки стерлись бы с их лиц, когда они увидели бы, что дворяне, которых они и их предки так обидели, наконец пришли отомстить.

Маэрлин знал, что он ухмыляется, как волк. Зубы блеснули в тусклом свете вокруг него, когда они вместе поспешили из пещеры. Все его товарищи по заговору тоже свирепо ухмылялись.

Ах, как было бы хорошо, если бы Обарскиры наконец получили свое.

* * * * *

Стальной Регент ударила снова, кряхтя от усилия, и Калэдней пошатнулась. Каждый удар Алусейр был как молотом по ее голове, и маг короля быстро начинала ощущать ослепляющую головную боль.

Обе женщины промокли насквозь и, шатаясь, кружили друг вокруг друга. Хлопковые туники прилипли к их изгибам, а непослушные волосы выбились из мокрых платков. Боги, но принцесса была быстра как атакующая змея! Ее деревянный тренировочный клинок снова взметнулся, и на этот раз Калэдней увернулась, чтобы избежать парирования, спотыкаясь от усталости. Ее собственный меч был полосой силы без лезвия, поддерживаемой только ее волей. Алусейр пробила ее защиту, клинки связались, и Калэдней закричала от боли.

— Нет, — прорычала Стальной Регент, когда маг короля ахнула и подняла руку в жесте капитуляции, — не останавливайся! Аристократ-убийца не остановит свою сталь потому что ты махнешь ему, что запыхалась.

Они снова начали кружить друг вокруг друга, обе покрытые песком тренировочного поля, где они до этого сцепились в схватке, пинаясь и кувыряясь. Шамра Целительница стояла, внимательно наблюдая за ними, готовая вмешаться, если кто-то потеряет самообладание и зайдет слишком далеко или получит рану в самый неподходящий момент.

— Я не... искала этой должности, — прорычала маг короля между вдохами. — Мне не нужен был этот титул... эти обязанности...

Усмешка Стального Регента была столь же кривой, сколь и свирепой.

— Я уже слышала эти слова раньше, отражающиеся эхом от зеркала в моей спальне.

Ее клинок резко ударил.. Калэдней снова закричала от боли в голове и деревянного клинка, скользнувшего под грудь, в сердце. Она положила руку на оружие Алусейр и наклонилась, чтобы отдышаться, печально размышляя о том, что она не была наполовину мастером меча, как принцесса.

— Вы славно умерли? — спокойный вопрос заставил обеих задыхающихся, вспотевших женщин поднять глаза. Голос принадлежал Ласпире, и она никогда не беспокоила их на тренировках, если только дела не были срочными или крайне важными.

Калэдней с улыбкой отмахнулась от вопроса, пытаясь отдышаться.

Алусейр передала свой меч целителю, сошла с песка и спросила:

— Какие новости, Ласп? Старшая военная волшебница сообщила новости из Арабеля и о ее встречах с различными бормочущими критиками мага короля по пути к ним, в то время как две женщины сняли свои туники и головные платки, умылись мятной водой, вытерлись полотенцем и надели свежую одежду. Шамра протягивала Калэдней ленту для волос, а Ласпира пересказывала слова старшего лорда Хелмстоуна, подражая его тону так же точно, как и припоминая его высказывания.

Маг короля нахмурилась, напряглась и резко сказала:

— Позже, леди!

Место, где только что стояла Калэдней, внезапно опустело. Шамра протягивала ленту пустоте. Она моргнула, спокойно повернулась и положила ленту обратно на столик, с которого взяла ее. Алусейр и Ласпира обменялись удивленными взглядами.

— Один из ее сигналов сработал, — пробормотала военная волшебница. — Интересно, какая катастрофа разыгрывается сейчас?

Принцесса вздохнула и направилась к двери, на ходу завязывая волосы.

— Я скучаю по Вангердагасту, — сказала она. — Он тоже никогда ничего тебе не говорил, но эта его насмешливая, раздражительная манера каким-то образом убеждала тебя, что у него все под контролем. Я скучаю по этому чувству.

Улыбка Ласпиры, когда они вместе вышли из тренировочного зала, была слабой.

— Ты не единственная. И я тоже. Дворяне никогда не были так беспокойны под взглядом Ванги.

* * * * *

Позади них целительница улыбнулась. По привычке она повернулась, чтобы убедиться, что ничего важного не забыто, и задела деревянным мечом Алусейр о дверной косяк. Он все еще был мокрым от пота и выскользнул из ее пальцев, но так и не упал на пол.

На мгновение рука Шамры превратилась во что-то темное и очень похожее на щупальце, которое выхватило клинок из воздуха и снова превратилось в тонкопалую руку целителя. Она была одна, спина Ласпиры как раз исчезала за аркой.

Подняв деревянный меч в руке, целительница позволила себе улыбнуться шире. Не настолько, чтобы продемонстрировать клыки или показаться странной, но нетерпеливой и смертельной, под стать внезапному огоньку в ее взгляде. Скоро, наконец, настанет время действовать... Очень скоро. Обладая достаточной магией, она могла бы удержать трон, если бы захватила его. И это было бы легко. Свернуть шею младенцу, заставить Алусейр одну и подвергнуть ее той же участи, прежде чем разнесется весть о гибели маленького Азуна... затем убить Филфаэрил, принять ее облик и разыграть скорбную королеву, ожидающую, чтобы за ней ухаживал достойный дворянин.

Было бы не так уж плохо править таким прекрасным королевством, если бы она могла удержать всех этих идиотов от его разрушения.

— Что я могу сказать, милорд, чтобы убедить вас присоединиться к нам?

Старший лорд Хелмстоун был разгневан: боги небесные, неужели он не видит, что это правильно? В конце концов, он не был тупицей.

— Ничего такого, что пришло бы мне в голову, — ответил лорд Эверран Саммертри резким от неодобрения голосом. — Кормир не может позволить себе... Хельмстоун, *мы* не можем позволить себе еще одну войну прямо сейчас, когда так много убитых и поля засеяны, а сембийцы жаждут хапнуть землю такую цену, чтобы голодающие крестьян едва сумели согреться и наесться в течение предстоящей зимы. Нашему королевству нужен мир для восстановления, а не очередная мелкая ссора из-за того, на чьих плечах лежит тот или иной титул, или даже чей зад греет Драконий Трон!

Лорд Хелмстоун вздохнул — гневный порыв человека, раздраженного упрямым идиотизмом. Он медленно перевел дыхание, вскинул подбородок вперед, как оружие, и прорычал:

— Придет время, Саммертри, когда вы поймете, что к чему. Я только надеюсь, что будет не слишком поздно. В конце концов вы поймете, что просто обязаны выступить против этих ведьм и глупых женщин, которые теперь невесть как управляют нами и этим пятнают светлую память о величии Азуна и Кормира!

На балконе, вернее, прямо под ним, где он висел на кончиках пальцев, Гларастир Раулиган закатил глаза. Неужели все эти аристократы учились своей напыщенности в одной и той же школе? Или Повелитель Предателей ответил на их молитвы, наполнив их умы одинаковыми величественными речами в духе «я делаю это ради блага королевства»?

— Если бы вы действительно заботились о благе Кормира, —холодно ответил лорд Саммертри, —Вы бы посватались к Алусейр и заставили своего сына ухаживать за магом короля, а там уже, преуспев или проиграв, получили бы возможность нашептывать им на ухо о политике и позициях, которые, по вашему мнению, должно принять королевство.

—Взять в жены это извержение огня? Привязать моего сына к *простолюдинке*?

— О, перестаньте пищать, милорд. Не прошло и двух столетий с тех пор, как ваш род получил дворянство, а сейчас вы едва ли подходите для этого. Когда-то мы все были простолюдинами. Что касается укрощения принцесс —считайте, что это лучшее развлечение, чем протыкать копьями оленей и нескольких тощих кабанов. По крайней мере, это заняло бы вас, и...

— И держало подальше от вас? Это я могу сделать, милорд! Доброго вам дня!

Прощальное пожелание лорда Хелмстоуна походило на рев, и когда он резко развернулся и выбежал, то отпихнул с дороги слугу-виночерпия с такой яростью, что один из лучших графинов Саммертри со звоном ударился о стену коридора.

Хозяин с ободряющей улыбкой отослал слугу, плотно закрыл дверь, поставил на место засов и направился к своему столу. Но, похоже, лорд Саммертри в этот момент был не в настроении писать. Он обошел кресло, не останавливаясь, и с удивительной быстротой для человека столь мускулистого и сидящего отдернул гобелен, скрывавший дверь в гардероб. Меч лорда был наполовину обнажен, когда он смотрел в широко раскрытые глаза все еще потеющего мага короля. Он вежливо спросил:

— Надеюсь, вы услышали все, что хотели. У вас есть веская причина объяснить мне, почему я не должен просто проткнуть вас этим славным клинком прямо сейчас, как я сделал бы с любым забравшимся вором?

Калэдней откашлялась.

— Вы не боитесь моего Искусства?

Саммертри криво улыбнулся ей в ответ.

— Разве вы не должны бояться моего?

Большее из двух богато украшенных колец на его левой руке мигнуло, и вокруг аристократа появилась поющая, сияющая аура. Он отступил назад и выхватил меч. В тишине они оба наблюдали, как сияние, которое соответствовало щиту Саммертри, пробудилось в его клинке и начало бесшумно мчаться по его ярким, острым краям.

— Нет, — решительно сказала маг короля, вскинув голову. — Я знаю, что вы верны Короне, и поэтому мне нечего бояться.

Саммертри поднял бровь.

— Я не знаю, кому верны вы, — мягко ответил он, поднимая меч так, чтобы его острие оказалось на волосок от хлопка, покрывающего ее грудь, —поэтому стоило бы.

Клинок поднялся, угрожая ее горлу.

— Кто такая Калэдней на самом деле? — спросил аристократ почти мурлыкающим голосом. — Откуда нам знать, *действительно* ли Вангердагаст выбрал вас, а если и выбрал, то что он планировал для нашего прекрасного королевства? Кому он по-настоящему предан и кому служите вы? Я снова

спрашиваю: почему бы мне просто не пронзить вас сейчас, как того хотят многие горячие головы среди нас, носящих титулы?

Сталь сверкнула, когда в комнату вошел Гларастир Раулиган.

— Потому, милорд Саммертри, — твердо сказал он, — что поступить так значило бы стать предателем — человеком, которого я был бы вынужден казнить, даже в его собственном поместье, за столь жестокое убийство и преднамеренную измену Короне.

Эверран Саммертри не привык, чтобы к нему так безмолвно подкрадывались незнакомцы — по крайней мере, в его собственном кабинете — с кинжалами в руках, готовые метнуть их в него. Если старый лорд был удивлен, то Калэдней — еще больше.

Кто вы? — спросили они почти одновременно.

Гларастир улыбнулся легкой улыбкой и ответил:

— Я думаю, на самом деле вы хотите спросить меня, кому я служу. Что ж, я время от времени играю на арфе и ношу с собой перстень с Пурпурным Драконом, с моим именем, выгравированным самим Азуном IV, и коронное поручение от Вангердагаста.

Лорд Саммертри покачал головой.

— Похоже, сегодня вечером мои личные покои превратились в популярное крыло двора, — заметил он, протягивая руки обоим своим гостям. — Выпьете со мной вина?

Две головы одновременно покачали, вежливо отказываясь. Человек, вошедший с балкона, поднял другую руку, и лорд Саммертри увидел, как свет его любимых ламп блеснул на острие очень острого длинного меча. Когда он в первый раз задумался, не умрет ли сегодня вечером, откуда-то совсем близко вспыхнул другой свет, и маг короля исчезла.

Двое мужчин посмотрели друг на друга и пожали плечами.

— Приятного вам вечера, лорд, — тихо сказал Гларастир, прежде чем сделать два быстрых шага и перепрыгнуть через перила балкона в сгущающиеся сумерки.

— Поздновато для этого, вам не кажется? — пробормотал лорд Саммертри после того, как некоторое время простоял один с поднятым мечом.

Аккуратно положив его на стол, он подошел к буфету, недрогнувшей рукой налил себе бокал любимого вина и задумчиво вышел на балкон, чтобы посмотреть на, что барды любят называть «мягкие летние звезды».

Щупальце, которое ударило его по глазам и рту и сломало шею быстрым, жестоким рывком, прежде чем выхватить дрожащее, дергающееся тело дворянина из поля зрения, сопровождалось спокойным, слегка хриловатым женским бормотанием:

— Еще как поздновато, милорд Саммертри, но еще не слишком поздно, чтобы вы передумали и присоединились к заговорщикам.

На мгновение, когда она согнула пару щупалец и небрежно бросила большое, безвольное тело на крышу поместья на поживу воронам, фигура, которая говорила, напоминала Шамру Целительницу. Момент, и она уменьшилась и сгустилась, приняв грузный облик многоуважаемого бездетного холостяка-аристократа. Босиком она

побрела в гардеробную, чтобы выбрать одежду, на ходу подхватывая упавший кубок.

Когда несколько мгновений спустя она двинулась через кабинет к двери и засову замка с полной уверенностью и почти точной походкой лорда Саммертри.

По крайней мере, у нее была эта пыльная комната, защищенная заклинаниями лорда Вангердагаста, чтобы никого не впускать, в качестве убежища. Прямо сейчас Калэдней из-за крайне сильной головной боли — и это было мягкое слово для того, что она чувствовала — нуждалась в этом.

Когда ее голова зазвенела и закружилась, она схватилась за виски, тихо проклиная всех жадных дворян, которыми Кормир, казалось, был так щедро одарен. Прокляни боги их всех! Даже здесь, во дворце, они кружили, как стервятники, вокруг гробницы Азуна, не сводя глаз с трона. Она не хотела ничего из этого — маг короля, придворный маг и леди мастер военных волшебников и все остальные колючие, сладкие слова при дворе.

Лесное Королевство было прекрасным местом, и она чувствовала себя как дома — это и был дом — но почему она не могла просто поселиться в старой, ветхой хижине в лесу и творить там магию в одиночестве? С каждым месяцем это чувство нарастало в ней все сильнее. Калэдней знала, что может творить удивительные вещи, если найдет время, чтобы попытаться управлять своим колдовством так-то и так-то, наблюдать и пробовать снова,

высвобождая магию, которая была истинным Искусством, а не этими сухими надписями, которые так любили волшебники.

И все же вокруг нее во мраке были заклинания, которые оставил ей Вангердагаст. Полки за полками заполняли толстые, загадочного вида книги и с вкраплениями пожелтевших свитков. Сотни и тех, и других. Пыльные фолианты, загадочные символы и корявые надписи — вещи, которые любили книжные волшебники, да, но чтение хотя бы одного из них пробуждало в ней что-то, пробуждало ее магию и делало способной на большее... даже если это не имело никакого отношения к написанному заклинанию. Она никогда не получила бы доступа к таким сокровищам, если бы лорд Вангердагаст не назначил ее своей преемницей.

— Так, возьмем этот свиток, — пробормотала она вслух, потирая голову от боли. Она нашла его вчера в затынутом паутиной углу, который, похоже, не трогали с тех пор, как был построен дворец... когда бы это ни было. Перевод (самим Бераблем!) из *«Имен Власти»*. Слова, связанные в чары, вотканные в Плетение в самом древнем Нетериле. Произнести одно из них значит призвать к себе нетерезского архимага, чтобы он оказал одну услугу. Несомненно, большинство этих слов принесло бы только облако могильной пыли и, возможно, несколько крошащихся костей, но все же... подумать только! Магия, созданная, когда не было Кормира, и драконы правили большинством современных королевств. Бережно собранная здесь, забытая, да, но охраняемая, как сокровища, для того, чтобы кто-то спустя долгие века нашел ее. Некто по имени Калэдней, странствующая искательница приключений и наемная

чародейка. Простолюдинка, ничтожество... *девка низкого происхождения, поставленная над нами.*

Маг короля вздохнула и пробежала глазами список Имен Силы, задаваясь вопросом, не преследовали ли подобные интриги их давних владельцев. Возможно, если Нетерил был хоть чем-то похож на Кормир или Халруаа. Братчаселент. Каталегонт. Тарен. Кто они были?

Калэдней вздохнула. Именно это она и хотела знать, а не то, какой неистовый аристократ хотел, чтобы ее сегодня утром выпороли и повесили.

Боги, она могла бы только порадоваться этому сейчас! Маг короля опустила голову на стол и застонала, размышляя, как овладеть своим Искусством, чтобы подавлять головную боль.

* * * * *

Глаза сияли, как бледные луны во мраке, над мокрыми шарфами, которые не давали им чихнуть в густой, покрытой паутиной пыли. Этот тайный ход был забыт даже Обарскирами, как и говорил фаэримм. Маэрлин Блет резко поднял голову, скорее почувствовав, чем увидев обнаженный клинок. Хальвундрар Кормаэрил молча посмотрел на него и резко дернул головой, указывая на острие меча, который медленно и очень слабо начал светиться. Маэрлин уставился на него и в его мягком растущем свете увидел деревянную поворотную защелку рядом с ним — одну из трех по краям двери или панели, которую Кормаэрил теперь терпеливо обводил.

Рука Хальвундрара сомкнулась на одной из них, и он указал клинком на другую. Маэрлин потянулся к ней, но Илрин Мерендил — Маэрлин мог только разглядеть линию его короткой, закрученной бороды — уже был там, оставив Маэрлина, взяться за следующую. Класкер Голдсورد и Альдет Дракохорн протиснулись мимо. Их мечи поразительно громко заскрежетали на фоне приглушенного дыхания. Это вызвало в их сторону яростный взгляд Кормаэрила, и он снова указал на защелки. Вместе, неторопливо и осторожно, они повернули сухое, крошащееся дерево с того положения, в котором оно находилось, возможно, столетие, и панель сдвинулась под их пальцами. По кивку Кормаэрила (и кто вообще назвал *его* лордом их маленького отряда?) Маэрлин осторожно потянул за защелку, используя ее как ручку, одновременно с Мерендилом. Панель легко отодвинулась, проливая свет в их коридор — свет, окрашенный в малиновый цвет гобеленом перед ними. Из-за нее, когда они осторожно отодвинули панель, послышались женские голоса.

Два: принцесса и маг короля, обсуждающие возможных предателей при дворе и то, что с ними делать.

Маэрлин увидел, как Кормаэрил свирепо ухмыльнулся иронии судьбы, и ответил невеселой улыбкой. Он снял с пояса тяжелый плащ и встряхнул его. Плащ станет его собственным вкладом в планы фаэримма. Он пролетит над головой девки Калэдней так быстро, как только сможет, чтобы она не взорвала их магией прежде, чем они смогут вонзить в нее свои клинки. Рискованно, да, но он предпочтет схватку с молодой, неопытной магом короля, чем скрестить клинки со Стальной Принцессой!

Хальвундрар Кормаэрил пригнул голову, занес клинок над плечом и в яростной тишине рванулся вперед — и все они бросились вперед, на свет, ожидая, когда раздастся крик.

Но криков так и не последовало.

* * * * *

Руки Глаластира дрожали, когда он положил кристалл вызова, который только что разбил.

— Если я ошибаюсь, — пробормотал он, — я возьму вину на себя.

— Если ты ошибаешься, добрый Раулиган, — твердо сказала королева Кормира, — я возьму вину на себя. Лорд Вангердагаст все еще многим мне обязан, и...

В дальнем конце кровати вспыхнуло пурпурно-белое пламя. На его фоне они увидели Ласпиру и четырех доверенных верховных рыцарей, корчащихся в агонии. Корчащихся — и рушащихся на пол. Затем свет исчез, и обжигающим последним отблеском над спящим младенцем-королем затрещали порывистые молнии. Магический щит Ласпиры рушился.

— Ласп! — рявкнула Филфаэрил, скользнув вперед и выхватывая кинжал из-за пазухи со скоростью, заставившей Глаластира моргнуть. — Ласп! Отвечай!

Ответом ей была только тишина: торжествующий, безжалостный смех, который вдруг прокатился вокруг них, звучал только в их головах.

«Так отвратительно легко. Это лучшее, на что вы способны, скулящие людишки? Недостойные править даже количеством земли размером с собственные могилы. Едва стоило моих хлопот. Что ж, умрите, хилый человеческий мусор!»

Огонь захлестнул их *внутри* их голов, и крик Филфаэрил был нереально высоким ударом по ушам Раулигана. Пурпурно-белый огонь снова расцвел вокруг королевского ложа, и в его свете он увидел королеву, которая, опустив кинжал, пыталась выцарапать себе глаза.

Затем его собственные руки поднялись к лицу, и острая сталь все еще была зажата в них. Но он бросился в сторону, бедром сбив Филфаэрил на кровать, и откатившись от ее ослабевших конечностей на жесткую встречу с полом. Его руки дрожали, когда он боролся с господством фаэримма (боги, но он был силен!), и вдруг раздался рев и вспышка золотого света, такого яркого, что комната, казалось, наполнилась солнцем. Тиски, сжимавшие их разумы, исчезли.

Глаластир моргнул. В другом конце комнаты что-то когтистое и звероподобное билось, умирая, в последней тлеющей агонии, обрамляя мрачную улыбку бородатого, одетого в мантию взъерошенного человека с очень знакомым лицом.

— Вангердагаст! — в один голос выдохнули полдюжины глоток.

— Вы призвали, и я пришел, — проворчал волшебник, переступая через то, что осталось от фаэримма. Дымом от заклинаний все еще поднимался от его рук. — Ба, почему Эльминстер должен получать все удовольствие?

Глаластир Раулиган оглянулся на осколки кристалла вызова, затем на обугленные и растрескавшиеся останки фаэримма. Глубоко, судорожно вздохнув, он опустил меч. Он поклялся защищать жизни Обарскиров ценой своей собственной,

пока еще мог дышать, и впервые с тех пор, как встал на стражу у королевского ложа, он начал надеяться, что доживет до следующего утра в Кормире.

* * * * *

Гордость изгнанной знати Кормира была на полпути через зал Ледяных Свечей, а Стальной Регент и маг короля повернулись им навстречу. Их красивые глаза сверкали гневом и чем-то еще. Рвением? И в этот момент гобелены на *другой* стороне комнаты вскипели, и кошмар черных щупалец вырвался наружу, змеясь вокруг принцессы.

Меч Алусейр был уже обнажен. Она развернулась со скоростью, которая заставила Маэрлина Блета сглотнуть, дважды рубанула, и дымящийся икор брызнул на шкуры призрака рофа, сопровождаемый бьющимся отрубленным щупальцем.

Маэрлин развернулся и бросился на мага короля, на бегу встряхивая плащ, как раз вовремя поднеся его к лицу, когда Калэдней что-то прорычала, и мир взорвался шипящим ревом льда. Кормаэрил закричал от боли и упал навзничь, окутанный сверкающим инеем, Голдсорт упал беззвучно, а Дракохорн пошатнулся и замер с прикованным к одной точке взглядом, застывший и бледный. Маэрлин отшатнулся от обжигающего холода, выдохнув проклятие, и...

Слева от него раздался тошнотворный влажный треск, и принцесса всхлипнула. Это был звук, который Маэрлин никогда не ожидал услышать, и он не мог не обернуться и не посмотреть. Темная, колеблющаяся фигура, у которой было злорадное человеческое лицо, но больше ничего человеческого, наклонилась к Алусейр. Ее передняя часть была скоплением извивающихся щупалец. Одно из них, рассеченное, бесполезно хлестало по сторонам. В другом торчал меч регента, как булава в шляпе благородной леди, и оно извивалось от боли. Остальные сжимались вокруг борющейся принцессы.

Боги! Конечно, это не мог быть фаэримм, так что же это было? Алусейр рычала, на ее лице было больше гнева, чем страха, но одна ее рука бесполезно болталась, сломанная где-то ниже локтя. Другая изо всех со всей возможной скоростью орудовала кинжалом, не давая смертоносным кольцам сомкнуться на своем горле, но дюжина змееподобных рук уже сжимала ее, и она прогибалась назад, как натянутый лук.

Маэрлин знал, что через мгновение он услышит, как позвоночник Алусейр издаст тот же звук, что и ее рука.

— Калэдней! — воскликнула принцесса. — Помоги! Помоги, если ты тоже не хочешь быть регентом!

Сжимающиеся щупальца били по ее груди, дыхания оставалось только для крика ярости и боли.

Боги, да, Калэдней! Он же должен был... Маэрлин развернулся обратно к магу короля, снова поднимая плащ, но Калэдней, чьи глаза были двумя темными огнями ярости, поднималась от поспешно открытого ящика с палочкой в руке, что-то крича. Луч пламени опалил комнату так быстро, что в воздухе послышался звук, словно рвали пергамент, и черная блестящая фигура взорвалась дождем крови и спутанных щупалец, отбросив Стального Регента через диван.

Позже будет время, чтобы заняться ей. Его задача оставалась ясной. Маэрлин с рычанием отбросил бесполезный плащ в сторону и выхватил свой клинок, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Илрин Мерендил с мягкой улыбкой на лице яростным ударом меча рассек руку Калэдней, которой та тщетно пыталась защититься, и изящным уколом вонзил его прямо в живот мага короля. Тонкая, блестящая сталь вышла, сверкая, из ее спины.

Ее глаза расширились от изумления и агонии. Маэрлин Блет тоже улыбнулся, шагнул вперед в идеальном выпаде и проделал собственную дыру в податливой плоти. Его клинок прошел накрест над клинком Мерендила и вышел из бока ведьмы, прижав ее руку.

Калэдней пошатнулась и встретилась с ним взглядом, полным боли, печали и сожаления. Дрожащими губами, с которых текла кровь, она выдохнула:

— *Трон.*

Это слово, казалось, разнеслось по комнате, отдаваясь эхом, словно с огромного расстояния, и с ревом вернулось раскатом грома, который потряс зал Ледяных Свечей. В комнате был еще кто-то — человек, которого Маэрлин никогда раньше не видел. Он был высок и очень худ, носил одежду странного покроя и темного, но мерцающего оттенка, а его кожа была цвета дыма. Его глаза казались почти молочно-белыми, когда он взглянул на умирающую женщину, на Маэрлина и Мерендила. Почти лениво он поднял руку, и изумленному аристократу показалось, что к нему прильнули тени — тени, которых не должно было быть в этом свете. Мужчина улыбнулся холодной, неприятной улыбкой, и что-то ярко-синее и пузырящееся выскочило из его пустой ладони, омывая Кормаэрила, Мерендила и самого Маэрлина!

Младший сын дома Блет на мгновение ощутил сильный холод и жжение, которое яростно усиливалось, душа его, а когда мир медленно потемнел, он устался на обнаженные кости своей руки с мечом, вообще ничего не ощущая.

«Сделано.»

Мысленный голос был спокойным, торжествующим и каким-то насмешливым, подумалось Калэдней сквозь алую хватку агонии, пока волшебник теней наблюдал, как она откинулась на спинку дивана с двумя мечами, пронзившими ее. Она попыталась протянуть ему руку, но он спокойно наблюдал за ее усилиями, улыбнулся своей жестокой улыбкой, махнул рукой и исчез, как будто его никогда и не было.

В отчаянии Калэдней позволила боли овладеть собой, дрожа на мечах, чьи острия не позволяли ей откинуться на роскошную обивку и отдохнуть. Так вот каково это — умереть...

Послышался шум, быстро приближающийся неровный бег, который закончился скользящим ударом по краю дивана. Выплывавая кровь, пока мир вокруг нее темнел, маг короля не чувствовала боли от этого столкновения, ничего, кроме бушующей стены агонии, которая давила, сокрушая ее.

Серебро вспыхнуло перед ее носом, и успокаивающий огонь пробежал по ее губам.

— Калэдней! — прошипел чей-то голос. Маг короля изо всех сил пыталась сосредоточиться, чтобы увидеть лицо принцессы. Алусейр плеснула в горло второе

целебное зелье. Боги, но это было приятно! Затем поставила ногу в сапоге на грудь Калэдней и потянула.

Выходя, клинок потащил за собой мага короля, и если она думала, что раньше испытывала боль, то теперь ощущения вышли на новый уровень. Сталь зазвенела где-то далеко внизу: Алусейр, должно быть, просто отбросила клинок за плечо, без паузы наклонилась вперед и вытащила второй меч. Кто-то очень близко кричал в агонии — грубый и ужасный звук, и когда Калэдней корчилась и дрожала на диване, безудержно кусая губы и язык, она очень боялась, что это была она.

Перед ней снова возникло искаженное болью лицо принцессы.

— Держись, маг, — прорычала Алусейр, когда Калэдней отпрянула от света, шума и боли, дрейфуя вниз, в темноту. — Теперь ты одна из нас, — взревела принцесса, — и Кормир нуждается в тебе! *Не смей* умирать при мне! Мне так хотелось скитаться по свету и искать приключения, пока мой отец правит безмятежным царством все более богатых фермеров и аристократов, у которых столько драгоценных камней, что они бросают их горстями своим слугам... но почему-то я не удивляюсь, что у богов были другие идеи. Если завтра будет Кормир без Вангердагаста, ты мне нужна. *Кормир* нуждается в тебе! Будь ты *проклята*, Калэдней!

Сильные пальцы трясли Калэдней, как тряпичную куклу, но все это казалось таким далеким.

Алусейр отвернулась от тела Мага Короля и побежала через комнату, крича от боли, которая пронзала ее ноги, ребра и раздробленную руку с каждым шагом, пока она не достигла статуэтки, венчающей каминную полку — скульптурного изображения Пурпурного Дракона.

— Чтоб тебя разорвало, Вангердагаст, — всхлипнула она, хватая его с насеста и, морщась, пробираясь обратно в комнату, — лучше бы это была не одна из твоих хитрых лживых историй!

Дрожащими пальцами она сорвала одно из зачарованных колец с пальца на своей сломанной руке, под конец упав на колени и задыхаясь от боли, и воткнула его в одну из своих открытых ран, разрывая плоть, пока сочащаяся кровь снова не потекла ручьем.

Засунув статуэтку в сгиб здоровой руки, Стальная Принцесса протянула руку, чтобы удержать кольцо в ране, поднялась на ноги и как можно мягче опустилась на обмякшее тело Калэдней, иначе они рискуют вместе соскользнуть с этого проклятого дивана. Алусейр угрюмо сунула пурпурного дракона — одного из трех во всем Фаэруне, если Ванги сказал ей правду — в здоровую руку, неловко приподнялась, вцепившись сломанной рукой в умирающую подругу и кольцо, зажатое в ее собственной крови, и изо всех сил ударила статуэтку о спинку дивана. Потребовалось два сопровождаемых рыданиями удара, прежде чем эта штука сломалась. Со слезами Алусейр поднесла зазубренный осколок, все еще зажатый в руке, и вонзила его себе прямо в кольцо. За ним тянулся голубой огонь. Значит, старый волшебник не солгал, и это вполне могло случиться. Голубое пламя пронзило ее, как огонь и лед, охлаждая и успокаивая. Боль исчезла!

Алусейр вздрогнула, когда очищающая сила пронеслась через нее, и... и, боги, Калэдней! Быстро, пока он не угас!

Она снова наклонилась вперед и поцеловала первый участок кожи, который смогла найти — левую щеку Калэдней, под застывшим глазом — и напряглась, чтобы убедиться, что их контакт не закончится. С дразнящей медлительностью, почти лениво, исцеляющая магия выскользнула из нее, хлынула обратно, заструилась в мага короля и осталась там.

Тело под ней подпрыгнуло, содрогаясь и тихо постанывая, и пыталось подняться. Алусейр удерживала ее, цепляясь за резную спинку дивана, а Каладней рыдала, вздрагивала и задыхалась.

— Принцесса? Алусейр?

Стальной Регент улыбнулась и отпустила ее руку, начав медленное скольжение к полу.

Вся боль чудесным образом исчезла, и, ощущая лишь покалывание, Калэдней подняла голову, чтобы оглядеться заплывшими глазами. В тот момент в комнату вошел улыбающийся Гларастир Раулиган с поднятым обнаженным мечом, Ласпира, выглядывающая из-за одного его плеча, и Вангердагаст, пронзающий взглядом из-за другого. Позади них стояла королева Филфаэрил с младенцем-королем на руках и мудрецом Алафондаром рядом с ней. Казалось, между маленьким Азуном и благородным мудрецом шло невольное состязание, кто из них будет выглядеть наиболее ошеломленным и только что проснувшимся.

Раулиган покачал головой, убирая меч обратно в ножны, и пошел им на помощь. Он был еще в двух шагах, когда Стальная Принцесса упала на пол.

— Я знаю, — заметил он, протягивая ей руку, чтобы помочь подняться, — есть люди, которые, глядя на эту трогательную сцену, сделали бы совершенно неправильные выводы, но...

Алусейр одарила его спокойным взглядом и решительно сказала:

— Как хорошо для вас, сэр, что Вангердагаст, мой отец и Эльминстер все тщательно нашли время, чтобы по отдельности и в строжайшей тайне объяснить мне, кто вы. Это хранило вашу жизнь последние несколько месяцев, когда некоторые люди очень настойчиво желали вашей смерти.

Пока она говорила, голубое пламя исцеляющей магии закружилось между ее губ.

— Значит, я ошиблась, — слабо пробормотала Калэдней с дивана. — Боюсь, это не самая большая моя ошибка.

Она виновато посмотрела на Вангердагаста.

— Ты все еще уверен, что сделал правильный выбор? Я ничего не знала об этих дворянах и... и об этой щупальцевой твари.

Ее предшественник улыбнулся, покачал головой и сказал:

— Похоже, Кровь Малога теперь повсюду, и в Кормире всегда находятся благородные предатели и изгнанники, которые думают, что цареубийство вернет им их поместья и титулы одним ударом меча. Ты привыкнешь к ним.

Калэдней села и сказала почти умоляюще:

— Я подвела Корону! Я не...

Вангердагаст фыркнул.

— Нет, нет, девочка, не думай так легко отделаться от места мага короля! Теперь все ошибки — твои. Я не присматриваю за всеми вами, готовый появиться в облаке магического дыма, чтобы спасти ваши стройные задницы, когда вы споткнетесь.

Он медленно повернулся на каблуках, одарив всех присутствующих строгим взглядом, и добавил:

— Считайте, вам повезло, что я проезжал мимо. Кормир теперь ваш. С уходом Азуна мой долг был исполнен, и у меня осталось так мало времени, чтобы впихнуть в него все мои забытые задачи, капризы и незаконченные дела. Прощайте!

Под напрасный хор протестов он снова улыбнулся, игриво пошевелил пальцами перед королем-ребенком и исчез. Филфаэрил вздохом нарушила наступившее молчание, повернулась к Калэдней и спросила:

— Как это делают волшебники? Мне тоже всегда хотелось уметь просто раствориться в воздухе, обычно когда приближались особенно несносные дворяне. Это было бы очень удобно...

Не считалось вежливым прерывать королеву Кормира, но Калэдней внезапно зашлась в приступе хихиканья — веселья, которое породило смех у других. Сквозь нарастающий хор хохота маг короля лишь смутно расслышала мрачное замечание Гларастира Раулигана:

— В конце концов, у нее есть недостаток, у нашего придворного мага: она хихикает.

* * * * *

В комнате, где клубились тени, Тарен из Шейда стоял, наблюдая за происходящим в зале Ледяных Свечей сквозь сгусток следящей магии.

— Ну-ну, — сказал он, слабо улыбаясь. — Конечно, интересное место для правления. Пусть оно немного созреет, чтобы сначала снова стать сильным и процветающим. Ждать подходящего момента — это то, что я очень хорошо умею.

Он взял кольцо, которое до недавнего времени украшало руку Маэрлина Блета, со светящегося пьедестала на столе рядом с ним. Повернув его так, чтобы его наполовину пробужденные чары, магия, о которой юный глупец совершенно не подозревал, вспыхнули в потоке прорицательного заклинания, шадовар добавил с улыбкой:

— В отличие от цвета многих гордых благородных домов Кормира. Или последних Обарскиров и горстки из верных слуг, если уж на то пошло.

ВЕЛИКАЯ ТЕНЬ

Ричард Ли Байерс

11 Кизорн, Год Дикой Магии

Старый рыцарь и его сквайр стреножили своих утомлённых скакунов у изрядно выгоревших разрушенных ворот. Спешившись, путники пошли по удушливым развалинам улиц умирающего города, где даже молодая кобыла спотыкалась бы.

Сначала Кевин чувствовал оцепенение и боль. Низкорослый юноша с волосами цвета песка, всю жизнь жаждавший славных военных походов, чувствовал лихорадку, граничащую с возбуждением, во время длинного и изнуряющего пути из Киринвуда в Тилвертон. Но он даже не представлял, какими будут последствия войны: множество разрушенных зданий, истерзанных тел, разящих гарью, злом и порчей – зловонием, которое можно было ощутить даже несмотря на морось дождя.

Но всё же постепенно чистый, тупой ужас, охвативший сквайра, исчез, и юноша взглянул на своего господина, чтобы найти новый повод для смятения.

Задолго до военных попыток запустить семейную ферму по изготовлению вина из папоротника и мяты Сэр Айандор Шурханд видел и другие последствия резни, почти такой же жуткой, как эта.

Пока он тащился вдоль улиц, не произнося ни слова, его вытянутое морщинистое лицо бледнело, а серые, пустые глаза терялись под косматыми бровями.

Кевин ужаснулся. Он всегда считал, что измождённый старый рыцарь стоек, но, по всей видимости, потеря единственного ребенка сломала бы любого.

- Сир, - произнёс юноша, найдя себе место у разлива, расположившегося меж камней, - вы ведь знаете, что просто невозможно отыскать его здесь!

Если Айандор и услышал слова сквайра, то и виду не подал.

- Здесь так много мертвецов... - продолжал Кевин, поёжившись, - лица некоторых подпалены огнем и... или того хуже... Остальные, вне всяких сомнений, завалены упавшими плитами...

- ...Так что ты думаешь? – огрызнулся Айандор, за все те годы, проведённые ими вместе, никогда не говоривший с Кевином так жёстко, - Думаешь, мой сын просиживал дома, когда его настигла смерть?

- Нет, что вы! Я уверен, что он принял доблестную смерть в бою с врагами.

- Тогда помалкивай!

Кевин изумился, но не успел он придумать достойный ответ, как нечто серое, до того расстилавшееся по земле, как лист пергамента, поднялось ввысь. Пара смутно различимых конечностей вытянулась из густой массы и потянулась к Кевину.

Сквайр попытался одновременно увернуться и вытащить из ножен свой меч. Он управлял собой. Тёмная тварь бросилась на юношу и повалила его на землю. Подобные граблям когти рвали его накидку и сюрко, царапая по хауберку под ними.

Внезапно что-то вспыхнуло. Тёмное создание умчалось прочь, и Кевин смог увидеть Айандора, стоящего над ним наперевес с Серым Танцовщиком – клинком из мифрила, светящимся серебром. С его помощью рыцарь и прогнал фантом.

Кевин вскочил на ноги и подготовил к бою собственный клинок. Гладкая, невзрачная сталь меча без родословной, с только лишь простейшим зачарованием. Мужчины и тёмная тварь встали друг напротив друга. Кевин заметил, что тень имела сходство с огромной кошкой, но скорее всего это было лишь одно из множества обличий, поскольку мрачная субстанция, похоже, время от времени перетекала и менялась. Беженцы, которых Кевин и Айандор встречали по пути в эти места, предупреждали путников о том, что здесь встречалось много таких теневых созданий. Вероятно, фантомы были вызваны тем же колдовством, которое уничтожило Тилвертон и часовых, стоявших на стенах.

Очевидно, желая зайти призраку с фланга, Айандор резко метнулся влево. Кевин, разгадав его план, переместился вправо. Кошка бросилась на него, широко разверзнув пасть, похожую на раковину устрицы, и целиком превращаясь в глазах сквайра в один ряд кошмарных челюстей.

Уходя от броска теневой пантеры, Кевин смог отсечь ей плечо. Во всяком случае, так думал, но несмотря на то, что он чувствовал силу и вес фантомной твари, его меч прошёл сквозь кошку с такой лёгкостью, словно та была соткана из дыма. В другом случае Кевин обрадовался бы остроте своего клинка, но сейчас он знал, что виной тому другое. Некоторые сверхъестественные создания были невосприимчивы к оружию из простой стали, и, похоже, эта кошка была одной из них.

Фантом выбросил в его сторону когтистую лапу, но Кевин успел отскочить. Айандор устремился в атаку, предъявляя свой *агумент* незащищённому флангу твари.

Теневое создание обернулось, становясь на дыбы, подобно разъярённому медведю, и выпустило в сторону Айандора когти, внезапно удлинившиеся до размера кинжалов. Едва уступая фантому дюйм земли, рыцарь встречал атаку тени короткими яростными ударами. По крайней мере, его клинок натёкался на что-то твёрдое, но наносил ли он фантому какой-либо существенный вред, сказать было невозможно.

Кевин понял, что его господин пытается войти в зону досягаемости тени для того, чтобы нанести удар по голове или в живот, где, вероятно, находились жизненно важные органы, но теневое создание всякий раз отгоняло его назад. В свою очередь, сквайр не был способен ранить фантом, но зато он мог хотя бы отвлечь его. И Кевин крикнул во всю силу своих легких, присоединившись к схватке.

Тень крутанулась на месте, разрастаясь над сквайром подобно скале, вот-вот готовый породить лавину, но внезапно резко дернулась, и из живота твари показался кончик Серого Танцовщика. Это Айандор воспользовался возможностью, чтобы вогнать мифриловый клинок глубоко в спину отродья. Кошка осела на землю, и Кевин отпрыгнул в сторону, чтобы не оказаться погребённым под падающей тушей.

Задышавшись, с бешено колотившимся сердцем, сквайр остановился, довольный исходом схватки. Он надеялся, что тень больше не поднимется, но Айандор не был так в этом уверен. А потому, не обращая внимание на полное оцепенение конечностей кошки, продолжил атаку. Тень уже перестала шевелиться, однако Айандор рубил её до тех пор, пока тело кошки неожиданно не улетучилось.

Только тогда рыцарь повернулся к сквайру. Его взгляд, из тусклого и ошеломлённого, преобразился в свирепый и твёрдый.

- Всё в порядке? – неуверенно спросил Кевин. Воротник плаща сквайра, изодранный в клочья, выбрал этот момент, чтобы тряпкой свалиться у его ног.

- Да. – Айандор осмотрел свой клинок из «истинного серебра», затем только, чтобы убедиться, что оружие не от чего очищать, не считая дождевых капель. Фантом не обладал кровью, которая осквернила бы сталь. - Пойдём-ка отсюда.

- «Пойдём»? После сражения, если есть такая возможность, воин всегда отдыхает и восстанавливает силы. Вы сами меня этому учили!

- Не бросай мне в лицо мои собственные слова.

- Я просто хотел сказать... Оглянитесь вокруг – дальше бродить здесь – не самая лучшая идея! Мы только что убедились, что уцелевшие жители говорили нам правду! Тилвертон пал. Мы могли бы...

Но Айандор, не дослушав, развернулся и медленным, усталым шагом пошёл прочь. Его залатанный, выцветший плащ взметнулся и поволочился по земле. Кевин безмолвно выругался, поднял с земли свою разорванную накидку и, накинув её на плечи, словно нищенское тряпье, поспешил вслед за господином.

Они разведывали область, пока тьма не начала укутывать город, подкрадываясь к ним тихо и бесшумно, словно теневая кошка. Или это только Кевину пришло в голову такое сравнение. Солнце уже спряталось за бесконечным слоем серых облаков, и он не смог бы разглядеть присутствие новых фантомов, даже если бы захотел.

- Мы должны вернуться к лошадям, - сказал сквайр, - и подготовить ночлег.

Айандор встряхнул своей головой:

- Я хочу еще пройтись.

- Но нашим коням нужна забота! Если, конечно, какие-нибудь из здешних ужасов не успели их прикончить...

- Ты можешь заняться этим. Это ведь часть твоих обязанностей, не так ли?

- Да, так. Но какой смысл в поиске Пелезена... – Айандор чуть заметно вздрогнул при упоминании имени своего сына, - ...в темноте? Вы могли уже пройтись по его останкам, даже не заметив этого!

- Мне всё равно хочется пройтись, - почти неслышно сказал Айандор.

- Господин, в темноте тени будут более активны. Такова природа теней! А без какого либо источника света на этих улочках вы даже не заметите, как они подкрадутся! Они убьют вас прежде, чем вы успеете вынуть клинок из ножен!

Айандор нахмурил брови. После долгих раздумий, он произнес:

- Я не хотел бы умереть, даже не взмахнув мечом. Это было бы жалким концом для истории моей жизни. Мы вернемся к Кормирским Вратам.

На обратном пути они миновали лестницы, ведущие к Старому Городу, построенному на возвышении. Некогда прославленный своей красотой, сейчас он, скорее всего, был в руинах, как и остальная часть Тилвертона. Сохранившаяся часть лестницы вела к Алтарю Защиты, который, несмотря на опустошённость всего города, остался целым и невредимым. Для Кевина это выглядело, как издёвка: будто Хельм – бог защиты и опеки, сохранил лишь свою небольшую святыню, позволив всему городу погибнуть.

Настроение сквайра испортилось ещё сильнее, когда они оказались у ворот. Редвинд, верный конь Айандора, был мёртв. Нет, не тень убила его. Просто сердце

коня дало слабинку и перестало биться. По настоянию Айандора оба всадника немилосердно гнали своих коней, едва услышав о падении Тилвертона, хотя теперь, при трезвом взгляде на вещи, было ясно, что причин спешить у них не имелось.

Айандор пристально взглянул на лошадь, носившую его уже более десяти лет, животное, которое, как хотелось верить Кевину, он успел полюбить.

- Бедный старый друг, – пробормотал рыцарь.

- Хуже некуда, - протянул Кевин.

Айандор отвернулся от павшего коня.

- Редвинд принёс меня сюда. Думаю, это всё, что теперь имеет значение.

- Конечно, но только пока мы не захотим вернуться обратно.

Айандор не ответил.

- Ладно, - произнёс Кевин после паузы, - когда я проведу своего коня, мы разведём костер и приготовим ужин.

- Делай, как знаешь.

Айандор побрёл к восточному концу каменного туннеля, который раньше был городскими воротами. В его конце дождь, барабанил по стенам, создавал своего рода мерцающую завесу. Там рыцарь остановился, безмолвно глядя на то, как тьма поглощает город.

В это время Кевин закончил приготовления к ужину, поджарив ветчину, крошечные зерновые лепешки и сушёные яблоки. Перспектива оказаться по ту сторону ворот отпала. Сквайр старался не думать, какие существа могли бродить, оставаясь незамеченными, всего лишь в нескольких футах от него. Слабый всхлип, донёсшийся с противоположной стороны, в области сельской местности, заставил юношу вскочить. Некоторые из беженцев могли не успеть уйти от Тилвертона достаточно далеко, и теперь, быть может, теневое создание блуждало также и за разрушенными стенами, пытаясь настигнуть людей.

Едва услышав эти звуки, Айандор мельком взглянул через плечо, и затем отвернулся.

- Ужин готов, – позвал Кевин.

Его господин не ответил.

Спустя секунду, окончательно выйдя из себя, Кевин почти поддался искушению оставить весь ужин себе. Видит бог, он был достаточно голоден, чтобы съесть обе порции. Однако он достал еду из огня и, выложив её на две жестяные тарелки, отнёс их к выходу из ворот.

- Вот, - протянул он одну порцию господину.

Поданная таким образом еда никак не могла оставить Айандора равнодушным. Но рыцарь отщипнул лишь крошечный кусочек от зерновой лепешки, а затем, наклонившись, поставил тарелку на землю.

- Нет! – воскликнул Кевин, - сэр, вам надо съесть больше, иначе вы ослабеете!

- Я не голоден.

Кевин глубоко вздохнул, собирая остатки мужества. Он никогда не осмеливался высказать свои мысли тому любезному наставнику, что помогал ему с тех пор, как родители сквайра погибли, катаясь на лодке. Но этот молчаливый незнакомец его обескураживал.

- Сэр, мне кажется, я знаю, о чём вы сейчас думаете. Но мы не могли попасть сюда быстрее.

- Всего лишь удобный способ оправдания.

- Это истина. Мы покинули дом в тот же день, когда вестник призвал нас к бою, и нам пришлось мчаться из одного угла Кормира в противоположный, по грязным дорогам, пересекая вброд вышедшие из берегов реки.

Собственно, это и было причиной того, что солдаты Кормира и союзных королевств отправлялись на войну. Город волшебников вмешивался в погоду, вызывая непрекращающиеся дожди, которые уничтожали урожаи, вызывали наводнения и превращали любое путешествие в кошмар.

- Несмотря на всё это, мы прибыли сюда раньше даты, указанной в приказе принцессы.

- Но не вовремя для битвы.

- Разумеется, никто и не предполагал, что тени возьмут Тилвертон в осаду прежде, чем наши силы смогут выступить им навстречу. В любом случае, неужели вы думаете, что будь мы здесь, то смогли бы повлиять на исход сражения? Думаете, что смогли бы спасти вашего сына?

Айандор с горечью усмехнулся.

- А ты ведь рад, что не оказался здесь, не так ли? Рад, что не пришлось бы умирать за честь Короны?

Кевин задумался, пытаясь найти достойный ответ. Но на ум ничего не приходило.

- Уйди от меня, трус. Оставь меня скорбеть в одиночестве.

Сквайр подчинился, внезапно осознав, что его аппетит тоже пропал.

Он первым встал на дозор, что было его привычкой и обязанностью, пусть даже Айандор не стал пользоваться своей возможностью отдохнуть. В конце концов, юноша обнаружил, что заснуть ему было бы так тяжело, что не стоило и пытаться. Редкие крики ужаса за стенами города не давали сомкнуть глаз.

С рассветом, или тем, что сошло за него, укрытое непроницаемой мрачной пеленой облаков, двое солдат снова отправились исследовать улицы мёртвого города. Дождь лил сильнее, но смрад разлагающихся тел казался ещё более невыносимым. Сначала этот запах едва не выворачивал желудок Кевина наизнанку. Однако, всё же, он забыл о нём, когда обратил внимание на перемены в поведении своего господина.

Когда они в первый раз вошли в то, что осталось от Тилвертона, Айандор обращал особое внимание на любых мертвых воинов, облачённых в винно-красные сюрко Пурпурных Драконов, отряда рыцарей, к которому принадлежал Пелезен. Теперь же он едва поглядывал на жалкие трупы, разбросанные по обе стороны улицы. Вместо этого он тщательно присматривался к дверным проёмам, окнам, краям крыш, низким стенам и раскрытым пастям узких переулков, даже к фургону с двумя мёртвыми мулами, упавшими на дороге – ко всему, где могли спрятаться и выжидать тени.

Это, по мнению Кевина, было продиктовано осторожностью, но когда Айандор наконец высмотрел тень, припавшую к земле над обожжённым трупом матери со

сгоревшим, сморщившимся младенцем на руках, его реакция отнюдь не была осторожной.

- Эй! - проревел рыцарь, отбрасывая в сторону плащ и обнажая клинок Серого Танцовщика, - Тень! Выходи и сражайся!

Расплывчатый силуэт отделился от мертвецов — неужели он питался их разлагающейся плотью? — и Кевин увидел, что тень более или менее напоминает человека. Она поплыла вперёд, сквозь дождь, и ещё четыре тени выскользнули из обломков сгоревшей почти дотла пекарни вслед за ней.

- Сэр! – закричал Кевин. - Их слишком много!

- Не для меня, - угрюмо произнёс Айандор.

Серый Танцовщик выскользнул из его ножен, мифриловый клинок, ярко засиявший даже в это серое, дождливое утро. Худощавый человек метнулся вперёд.

- Мой меч не способен даже ранить их! – воззвал Кевин к рыцарю.

Айандор ни попытался ответить ему, ни замедлил своего движения. Кевин откинул прочь мешавшие ему обрывки плаща и, подготовив к бою кажущийся ему бесполезным клинок, поспешил присоединиться к рыцарю.

Когда они сошлись на расстояние боя, тени разделились, чтобы окружить своих противников. Желая предотвратить это, Кевин стремительно развернулся и нанёс удар призраку слева.

У сквайра возникло ощущение, что его клинок прошёл через ткань, а не плоть. Тем не менее, он встретил сопротивление. Тень отшатнулась назад с глубокой дырой посередине груди.

Кевин вскрикнул от радости – он всё ещё был напуган видом этих проклятых созданий, но на этот раз он хотя бы тому, с чем он сражался, можно было нанести урон — и тени ответили пронзительным, тихим воплем. Этот вопль не был настоящим звуком, но Кевин отчётливо слышал его в своей голове. Он содрогнулся от боли, и, воспользовавшись этим, два фантома набросились на него, схватив за запястья.

Их пальцы источали жгучий холод, но это было меньшим из зол. Что-то - жизненная сила, или даже сама жизнь — оставляло Кевина и перетекало в его противников. В глазах помутилось, колени задрожали. В его голове слышались вопли теней, полные жадности и триумфа.

Он пытался освободить руку, сжимавшую меч, но тени держали крепко. Тогда, как учил его Айандор, он выбросил сапог вперёд и опустил, скользящим движением разбивая призрачную голень, на ногу врага. Кевину казалось, что после того, как из него вытянули столько сил, этот приём превратился в жалкую, неумелую попытку. Однако, возможно, от испуга, одна тень ослабила хватку. Сквайр из последних сил отшвырнул её прочь, развернувшись лицом к другой. Поднырнув ещё ближе, тень обвила руками его грудь, так, что отбросить её или ударить клинком стало невозможно. На мгновение, похолодевший, ослабевший сквайр растерялся, но уроки Айандора снова пришли ему на помощь. Кевин обрушил на голову фантома стальной шар рукояти своего меча, и потеряв равновесие, тень упала на колени.

Покачиваясь и спотыкаясь, Кевин отошёл назад. Он отчаянно нуждался в перерыве, чтобы собраться с силами, но тени не дали его. Пронзительно завопив своим психическим воплем, они снова бросились на сквайра.

Держа меч двумя руками — в противном случае, он был бы не в состоянии поднять его — сквайр описал клинком горизонтальную дугу. Быстрый взмах обезглавил одну из теней, и её тело вместе с отлетевшей головой растворилось в воздухе. Другой фантом почти смог зацепить сквайра, но Кевин, отчаянно извиваясь, в последний момент смог сохранить дистанцию, позволяющую использовать меч. Сквайр погрузил свой клинок в сердце тени, точнее в точку, где оно находится у людей. Во всяком случае, и эта тень, растаяв, обратилась в ничто.

Задышающийся, дрожащий, он стал искать взглядом остальных противников, но сразу успокоился, увидев, что Айандор добывает последнюю тень. На несколько секунд лицо рыцаря приобрело выражение жестокого упоения схваткой, но затем то ли беспокойство, то ли голод показали в его взгляде.

- Пойдём, - безразлично вымолвил он.

- Нет! - возразил Кевин, - Пока нет. На этот раз мне действительно надо отдохнуть. Неужели ни одна из этих тварей не задела вас?

- Нет.

- Они коснулись меня, и...

Мир вопреки законам физики начал качаться перед его глазами, и Кевин понял, что сейчас ноги подведут его и он рухнет наземь. Он пошатнулся в сторону лошадиной кормушки, переполненной дождевыми каплями, и присел на деревянный обод.

- Ты ранен? - спросил его Айандор.

- Не совсем. Кровотечений нет... Я думаю, мне просто нужна пара минут.

Губы Айандора сжались в нетерпении, и Кевин был уверен, что он вот-вот уйдёт прочь, оставив его, беспомощного и слабого, посреди кишящего привидениями города.

Но вместо этого рыцарь только произнёс:

- Что ж, очень хорошо.

Они подождали ещё некоторое время, Айандор стоя, Кевин сидя, и только барабанная дробь дождя и треск повреждённых зданий, балансирующих на грани разрушения, нарушали тишину.

В конце концов, когда юноша почувствовал, что вставить слово просто необходимо, чтобы разорвать невыносимое напряжение, он вымолвил:

- Я понял. Вы не только были готовы к атаке теней. Вы на них охотились.

- Правильно.

- С гибелью войска принцессы Алузаиры, у вас не осталось возможности нанести прямой удар волшебникам, которые убили Пелезена, и вместо этого вы сражаетесь с теми тварями, которых они вызвали...

- Это ведь благородно - очищать землю от теней, не правда ли?

В тоне Айандора промелькнула ирония, высмеивающая само понятие рыцарского долга, и неважно, что когда-то он учил молодого сквайра, что для настоящего рыцаря честь – это всё.

- Я полагаю, это должно быть сделано, - произнёс сквайр. - Что бы вы ни думали, я не побоюсь помочь, но разумный ли это путь? Согласно вашим собственным урокам стратегии и тактики, у нас должен быть отряд солдат, которые очистили бы

Тилвертон систематически, блок за блоком. Нам также необходимы жрецы и волшебники, которые поддержали бы воинов своей магией. Мы...

- Возможно, - перебил юношу рыцарь, - но я не в настроении собирать войско.

- Но это безумие! Я понимаю, что....

Тень накрыла их. Поражённый, Кевин посмотрел вверх.

Нечто гигантское возвышалось над обломками Тилвертона, закрывая собой слабый свет, струившийся сквозь облака. Был ли это дракон? Кевин не мог сказать. Он никогда прежде их не видел, и в любом случае, очертания титана были столь же расплывчаты, как и у малых теней. Всё, что он действительно мог разглядеть — обрывки тьмы, напоминавшие крылья летучей мыши и ловчие щупальца медузы. От этой твари исходили неимоверная мощь и злоба.

Внезапно в голове Кевина промелькнула мысль, что жуткая тень могла заметить их, стоило ей опустить голову, и он весь съёжился. Но существо перешагнуло через разрушенную стену, окружавшую город, и исчезло.

- Великая Тень, - пробормотал Айандор, - В конце концов, если придётся, я доберусь до тебя.

- Но только не без войска за вашей спиной, - вставил Кевин, - и Вангердагаста, конечно же, тоже.

Тут в голове его всплыл неприятный слух, услышанный по пути сюда, что, якобы, великий маг Кормира скорее всего, погиб при разрушении Тилвертона, вместе с остальными защитниками.

- Ну, или какого-нибудь другого волшебника...

- Ты готов идти? – нетерпеливо спросил Айандор.

Он не был, но ему не хотелось сердить господина просьбой дать больше времени. Сквайр с трудом встал на ноги, и они отправились дальше.

Айандор продолжал вызывать тени на бой, были ли они в пределах его досягаемости или нет, и с его точки зрения, если не с точки зрения его сквайра, это казалось достойной расплатой. Поодиночке или группами, иногда уязвимые к обычной стали, иногда нет, фантомы выскальзывали из своих убежищ, чтобы принять бой.

Кое-как Кевин пережил с полудюжины подобных стычек, пока, к его глубочайшему облегчению, не начало темнеть, и Айандор наконец не согласился вернуться в их убежище к воротам. Не то чтобы сквайр имел какие либо основания думать, что там действительно безопаснее, совсем нет, но, по крайней мере, у ворот они не пребывали в непрерывном поиске проблем.

После того, как Кевин приготовил ещё один ужин и увидел Айандора снова откладывающим в сторону свою порцию, большей частью несъеденную, он произнёс:

- Если Вы думаете продолжить поиски приведений, мы можем хотя бы заняться этим за стенами города. Людям из сельской местности нужна защита.

- Я хорошо представляю себе, как тени выскальзывают из города в поисках добычи, - ответил Айандор, пристально вглядываясь в беспросветную ночь и вслушиваясь в свист дождя, - но привидения поселились за стенами, где зловоние некромантии густым маревом расползается по земле. И поэтому я смогу защитить беженцев лишь тем, что буду активно уничтожать эти создания здесь.

- У людей могут быть и другие проблемы. - Кевин сменил позу, и плечо, ушибленное ударом фантома, причинило ему резкую боль. - Возможно, им потребуется лидер, чтобы навести порядок...

- Я уже говорил тебе, что не чувствую особого беспокойства за тех людей прямо сейчас.

- Я уверен, что они с уважением отнеслись бы к вашему горю. Каждый из них, без сомнения, хлебнул лиха.

- Горе, - произнёс Айандор с такой интонацией, будто это слово было жалким и совершенно неподходящим. - Ты знаешь, почему Пелезен присоединился к Пурпурным Драконам?

- Потому что в своей молодости вы поступили так же. Сэр, это не делает вас ответственным за его судьбу.

- Забавно. Я был счастлив, когда принцесса Алузаира призвала меня. Для меня, участие в войне, со всеми её рисками, было всего лишь удобным поводом снова встретиться с моим мальчиком.

- Я понимаю, как сильно вы хотели его увидеть.

- Я собирался отдать ему это, - Айандор на дюйм обнажил клинок Серого Танцовщика, затем спрятал его обратно. Гарда меча тихо щёлкнула об устье ножен. - Как мой отец отдал его мне. Как передавали его в нашей семье из поколения в поколение в течение четырех веков. Что мне с ним делать теперь?

- Используйте его для защиты слабых, как вы это делали всегда.

Айандор усмехнулся коротким, безобразным смешком.

- Как я делал всегда. И здесь, в итоге, что я должен буду показать этим?

- Сэр, - сказал Кевин, глубоко вздохнув, - со всем уважением, вы потеряли многое, но не всё. Киригвуд полон людей, которые любят вас. Госпожа Уолтерторн. Старый Нобби. Гален Друг Дубов. - Он мог добавить в этот список и себя, но это было бы похоже на подлизывание ребёнка.

- Я полагаю, это должно меня пристыдить, - ответил Айандор, - но я не способен заботиться о других, больше нет. Моё сердце пусто.

- Я не верю в это! - воскликнул в ответ Кевин, - Сейчас вашей душой завладела боль, но когда она ослабит свою хватку, в вас снова оживут добрые, мягкие чувства.

- Это просто детский лепет.

Кевин почувствовал, как его щёки вспыхнули.

- Сэр, я просто не хочу безмолвно наблюдать за тем, как вы совершаете самоубийство, а ведь в этом настоящая цель нашей охоты на теней, не так ли? Это чудо, что фантомы до сих пор не прикончили нас обоих.

- Если ты боишься, тогда уходи. Я освобождаю тебя от твоих обязанностей оруженосца.

Произнеся последнюю фразу, Айандор отвернулся.

Этой ночью Кевин действительно решил оседлать свою лошадь и рысцой умчаться прочь по большой дороге, названной Дорогой Лунного Моря, но он никак не мог заставить себя сделать это. Должен же быть способ вырвать Айандора из его круга отчаяния!

После значительных размышлений сквайр наконец-то придумал одну уловку, которая могла бы ему помочь. Он был уверен — ну, довольно уверен — в том, что в

глубине души Айандора все ещё беспокоит судьба тех селян, о которых он заботился декаду назад. Если это так, тогда, возможно, если над одним из дорогих ему людей нависнет угроза, это вновь пробудит в нём привязанность и поможет воскресить былые перспективы старика. Это покажет ему, что смерть сына, какой бы тяжёлой потерей не была, не разрушила всего смысла его жизни.

Хотя, был в плане Кевина один недостаток – он сам должен был играть роль попавшего в беду друга.

Все остальные близкие Айандору люди были в Киринвуде.

Противный голосок в голове сквайра шептал, что его план никогда не сработает, потому что Айандору на самом деле всё равно, что будет со сквайром. Разве его бесцеремонность последние несколько дней не дала ясно это понять? В прошлом Айандор был добр и учтив со своим воспитанником, но только сейчас Кевин понял, что по-настоящему рыцарь дорожил только кровным сыном.

Нет, настойчиво убеждал Кевин сам себя, это не так. Он мог вызвать из памяти тысячи эпизодов, доказывающих любовь Айандора к нему, а это значило, что план вполне способен осуществиться. Он ускользнёт прочь, его приёмный отец последует за ним, и в итоге, всё будет хорошо.

Когда ночь опустилась на город, усталость наконец взяла верх над Айандором. Он сел на землю, прислонившись спиной к стене, и постепенно его голова всё опускалась, пока подбородок не коснулся груди. Рыцарь чуть слышно бормотал что-то во сне.

Стараясь перемещаться тихо, словно кошка, Кевин поднялся, развязал одну из седельных сумок и извлек из неё похожий на карандаш кусок мела, который Айандор взял с собой, чтобы набрасывать планы сражений, списки обязанностей и тому подобное. Морщась при едва слышном скрипе, сквайр выцарапал мелом на стене сообщение:

Я СЛЫШУ ЗОВ ВЕЛИКОЙ ТЕНИ, И Я ДОЛЖЕН ПРИЙТИ К НЕЙ. ПРОЩАЙ.

Сделав это, юноша на цыпочках направился к арке выхода, и, думая обо всех тех тенях, что наверняка притаились во тьме, сделал глубокий вдох и заставил себя выйти за ворота, под дождь.

К его удивлению, он не наткнулся ни на одного фантома, и, спустя несколько минут, достиг подножия Кормирской Лестницы. На середине подъёма по ней он остановился у святыни Хельма. Раздумывая о том, что несомненно, некая светлая сила берегла его всё это время, он тихо извинился перед божеством за прежнее неуважение и положил на вершину Алтаря Защиты медную монетку.

Добравшись до верхних ступеней лестницы, Кевин поравнялся со стеной и с высоты осмотрел Старый Город. Если на земле и можно было увидеть какую-то оставшуюся среди сожжённых домов красоту, то в этих условиях разглядеть что-либо было невозможно, да он и не пытался. Кевин решил, что забрался достаточно далеко, чтобы дать Айандору повод для беспокойства, и теперь ему осталось только найти укрытие, где он смог бы подождать рыцаря, не попавшись при этом на глаза скользящим мимо теням. В дальнем конце маленькой площади стоял дом, чердак которого был украшен резными розами, дверь была приоткрыта. Кевин поспешил к нему, пробрался внутрь, нашёл себе стул и, устроившись у окна, принялся наблюдать за вершиной Кормирской Лестницы.

Вскоре, убеждал он себя, обеспокоенный Айандор придёт сюда. Скорее всего, рыцарь будет в бешенстве, осознав, что Кевин обманул его, но это не имело значения. Потрясение от исчезновения воспитанника должно будет заставить выбрать истинным чувствам Айандора наружу.

Внезапно донёсшийся до Кевина вопль мучения заставил его прекратить размышления. В отличие от других криков, он прозвучал совсем близко.

Сквайр выглянул из окна, обшаривая улицу взглядом. Спустя несколько мгновений источник шума появился в поле его зрения.

Шагая вереницей, чтобы поддерживать друг друга, седовласая матрона, двое мужчин и маленькая девочка пересекали площадь в нескольких футах от места, где затаился Кевин. Скользящие вокруг людей и немилосердно толкающие их создания были тенями, принявшими облик людей, подобными вчерашним соперникам Кевина и Айандора. Юноша не мог точно определить их количество. В непроницаемой темноте было невероятной удачей вообще обнаружить присутствие теней.

Кевин не знал, скрывались ли эти пленники где-то внутри города, или тени захватили их уже в сельской местности. Это и не имело значения. Только одна мысль сейчас пульсировала в голове юноши – им надо помочь. Но как?

Выскочить и атаковать? Айандор вполне мог бы сделать это, трудно было бы сомневаться в способностях человека, фехтовавшего уже более сорока лет. Кевин же обучался этому искусству лишь пять.

Он сомневался, что сможет удерживать натиск стольких теней одновременно.

Что он мог сделать – лишь бесшумно следовать за тенями, искренне надеясь, что рано или поздно представится возможность спасти захваченных людей. Но не сказать, чтобы этот план ему понравился. Не только потому, что это было рискованно, просто тогда он скорее всего не смог бы встретить Айандора, если — нет, когда, — тот, проклиная весь этот мир, поднимется на вершину Кормирской лестницы. Но иного пути Кевин не видел.

Ожидая, пока расстояние между ним и тенями увеличится, Кевин взмолился Хельму, прося помощи. В душе сквайр злился на себя за то, что смог дать в дар богу всего лишь ничтожную медную монетку вместо пригоршни серебра.

Настало время идти. Крадучись, он выбрался на крыльцо, и одинокая доска предательски скрипнула под ним. Кевин сжал зубы и съёжился, но, похоже, тени не услышали, а потому сквайр тихо побрёл за ними.

Преследование оказалось мучительно трудным делом. Кевин не был лесником или взломщиком, выученным искусству беззвучно красться, и вне зависимости от всех его стараний, он не мог избежать некоторого шума, грозящего выдать его присутствие. Не мог сквайр выкинуть из головы и навязчивый страх, упрямо шептавший ему, что если он сконцентрирует внимание на тенях, слоняющихся впереди, другие фантомы заметят его и неожиданно нападут со спины.

Но ничего страшного не произошло, и, в конце концов, тени и их заложники привели сквайра к похожему на барабан форту, хорошо известному в Кормире. Когда Кевин осознал, что это и была их конечная цель, он едва не издал нервный смешок — было в этом что-то символическое, не так ли?

Развалины – теперь не более разрушенные, чем остальная часть Старого Города – некогда были резиденцией чародейки Тилвары. Согласно слухам, теперь они служил укрытием странным тварям и неупокоенным мертвецам, и были дьявольски опасным местом. Мало кто отваживался войти туда — даже пересечь так называемый “Сад Медуз”, аллею из каменных изваяний у входа. Статуи оживали и набрасывались на непрошенных гостей.

Хотя очень многие из них сейчас раскололись и валялись на земле, изрядное количество осталось нетронутым. И всё же, тени и их пленники беспрепятственно миновали их. Возможно, тени знали какую-то хитрую уловку, или же волна колдовской силы, накрывшая город, каким-то образом деактивировала каменные фигуры.

Процессия вошла в сводчатый проём дверей, и Кевин задумался, стоит ли ему следовать за ними дальше или нет. Он боролся с болезненным искушением отправиться на поиски Айандора, но что если ему не удастся найти рыцаря, который мог уже бродить по городу, либо пытаться отыскать беглого сквайра, либо свою смерть? Или он найдёт его, но старику будет всё равно? Или тени убьют своих пленников, пока Кевин будет заниматься поисками?

Нет, будь оно всё проклято, он должен войти внутрь.

Кевин направился к статуям. Почувствовав, что тяжело дышит, он попытался взять себя в руки, как учил Айандор, но не вышло. Он едва не бросил всё в начале пути.

Каменные воители, птицы рух, мантикоры, волки и двуглавые эттины окружали его со всех сторон. Если бы все эти создания ожили одновременно, у Кевина не осталось бы ни единого шанса. Но только одно существо попыталось пошевелиться. Статуя льва слегка дрогнула, когда юноша прошел мимо неё, но ничего более. Некая сила без сомнения сделала эти изваяния безвредными.

Кевин на цыпочках подобрался к двери и украдкой заглянул вглубь мрачного коридора. Насколько он мог судить, ни один часовой не ждал у входа, равно как никто не обходил зубчатую стену наверху. Кевин нашёл, что представления теней об осторожности весьма своеобразны, возможно, они мыслят совсем не так, как люди. Или же они считали своё положение настолько безопасным в безраздельном владении Тилвертоном, что даже попытка осады казалась им немыслимой.

Кевин не особо задумывался об этом. Сумей он просто вызволить пленников, сквайр был бы полностью удовлетворён.

И он продвигался вперёд, временами наощупь, сквозь почти кромешный мрак чёрных комнат, которые были бы полностью лишены света, если бы не узкие проёмы в древних стенах. Легенды населяли подобные места дозорными призраками и блуждающими многоглазыми бехолдерами, но ему не встретился ни один из них. Он размышлял о том, могли ли тени расправиться даже с подобными тварями.

Вскоре он пришёл к выводу, что внутри резиденция оказалась намного более просторной, чем казалось снаружи, но подобный парадокс не слишком встревожил его. Ему доводилось слышать, что могущественные волшебники могут вызывать подобные явления. Хотя бы двери не захлопывались за его спиной. Об этом ему тоже рассказывали.

Неуловимый силуэт, перемещающийся на четырёх ногах, или, возможно, шести или даже восьми, отделился от сводчатого проёма не более чем в двенадцати футах от сквайра. Его сердце безумно заколотилось, он весь вжался в стену. Фантом повернул в противоположном от него направлении и скрылся в чернильной тьме.

Когда его нервы понемногу успокоились, Кевин двинулся дальше, проследовал через арку коридора, и наконец, обнаружил пленников, тех, которых он выслеживал, и не меньше пятнадцати других.

Тилвара, вероятно, владела превосходно обустроенным подземельем под своей резиденцией, но по какой-то причине тени выбрали для пленников просторную комнату, где с определённым интервалом стояли на полу восемь или десять ткацких станков. На некоторых из них всё ещё были закреплены куски незаконченных полотен, плетёные лоскуты и обрывки тканей, покрытые пылью, придавали воздуху специфический запах. Люди все ещё были связаны, но не верёвками, которые лежали, беспорядочно перепутавшись, на полу. Вместо них пленников обволакивали нити, сотканые из тьмы, которые цеплялись за стены, пол, потолок и были практически неразличимы во мраке.

Кевин не знал, какова природа этих чёрных пут — быть может, они похожи на самих теней — но ему хотелось верить, что он сумеет перерезать их, как только разберётся с тюремщиком. Насколько можно было судить в темноте, только один фантом задержался в зале с ткацкими станками, и он стоял спиной к двери.

Кевин тихо переступил через порог. Очевидно, ощутив его присутствие, тень попыталась обернуться, и он нанёс удар первым. Меч глубоко вошёл призраку в голову, и тот, судорожно дёрнувшись, испарился.

Пленники начали было лепетать что-то, но Кевин неистово зашипел на них, заставляя замолчать, настолько рьяно желая навести тишину, что лишь спустя пару мгновений до него дошёл смысл того, что они пытались ему сказать.

- Взгляни вверх! Паук! Он прямо над нами!

Едва он сообразил, то поднял голову, прикованный к месту приступом страха. Он ненавидел пауков, и если одно из этих созданий сплело достаточно паутины, чтобы связать всех этих людей, оно должно быть огромным.

Но пока что он не мог заметить паука. В комнате было слишком темно, да и потолок её был чересчур высок. В горле юноши стало сухо, как в пустыне, он крутился взад и вперёд, пытаясь обнаружить присутствие твари.

- Кто-нибудь видел его? – спросил Кевин у пленников, - Может быть ты? Или ты?

Но никто из них не мог дать ответа. Они лишь знали по своему горькому опыту, что паук прятался где-то здесь.

Кевину пришло на ум, что он может развернуться и бежать из этой комнаты, бросив людей на произвол судьбы. Он ведь попытался помочь им, никто не смог бы обвинить его в обратном. И было вполне вероятно, что его меч попросту не причинит пауку никакого вреда.

Но он знал, что не сможет оставить их. Это было неблагородно. Айандор — прежний Айандор, во всяком случае — никогда бы не одобрил такого малодушного, эгоистичного поступка.

Краем глаза Кевин заметил какое-то движение. Управляемый одной лишь чистой реакцией, он отскочил в сторону, а прыгучий паук приземлился в то самое место, где только что стоял сквайр. Кто-то из пленников завопил.

Сотканный из той же бесформенной, перетекающей тьмы, как и другие ужасы, заполонившие Тилвертон, паук был размером с ребёнка. Его склизкие луковицеобразные голова и тело покачивались между сегментированными лапками. Надеясь нанести удар прежде, чем существо сориентируется, Кевин нацелил меч на его брюхо.

Быстрая, как кошка, тень извернулась, встречая его удар. Клинок сквайра прошёл сквозь одну из лапок, не встречая никакого сопротивления и не сумев отсечь её.

Паук надвигался на него, и он отступал, на ходу пытаясь наносить бессмысленные удары. От этого было не больше проку, чем если бы он рубил воздух. В полумраке он мог лишь видеть кольцо маленьких выпуклых глазок паука и зубчатые мандибулы, закрывавшиеся и открывавшиеся над его жуткой глоткой.

Юноша врезался в один из станков, который громко хлопнул, затрещал и поднял кучу густой, забивающей глаза пыли. Пытаясь освободиться от досадной помехи, он наткнулся на прядь теневой паутины. Эта дрянь оказалась липкой, как он и ожидал, и намертво вцепилась в его руку, сжимавшую меч, пусть даже от клинка уже и не было никакого толка.

Он забился, пытаясь освободиться. Клейкая субстанция начала поддаваться, но недостаточно быстро. Паук бросился вперёд, чтобы вонзить свои, без сомнения, ядовитые клыки в его плоть.

За мгновение до того, как мандибулы сомкнулись на его лодыжке, он поднял ноги, избежав укуса. Силы ослабленной паутины оказалось недостаточно, чтобы выдержать его вес, и сквайр, избавившись от пут, упал прямо на теневого паука.

Он прошёл сквозь существо так же, как и его меч. В тот момент, когда они слились, его разум заполнили нечеловеческие ощущения. Кевин свалился на пол под самым брюхом паука.

Тень нависла над ним. В отчаянии обхватив свой клинок руками для того, чтобы действовать в столь стеснённых обстоятельствах, он вогнал его в щель между брюшком и головогрудью паука.

По каким-то причинам, на этот раз сталь наткнулась на нечто твёрдое, и фантом резко дёрнулся и осел. Кевин использовал меч, чтобы перевернуть паука на спину, а затем давил на рукоять до тех пор, пока призрачная тварь не перестала шевелиться.

Сквайр нуждался в передышке, но знал, что у него нет времени. Пошатываясь и дрожа, он освободил пленников.

Большинство из них, во всяком случае. При более внимательном осмотре он заметил что пара из них уже превратилась в засохшие, скорчившиеся оболочки.

Но всё-таки многие были живы. Некоторые даже были достаточно сильны, чтобы помочь тем, кто послабее. Кевин рассчитывал, что при должной удаче, сможет вывести отсюда их всех.

Ему почти удалось.

Разведывая дорогу и убеждаясь, что впереди их не ждут тени, Кевин вёл людей обратно по тому пути, которым сам пришёл сюда. Один раз, когда процессия

проходила мимо разорванного знамени, ребёнок вдруг начал плакать, и все застыли в ужасе, уверенные, что сейчас тени обрушатся им на головы. Мать ребёнка быстро закрыла ему рот рукой, но ни один фантом не появился на звук. Позже, беглецам попался по дороге колокольчик, и костлявый, беззубый бедолага, который, похоже, тронулся умом от перенесённых испытаний, уставился на шёлковую ленточку с пугающей заинтересованностью, как будто он не хотел звонить в колокольчик, но ощущал нездоровую потребность сделать это. Седовласая матрона подхватила его под руку и увлекла за собой.

Наконец, Кевин высмотрел мраморное изваяние, изображавшее остроносого, лукавого юношу, сидящего на пьедестале. Он обратил на него внимание входя сюда, и это значило, что Сад Медузы уже был совсем близко. Он улыбнулся, и психический вопль тени пронзил его голову.

Некоторые из пленников закричали. Остальные обхватили головы, рыдая. Поражённый беззвучным воплем призраков не меньше, Кевин всё же призвал спутников и подтолкнул их. Ему нужно было заставить их двигаться, вытащить людей отсюда прежде, чем преследователи настигнут их.

Он гнал их по длинному прямоугольному коридору и почти довёл до самого сводчатого выхода, когда инстинкты вынудили его оглянуться. Он не мог различить определённых очертаний, ещё нет, но темнота позади бурлила от движения. Тени выползали из боковых входов вдоль стен.

Кевин рассчитывал, что ему нужно задержать фантомов хотя бы на несколько секунд. В противном случае, лишь немногие из пленников доберутся до выхода, если и вообще кто-то из них сумеет спастись. Он развернулся и попробовал издать боевой клич, но тот вышел больше похожим на усталый, испуганный хрип. Сквайр двинулся к дальнему концу комнаты, и волна теней обрушилась на него из мрака.

Он вонзил свой меч в грудь ближайшего из фантомов, но убил ли его, сказать было невозможно, потому что следом молниеносно хлынули остальные, сметая его, и после уже нельзя было выделить отдельных противников. Перед ним была целая стая, многоногая масса, царапающая и наносящая удары со всех сторон в ответ на его жалкие попытки извиваться и рубить её.

В один миг, на долю секунды, в этой бушующей массе появился узкий просвет, и Кевин мельком увидел, как остальные демоны несутся потоком в сторону двери. Он страстно желал задержать и их, но знал, что сделать это нет ни единого шанса. Холодные руки вцепились в его плечи и запястья, и силы начинали стремительно покидать его.

В ответ на его усилия освободиться другие тени только крепче зажимали его, убивая всякую надежду на спасение. Он решил не кричать, но всё равно сделал это, чувствуя, как фантомы вытягивают из него последние силы.

* * * * *

Он пришёл в себя от холодных капель дождя, стекавших по лицу, лёжа на грубом, сыром полу. Кевин с трудом поднял опухшие веки. Высоко над головой ползли серые облака, но всюду по краям его поля зрения были стены, как будто он находился в яме. Он попытался приподняться, чтобы лучше осмотреться, но не смог.

Сквайр ужасающе ослаб, и до костей его пробирал такой холод, который не могло объяснить даже насквозь промокшее одеяние.

- Спокойно, юноша, – прошептал кто-то, - Не шевелись!

Кевин повернул свою голову на голос, и увидел женщину с вьющимися пепельными волосами, которая тоже лежала на полу.

- Почему нет? – прошептал он в ответ.

- Ты рассердишь Его!

Каким-то образом Кевин не нуждался в вопросе, чтобы понять, кого. Великой Тени. Меньшие фантомы приволокли сквайра и других людей в логово титана. Фантазии, выцарапанные Кевином внутри Врат Кормира, в большей или меньшей степени становились явью.

- Тени снова захватили вас всех? - спросил он.

- Нет, - ответила женщина. - Многие успели уйти через ту дверь.

Кевин неожиданно сам для себя улыбнулся.

- Тогда Хельм высоко оценил мою маленькую монетку. Он дал мне больше, чем я заслуживал просить.

Женщина непонимающе нахмурилась:

- О чем это ты?

- Да так, не бери в голову. Лучше расскажи мне, что это за место и что здесь творится.

- Мы в больших покоях на вершине цитадели. Крыша сорвана, и это громадное... нечто, очевидно, устроило здесь своё логово.

- Продолжай.

- Меньшие тени сбросили нас сюда в качестве пищи для монстра, как мы бросаем еду для собак. Пока ты был без сознания, оно уже сожрало Квинн и Эвайну.

- По крайней мере оно не начало пожирать нас прямо сейчас, и если оно не обращает на нас внимания, значит, мы можем сбежать.

- Оно следит за нами. Эвайна попыталась незаметно ускользнуть, и именно тогда чудовище схватило её.

- Ох... Ладно, я понял. Тогда попробуй не шевелиться, пока я буду искать выход отсюда.

- Это безумие! Если бы ты встретился с тем же, что и я, если бы ты мог видеть ЭТУ тварь...

- Айандор, рыцарь, которому я служу, говорил мне, что если у человека есть на плечах голова, он сможет уйти от любой опасности, и я могу хотя бы попытаться. Почему нет? Что нам осталось терять?

Женщина слабо улыбнулась.

- Если ставить вопрос так, приятель, то нечего. Поразмысли хорошенько.

Кевин лег на спину и задумался о том, что бы на его месте сделал Айандор, и если рыцарь отправился искать его. Скорее всего, нет, и в свете этого безрадостного утра сквайр понял, что хитрая уловка, которую он собирался проверить, была на деле легкомысленной, ребяческой выходкой, продиктованной больше отчаянием, чем здравым смыслом. Без сомнения, проницательный старик увидел это сразу и только рад был избавиться от общества нахального глупца, вздумавшего одурочить его.

Нет, Кевин мог лишь молиться, что Айандор обратится к своим чувствам прежде, чем самоубийственная одиночная кампания против теней уничтожит его. Его сквайру было за чем к нему обратиться.

Он ждал до тех пор, пока сила понемногу не наполнила снова его мышцы, достаточная, как он надеялся, чтобы подняться, пройти и крикнуть.

- Я собираюсь отвлечь Великую Тень, - объяснил он. - Выбирайтесь отсюда. Я надеюсь, остальные пленники последуют за тобой.

Её синие глаза в ужасе расширились:

- Но тени убьют тебя!

- Всё итак к этому идёт.

Она была в нерешительности.

- Всё равно остаются бесчисленные меньшие фантомы, те, что приняли облик людей и больших кошек, и это не считая волков, промышляющих у стен крепости.

- Бегите. Прячьтесь. Бросайте в них камни. Используйте все средства, какие сгодятся, чтобы сбежать.

Она нервно сглотнула.

- Хорошо. И пусть Хельм примет тебя в свои чертоги. Рыцарь, которому ты служишь, должен очень гордиться тобой.

Кевин улыбнулся с болью, не имевшей ничего общего с той, что причинили ему тени.

- Что ж, может, он будет. Приготовься.

Он дал ей время собраться с силами, а затем, жалея, что тени не оставили ему меча, встал на ноги и огляделся.

Как и говорила ему женщина, комната была огромной и круглой, с неровной дырой в том месте, где раньше был потолок. Его обломки валялись на полу, и штукатурку стен украшали изображения пентаграмм. Где-то в центре пространства комнаты, занимая добрую её часть, устроилась Великая Тень.

Внутри мрачной субстанции проплывали человеческие лица, искажённые или туго стянутые друг с другом. Несмотря на растянутые, разделённые и расплющенные черты, каким-то образом было возможно различить их гримасы агонии, безумия и гнева. Во имя слёз Ильматера, было ли это тем, что осталось от людей, уничтоженных Великой Тенью? Были ли их души затянuty в вечное заточение внутри тела фантома?

Кевин стоял, застыв от ужаса, когда Великая Тень потянулась к нему, опуская одну бесформенную руку к его голове и раскрывая смертельные объятия ещё двух. В последний возможный момент юноша оправился от оцепенения и резко уклонился назад. Три щупальца поймали лишь воздух, и все лица внутри громады титана заревели и завывали в беззвучной какофонии.

Борясь с оглушительным психическим громом как только мог, Кевин создавал свой собственный шум, громко крича и бегая взад-вперёд. Великая Тень вытянула ещё больше щупалец, чтобы схватить его, а женщина с пепельными волосами вскочила и бросилась к выходу. Несколько других пленников сделали то же самое, но пульсирующая туша тени не обратила на них всех никакого внимания.

Кевин ухмыльнулся. Было приятно наконец проверить фокус, который работал, даже если это, вероятно, скоро стоит ему жизни.

Великая Тень била щупальцами по полу, пытаясь достать его, и при каждом ударе мягкотелые бесформенные отростки расплющивались, сотрясая пол. Сквайр уворачивался снова и снова, зная, что это лишь вопрос времени, пока одно из щупалец не доберётся до него. Когда отчаянные кувырки привели его к выходу, Тень выбросила огромный кусок себя, как плиту, отделившую её жертву от пути к спасению эффективнее любой стены.

Нечто разбилось, вспыхнув и зашипев, о спину Великой Тени, и тысячи лиц внутри дьявольской твари завопили в агонии, когда на гигантском фантоме появился венец из переливающегося голубого и янтарного огня. Кевин вскинул голову и заметил у края дыры в потолке Айандора, который готовился кинуть ещё один бочонок с маслом. В отличие от первого, этот уже не нуждался в запале. Когда он разобьётся, его содержимое подпитает уже разгоревшееся пламя.

Айандор швырнул бочонок, и огонь страшного пожара взметнулся ещё выше. Человек, облитый горящим маслом, забился бы в муках и сдался, но титан потянулся к своему мучителю. Падающие капли дождя отливали жёлтым светом бушующего пламени.

Кевин поднимал обломки потолка и бросал их в Тень. Несколько меньших фантомов появились у края отверстия. Очевидно, веря, что те избавятся от Айандора, Великая Тень полностью переключила своё внимание на сквайра. Ему оставалось только надеяться, что он не упустил только что свой единственный шанс выжить.

Шевеля клочковатыми усиками, фантом расползся по обеим сторонам от Кевина, прижимая его к стене. Титан походил на исполинскую пару рук, готовящихся схватить мяч, хотя и с языками пламени, пляшущими наверху, и каплями горящего масла, стекающими по его бокам.

Кевин не видел никакой возможности бежать, и с досады плюнул в Великую Тень. Это был ничтожный жест, но лучше, чем ничего.

Раздвоенная масса теневой твари начала смыкаться над ним подобно корешку книги, когда неожиданно Серый Танцовщик не свалился со звоном к его ногам.

Кевин наклонился и поднял клинок из чистого мифрила, обхватив его за обмотанную кожаным ремешком рукоять. Он был уверен, что Айандор бросил Серого Танцовщика намеренно, чтобы дать своему приёмному сыну подобие шанса на победу, даже притом, что сам рыцарь нуждался в оружии для схватки со своими противниками.

Сквайр встал в боевую стойку, и волна жизненной силы наполнила его, изгоняя боль и слабость из его мышц. Серый Танцовщик укреплял его силы. Айандор время от времени разрешал Кевину подержать меч, но клинок никогда не делал ничего подобного. Очевидно, меч нуждался в противнике, чтобы его магия пробудилась.

Этот противник в недоумении поколебался на миг, когда меч упал между ними, но теперь две гигантские руки, раскинувшиеся в подобии буквы “V”, стали сходиться снова. Сквайр развернулся к тому отростку, что был справа, и взмахнул Серым Танцовщиком в длинном ударе сверху вниз.

Лезвие оружия рассекло текучую теневую массу надвое и вызвало волну, встряхнувшую поток страдальческих лиц внутри чудовища. Великая Тень заревела,

и её отростки рванулись назад, образовав проход между тварью и стеной. Кевин нырнул в него.

Освободившись из смертельной ловушки, он немедленно развернулся и возобновил атаку, рубя направо и налево со всей силой, на какую был способен. Капли горящего масла разлетались и обжигали его, но он почти не чувствовал боль. Внезапно столб теневой массы вырвался из середины чудовища и, ударив в грудь сквайра, отбросил его через комнату.

Если бы не крепкий хауберк, столкновение скорее всего переломало бы сквайру рёбра. Ударившись об пол, он на мгновение потерял сознание, но сразу почувствовал магическое присутствие Серого Танцовщика в своей голове, будто могучая ободряющая рука отогнала слабость.

Когда Кевин поднял голову, Великая Тень сгущалась чёрно-серым огненным полотном, вращающимся наверху подобно гигантскому урагану. Юноша видел, что у него не осталось времени, чтобы увернуться, и как только тень начала падать на него, он выставил над собой Серого Танцовщика, приняв удар.

Великая Тень напоролась на меч, и сопротивляясь клинку не больше, чем бушующий поток воды, обрушилась на Кевина, хлопнув его, как муху. Он очутился в потоке бурлящих, невнятных, горящих призрачных лиц. Сквайр был оглушён и отчасти удивлён тем, что всё ещё жив, когда Серый Танцовщик снова, хотя и с большим трудом, привёл его в чувство.

Хотя у клинка и не было истинного голоса, не было даже ментального, подобного воплю теней, Кевин как-то ощутил то, что меч пытался сказать ему: *Взгляни, взгляни, взгляни на Великую Тень сейчас, взгляни, у тебя лишь миг!*

И Кевин посмотрел. Теневое создание, растекшееся по полу, всё ещё бугрилось и извивалось, но без всякого намёка на прежнее проворство. Несомненно, огонь, Серый Танцовщик или и то и другое вместе наконец причинили титану значительный ущерб. Более того, вялая, мрачная субстанция собиралась со всех концов комнаты в своего рода сгусток, как будто стараясь восстановить тело чудовища вокруг себя. В отличие от оболочки, утолщение не имело внутри замученных человеческих лиц. Оно было полностью чёрным.

Кевин полагал, что знает, как поступить, но внезапно жгучая боль разлилась по его рёбрам и ногам. Сквайр посмотрел вниз и обнаружил, что его одежда объята огнём. Он мог попытаться сбить пламя или стерпеть его и нанести удар, пока Великая Тень была уязвима.

Он попытался подняться, но другие приступы боли пронзили его. Левая рука и лодыжка затряслись, растянутые или сломанные, предположил он. Он попробовал снова, и на этот раз смог встать на ноги.

Хромая, он пошел вперёд. Теневая масса стекалась уже быстрее, и почти успела накрыть сердце титанической твари. Кевин наметил всё ещё видневшийся участок абсолютной черноты и опустил на него Серого Танцовщика.

Многоликое чудовище издало предсмертный вопль, и Великая Тень исчезла. Кевин упал на пол и катался до тех пор, пока не сбил пламя.

Затем он просто сел на землю, слишком израненный и истощённый для чего-либо другого, растратив силу которую дал Серый Танцовщик, пока наконец оклик не

напомнил о том, что эта битва была не только *его*. Он вгляделся сквозь затянутый дымкой воздух. Дождь приятно обдавал его обожжённое, горячее лицо.

Айандор смотрел на него в ответ через дыру в потолке.

- С тобой всё в порядке? – спросил рыцарь.

- Могло быть много хуже. Спасибо Хельму за мокрую одежду! Нам надо идти.

Другие тени...

- ...исчезли после гибели их властелина, - закончил Айандор. - Мертвы или разбежались, кто знает? Или кому до этого есть дело? Я спускаюсь.

Он отошёл от края дыры и появился у одной из дверей минуту спустя.

- Вы уверены, что тени исчезли? – спросил сквайр.

- Что ж, те, с которыми я сражался, просто испарились, да и других не вижу, а ты?

- Теперь, когда вы упомянули об этом, нет. Как вы меня нашли?

- Это было не так уж трудно. Обнаружив твою записку, я почувствовал подвох, но всё равно не хотел оставлять тебя бродящим по городу теней в одиночку. Я последовал за тобой и наткнулся на одного из пленников, которых ты спас. Он сказал мне, где тебя найти, и я прокрался в крепость ведьмы. В конечном счёте, я выяснил, где ты был, но не мог добраться до тебя. Слишком много теней перекрывали путь. Тем не менее, я нашёл способ оказаться над тобой и этим великим летающим пудингом, и понадеялся на то, что если смогу ранить эту тварь, ты сумеешь бежать в последующей затем суматохе. Мне удалось найти немного масла, которое хранила старая Тилвара, притащить его на крышу, а дальше мой план рассыпался, - он улыбнулся. - Ты вскочил на ноги слишком рано, а несколько теней взяли мой след и проследили за ним до самого моего насеста.

- Как Вам удалось сдержать их, не имея под рукой Серого Танцовщика?

- С моим кинжалом и факелом. Не ахти какое оружие, но помогает отогнать тени.

- Очевидно это так, - Кевин смутился. - Сэр, вы не сердитесь на меня за то, что я пытался одурачить вас?

- Вначале, да, но... Я знал, почему ты это сделал, и внутри меня действительно что-то ожило. Быть может, когда я встретил спасённого тобой парня. Это меня пристыдило, напомнив, каким должен быть настоящий рыцарь. Возможно, увидев дохлую Великую Тень, я стал чувствовать себя немного лучше. По меньшей мере, я всё ещё сожалею о своей потере, но, кажется, больше не спешу встретиться с Пелезеном на другой стороне. Я встречу с ним, когда настанет время.

- Я рад. – взгляд Кевина упал на Серого Танцовщика, который бесславно лежал в луже. Он поднял меч и протянул рыцарю.

Но Айандор не пошевелился, чтобы взять его.

- Оставь его себе, парень, он хорошо лежит в твоей руке. Я был озадачен, что с ним делать, но теперь вижу, что после всего у меня наконец есть наследник.

ДВИЖУЩИЕСЯ ПЕСКИ

Питер Арчер

13 Кизорн, год Дикой Магии

Копыта верблюда поднимали клубы пыли, которые окутывали путников плотным облаком. Раскалённый ветер, завывая, трепал одежду, забивая грязь в каждую прореху, касался путников жёсткими пальцами, стремясь похоронить под тоннами песка и предать забвению.

Оба человека, цепляясь за раскачивающееся седло, склонили головы, защищаясь от бури. Верблюд упрямо шел вперёд. Его следы почти тут же заметал серый песок, словно путники никогда и не проходили этой дорогой.

Один из мужчин – тот, что был выше ростом, – повернулся в седле и что-то прокричал своему компаньону, тот поправил капюшон и указал вперёд. Высокий пожал плечами и снова пригнулся, защищаясь от ветра.

Вспышка молнии и громовой раскат, эхом отозвавшийся среди дюн пустыни. Анорач, едва не опрокинули обоих мужчин и их верховое животное наземь.

Высокий повернулся к товарищу и прокричал:

– Молния! В центре богами проклятой пустыни! Мы должны остановиться.

– Нет! – отозвался низкорослый столь же пылко. – Идём дальше.

Он потянулся за спину и хлопнул верблюда по крупу. Животное шагнуло вперёд, и тут раздался новый раскат грома, от которого оба путешественника съехали на песок. Верблюд запаниковал и бросился бежать.

Высокий мужчина подскочил первым и кинулся вслед за зверем. Он не успел сделать и пяти шагов, когда снова оглушительно зарокотало – куда громче, чем в прошлые два раза. Воздух мигом наэлектризовался, и человек снова упал лицом в песок. Одежда от такого отношения затрещала по швам.

В этот раз первым на ноги встал низкорослый. Сквозь завесу поднятого бурей песка он смог различить некую чёрную массу в нескольких ярдах от себя. От неё поднимался дым, который тут же сносил ветер. Тошнотворно пахало горелым верблюжьим мясом. Седло и прочее снаряжение валялось поодаль, откинутое мощным электрическим разрядом.

Словно израсходовав на это бедствие последние силы, буря начала стихать. Ветер ослаб, песчаная завеса поредела, а затем и вовсе пропала. Вой и грохот хабуба сместились к западу и затихли за ближайшей дюной.

Путники, пошатываясь, двинулись вперёд, чтобы рассмотреть останки их верхового животного. Высокий вился взглядом в своего низкорослого товарища.

– Я же говорил, что надо было остановиться.

Его компаньон пожал плечами.

– Поступи мы так, то лежали бы сейчас рядом на песке в запечённом виде. Ты же не думаешь, что молния ударила сама по себе?

– Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа купец принялся собирать разбросанные вокруг туши вещи. Высокий, чье лицо было обезображено палящим солнцем пустыни, застарелыми

шрамами, возрастом и выпивкой, уставился на товарища тяжёлым взглядом и повторил вопрос:

– Что ты имел в виду, Аварилус?

– То, мой дорогой Гармансдер, что мы имеем дело с людьми, для которых убить тебя, что наступить на паука. Советую тебе это запомнить. Быть может, тогда ты проживёшь чуть дольше.

Взгляд Аварилуса метался из стороны в сторону, а пальцы отбивали сложный ритм по объёмному животу.

Глаза Гармансдера расшились, когда он впился в торговца злобным взглядом и произнёс, повышая голос:

– Я и так знаю, с кем имею дело – с мелкой змеей, с чьего раздвоенного языка не сорвалось и слова правды. Не нужно было соглашаться ехать с тобой, даже за ту цену, что ты назвал. И теперь ты пожалеешь, что затащил нас сюда.

Обнажив ятаган, что висел на его поясе, Гармансдер занёс руку для удара. Неожиданно в воздухе щелкнул кнут, и лезвие оружия упало в песок в двадцати футах от своего владельца. Высокий мужчина скороговоркой пробормотал проклятье и обернулся.

Позади, выстроившись тёмной линией, стояла группа бединов. Их чёрную одежду трепал ветер, но, не считая этого, они были неподвижны словно каменные изваяния. Один из неожиданных гостей облачённый в красное – очевидно, лидер, – стоял впереди остальных. В поднятой руке он сжимал кнут, которым разоружил Гармансдера.

Аварилус осторожно поднял руки ладонями вперёд.

– Мир вашим шатрам, друзья мои. Я в вашем распоряжении. Мы с товарищем потеряли верблюда и уже отчаялись найти верную дорогу, когда вы...

Его голос стих, когда бедины, слаженно двинувшись вперёд, окружили путешественников и разоружили их. Из-за пазухи Гармансдера кочевники вытянули пару уродливых кинжалов. У купца забрали три метательные звезды и тонкий клинок, что был закреплён на его ноге. Всё это было сделано без единого звука. Руки путников крепко связали за их спинами и соединили короткой верёвкой. Один из бединов резко дернул её на себя.

Повинуясь жесту одетого в красное предводителя, отряд двинулся в том направлении, куда ехали Аварилус и Гармансдер. Поднявшись на дюну, путешественники увидели стадо спокойно стоящих и жующих жвачку верблюдов. Возле них, охраняя, стояло двое или трое бединов. Всё так же не проронив ни слова, кочевники их пленники поднялись в седла отправились в путь.

* * * * *

Как это обычно бывает с лагерями бединов, путешественники не заметили его, пока не оказались внутри. Серовато-коричневый материал шатров сливался с бесконечными песками, и заметить их можно было разве что во время порывов ветра, колышущих ткань. Несколько кочевников выглянуло из палаток, чтобы посмотреть на чужаков. Под их безмолвными взглядами похитители подвели

пленников к самому крупному шатру. Аварилуса и Гармансдера грубо сдёрнули с сёдел и толкнули внутрь.

В центре палатки в небольшой жаровне пылал огонь. Малая часть дыма уходила через отверстие в крыше, в то время как остальное оставалось клубиться в воздухе. Тяжёлый запах напомнил Аварилусу, что бедины, как и большинство обитателей пустыни, используют вместо топлива высушенные верблюжьи лепёшки. Гармансдер закашлялся, сплюнул и снова закашлялся. Его лицо покраснело и блестело от пота.

У матерчатых стен шатра расположились несколько закутанных в одежды фигур, холодно смотрящих на двоих незнакомцев. Аварилус спокойно сидел на полу, пока один из похитивших их с товарищем кочевников шептал что-то на ухо одному из наблюдателей. Справившись с приступом кашля, Гармансдер затравленно огляделся.

– Что мы здесь делаем? Чего они хотят? – прорычал он, обращаясь к торговцу.

– Тихо, – голос Аварилуса был холоден и жёсток. В нём не осталось ни следа обычных скулящих интонаций.

Наёмник молчал несколько мгновений, а затем рванулся к выходу из шатра. Десять рук мгновенно водворили его на место, к горлу прижалось лезвие изогнутого кинжала. Аварилус не шелохнулся.

Один из закутанных в одежду – тот, с кем говорил похититель, – откинул капюшон, обнажив копну седеющих волос и тёмные, дымчатые глаза.

– Зачем ты пришёл сюда?

Слова падали как обломки скал, голос был тихим и рокошующим. Его сила волной прошла по шатру.

Аварилус помедлил, прежде чем спокойно ответить:

– Я торговец Аварилус из Калимпорта, и я перевожу товары из Шумной Воды в Белый Рог. Этого человека – моего компаньона, – зовут Гармансдер. Наш маршрут пролегал через Анорач, так как мы не хотели делать большой крюк к югу...

– Довольно! – бедин поднял руку. – Это правда, что твоё имя Аварилус, но нам слишком хорошо известно какого рода товары ты поставляешь. Ты продаёшь информацию и ворованные вещи. Быть может ты и пришёл из Шумных Вод, но твоя родина вовсе не в Калимпорте. Слухи о твоих интригах известны от Долины Ледяного Ветра до джунглей Чульта, от Непостижимого Востока до Побережья Меча.

– Ерунда! – фыркнул Гармансдер. – Я путешествовал с этим человеком несколько месяце. Из него такой же шпион как из меня!

Аварилус молчал.

Высокий мужчина посмотрел на него с удивлением и нарастающей яростью.

– Ублюдок! – Он попытался кинуться на торговца, но три пары рук удержали его на месте. Наёмник сердито зыркнул на Аварилуса. – Впредь буду умнее и не стану наниматься к толстякам с бегающими глазками.

Бедин с седыми волосами перевёл взгляд на Гармансдера.

– Кажется, ты совсем не знаешь своего компаньона. Он путешествует по всему миру и вмешивается в дела незнакомых людей. Он работал на ныне покойного короля Азуна из Кормира, на правителей далёкого Улгарта, Красных Волшебников

Тэя. Кто-то утверждает, что даже имя «Аварилус» не настоящее. Никому о нём доподлинно ничего не известно.

Толстяк, проигнорировав вспышку своего компаньона, погладил подбородок и заговорил.

– Очень хорошо. Допустим, что в этих словах есть доля правды. И что же Вам от меня понадобилось?

Бедин пожал плечами.

– Для нас всё это не имеет значения, – сказал он. – У тебя репутация человека, готового ввязаться в политические интриги ради наживы. Нам безразличны дела внешнего мира кроме тех случаев, когда они напрямую затрагивают племена.

Аварилус задумчиво кивнул.

– Ясно. И из того, что вы привели нас сюда, я делаю вывод, что в сейчас как раз такой случай, – толстяк подобрался, и Гармансдер подумал, что его компаньон стал похож на выпустившую когти кошку.

Вождь бединов промолчал, но купец кивнул, словно его предположения подтвердились.

– Для начала вы, возможно, могли бы сказать, с кем имею честь сотрудничать.

Лидер бединов подался вперёд и представился:

– Я Шейх Омар Льясса Бин-Дар, вождь кочевников Бин-Дара, владелец двухсот семидесяти пяти верблюдов, шестьсот двенадцати коз, сто пятьдесят четырёх овец...

Аварилус поднял руку.

– Этого вполне достаточно. Приступим.

Было поразительно, с какой ловкостью толстяк перехватил инициативу в разговоре. Хотя, как заметил Гармансдер, Бин-Дару это не понравилось. Бедин откинулся на подушки и затянулся из стоящего возле него кальяна, прежде чем снова заговорить.

– Как вам наверняка известно, Жентарим уже давно проложил торговые маршруты через Анорач. Мы, бедины, терпим это из уважения к людям к которым идут эти товары, хотя могли давным-давно уничтожить пути...

– Это вы так говорите, – перебил Аварилус. – На деле, сохранность дорог предоставляет вам неиссякаемый приток караванов, которые можно ограбить.

Бин-Дар проигнорировал замечание и продолжил:

– В оазисах вдоль маршрута Жентарим построил собственные заставы, взимая дань с путешественников. По большей части мы не обращаем на них внимания, разве что иногда совершаем набеги, восстанавливая тем самым справедливость в Фаэруне.

Циничная улыбка Аварилуса ясно дала понять Гармансдеру, что купец думает о подобных заявлениях.

Бин-Дар откашлялся и перешёл к сути дела:

– В последнее время, – произнёс он, – мы заметили, что в одном из оазисов близ наших территорий изрядно повысилась активность. Чёрные одежды становятся всё более дерзкими, нападая на наших соплеменников. Там, где прежде на бединов не обращали внимания, ныне они полны решимости нас уничтожить. Создаётся впечатление, что они нашли нечто такое, о чём не хотят, чтоб стало известно нам.

Аварилус расслабился, вытянувшись на земле и опираясь на пухлый локоть. Его глаз были полу прикрыты, словно купца одолевала сонливость, но, если присмотреться, можно было заметить блеск предвкушения в их глубинах.

– До нас дошли слухи о том, что Жентарим ведёт там масштабные раскопки, – Бин-Дар щелкнул пальцами, и один из подчинённых вложил в его протянутую ладонь свиток из козлиной кожи. – Они роют... здесь.

Бедин ткнул пальцем в точку на примитивной карте. Аварилус присмотрелся.

– Хм, возле Хлондата. Одно из Погребённых Царств.

– Именно, – кивнул Бен-Дар.

– Что за Хлондат? – вмешался в разговор Гармансдер. – И какое это имеет отношение к нашему похищению?

Купец ответил, не глядя на товарища, его голос звучал словно издалека:

– Хлондат это могучее государство, существовавшее много веков назад, после падения Нетерила. Королевство исчезло, погребённое песками пустыни, но некоторые считают, что в месте с ним похоронены и могущественные магические артефакты Нетерильской Империи. Многие отправлялись искать эти сокровища, но лишь единицам улыбнулась удача. Большинство авантюристов сгинули в песках, – Аварилус внимательно посмотрел на Бин-Дара. – Я полагаю, вы считаете, что женты что-то нашли.

Бедин покачал головой.

– Не знаю, **нашли** ли они что-то, но уверен, что они **ищут**. Нечто, что, по их мнению, не должны найти другие. То, что может укрепить их позиции в Анораче.

– Почему им должно повезти больше, чем их предшественникам?

– Потому, – Бин-Дар понизил голос, – потому что вернулся Город Шейдов. И это может предвещать новый расцвет Нетерила, чем и хочет воспользоваться Жентарим. Если они найдут какой-нибудь артефакт древней империи, они смогут использовать его для заключения союза с Шадоварами. Подобное будет иметь катастрофические последствия для моего народа. Поэтому жентов надо остановить.

– И какое это имеет отношение к нам? – прорычал Гармансдер, уже и так зная ответ.

Взгляд Бин-Дара не отрывался от лица толстого торговца.

– Я собираюсь кое-что предложить тебе, Аварилус.

Купец размял пухлее ноги, затёкшие от долгого сидения на коленях.

– Мне это известно.

Впервые на лице бедина отразилось удивление.

– Известно? Но как... – он замолчал и понимающе кивнул, будто что-то для себя уяснив. – Ясно, – продолжил он, – не мы нашли тебя, а ты нас.

Аварилус пожал плечами.

– До меня дошли сведения, что вы мной заинтересовались. И я просто отправился в место, где вероятность нашей встречи сильно возросла.

– Почему?

– Ваша ситуация мне интересна. Я слышал про раскопки и предполагал, что какое-нибудь племя бединов захочет им помешать. Прямое нападение слишком опасно, таким образом, вам пришлось бы обратиться к сторонним ресурсам. Как я уже говорил, я узнал, что вы ищите со мной встречи.

– Ты мог бы рассказать всё это **мне**, – буркнул Гармансдер. – Если б я был в курсе дел, то сбежал бы от тебя со всей возможной скоростью. Не хочу иметь ничего общего с подобными им людьми.

Бин-Дар мягко усмехнулся.

– Ты поможешь Аварилусу в этой миссии, – сказал он наёмнику. – Награда будет куда больше, чем он мог тебе обещать.

В глазах высокого мужчины блеснула жадность, но он продолжал стоять на своём.

– Звучит заманчиво, но я не хочу оказаться в окружении жентов, когда у меня за спиной будет кто-то, кому я ни на грош не доверяю.

Губы Бин-Дара изогнулись в улыбке, которая, впрочем, не коснулась его глаз.

– Я доверяю ему не больше тебя, но он – могучее оружие. Воину в бою не интересно, кто ковал его меч, главное, чтоб клинок мог поражать врагов.

Гармансдер фыркнул. Аварилус вздохнул, его живот отозвался глухим бурчанием.

– Разве мы не можем обсудить всё это после еды? – печально спросил торговец. – Я умираю от голода.

* * * * *

У стражников-жентов был долгий скучный день, который они провели, прячась от жары и палящего солнца в тени палаток. Они играли в кости и периодически прикладывались к бутылке *раки* – крепкого ликёра из чахлого кустарника, покрывавшего дюны вокруг оазиса. К полудню захмелевшие стражники начали клевать носом, и меньше всего желали, чтоб их тревожили.

Один пихнул товарища локтем, пробуждая ото сна. Оба стражника поднялись на плохо слушающиеся ноги, наблюдая за приближающимися к ним путниками.

Пришельцы ехали на верблюде, и у того, кто сидел сзади, запястья были стянуты верёвкой, за свободный конец которой держался второй всадник. Когда пара приблизилась, женты смогли разглядеть, что на щеке толстяка алеет длинный порез, а левый глаз заплаыл уродливым синяком.

Верблюд остановился возле палатки стражников, и высокий мужчина легко спрыгнул на песок. Оставив своего связанного спутника в седле.

– Приветствую! – начал он скрипучим от сухого воздуха голосом. – Я хотел бы увидиться с вашим командиром.

Более трезвый из двоих охранников сплюнул на песок.

– Ха! И зачем?

– У меня для него кое-что есть, – путник дёрнул за верёвку, что держал в руках, стаскивая своего пленника с седла. Толстяк мешком упал на песок, вскрикнув от боли.

Один из стражников подошёл ближе, едва переставляя непослушные ноги.

– Это что? – спросил он, ткнув упавшего человека носком сапога.

– Скажу вашему командиру. Поверьте, он захочет это услышать.

Женты переглянулись и кивнули друг другу. Один снова обернулся к пришельцам, а второй скрылся в палатке.

– Сейчас придёт лейтенант Сасс.
– Я сказал, что хочу видеть командира, а не какого-то лейтенанта.
– Ты увидишь Сасса. А уж он решит, к кому тебя отправить дальше. Подойдёт через пару минут, – стражник снова опустился на бочку, на которой сидел до того.

Высокий мужчина заглянул за палатку охранников, рассматривая оазис. Всюду кипела работа. Выстроившиеся в длинные шеренги бедины передавали из рук в руки ведра с песком, за ними наблюдали женты, одетые в фиолетовые одежды и вооружённые кнутами или дубинками. Песок извлекали из центра раскопок, которые занимали примерно пятьдесят футов в поперечнике. Даже издали была заметна сеть из лестниц и канатов, с помощью которой можно было спуститься под землю. Над раскопками возвышалась тяжёлая деревянная конструкция, оснащённая колесом и предназначенная для подъёма на поверхность ведер с песком. Воздух был полон грохотом колёс, скрипом деревянных подпорок, стонами кочевников и криками проклятых жентов.

Жент, от которого словно расходились волны уверенности и власти, шел к палатке охранников, его одежда развевалась от быстрого шага. Он взглянул на часовых, а затем отвесил одному из них пощёчину, от которой беднягу развернуло и опрокинуло на песок.

– Дураки! Пьянство на дежурстве!

Он поднял ладонь и сделал пару пассивных шагов. Стражник завопил от боли, схватившись за щеку. Между его пальцами пробивались тонкие струйки дыма. Когда он опустил руку, наёмник увидел свежее красное тавро, магически выжженное на коже охранника.

Лейтенант переключил внимание на двоих путников. Второй стражник, тем временем, плеснул немногословно на рану товарища и увёл его в палатку.

– Кто вы, и зачем сюда приехали? К этому месту запрещено приближаться под страхом смертной казни. На самом деле, я должен немедленно содрать с вас обоих кожу, но сегодня у меня удивительно хорошее настроение, так что я выслушаю вашу историю, прежде чем убить.

Высокий мужчина и не подумал пугаться.

– Я полагаю, вы будете счастливы получить в своё распоряжение вот этого, – он пнул лежащего перед ним. – Это Аварилус, так называемый торговец. Шпион, по сути. Бедины наняли его, чтобы разузнать, что вы тут делаете.

Лейтенант посмотрел на него с удивлением, а затем рассмеялся.

– Шпион! Отлично придумано. И чем же бединские псы собирались ему заплатить? Верблюжьим дерьмом? Козьим мясом? – Сасс прищурился. – Кто ты, и зачем мне всё это говоришь?

– Я Гармансдер из Лускана. Этот дурак нанял меня в качестве охранника. Когда я узнал кто он, то решил, что за его голову получу от Жентарима куда больше, чем могут предложить бедины. Или чем он мог бы мне заплатить, – наёмник пожал плечами. – Поэтому теперь он здесь в вашем распоряжении.

Лейтенант Сасс присел возле головы Аварилуса и заглянул в его покрасневшие от суховеев глаза.

– Значит, горстку бединских дураков заинтересовало, что мы тут делаем, – пробормотал жент, словно говоря сам с собой. – Отлично, просто отлично. Страх

будет подпитывать сам себя. Особенно после того, как я пришлю им их шпиона в корзине. Или, быть может, в нескольких корзинах, – он усмехнулся. – Возможно, слухи об этом дойдут и до Шадоваров, и те станут посговорчивей.

– Что-что? – лейтенант склонился к лицу Аварилуса, когда тот попытался заговорить. Едва шевеля потрескавшимися кровоточащими губами.

– Шадовары... никогда... не будут вести дел с Жентаримом... раздавят вас в первую очередь, – слова упали в пыль словно слёзы.

Сасс рассмеялся и поднялся на ноги.

– Да, действительно, полный дурак.

Он махнул рукой, и тело купца подтащило к его ногам. Верёвка, связывающая запястья Аварилуса, вырвалась из рук Гармансдера и очутилась в ладони лейтенанта.

– Драшка! Тащи сюда свою жирную тушу, если не хочешь, чтоб я намотал твои же кишки тебе на шею!

Из-под навеса на краю лагеря появился ещё один стражник и отдал начальнику честь.

– Да, сэр?

– Я отведу этого ублюдка в шатер Командующего Хесака. Командир непременно захочет с ним побеседовать, так что распорядись, чтоб принесли инструменты. А до той поры я сам за ним прослежу, гадёныш скользкий как угорь. И, Драшка... – лейтенант дёрнул верёвку на себя. – Меня подводит зрение, или те двое идиотов-охранников пили во время караула, а ты не потрудился это прекратить? Замечу подобное снова, и ты станешь кормом для скорпионов!

Гармансдер демонстративно кашлянул, и лейтенант посмотрел на него.

– Ах, да. Твоя награда.

Сасс пошарил в складках тёмной одежды и, достав небольшой мешочек, бросил его наёмнику. Тот было собрался спорить, но, наткнувшись на ледяной взгляд жента, разом передумал.

Вместо этого он спрятал кошель и сказал:

– Я бы хотел остаться тут на ночь.

Лейтенант Сасс хмыкнул и повернулся к стражнику.

– Драшка, найди место, где это парень мог бы переночевать, но убедись, что он уедет с первым лучом солнца, – он посмотрел на наёмника, чуть сузив глаза. – В конце концов, предательство могло войти у него в привычку. Возможно, было бы куда проще вернуть бединам тела двух шпионов вместо одного.

Гармансдер энергично помотал головой.

– Поверьте, милорд, я и сам спешу отправиться на восток или юг в более гостеприимные земли, где честный наёмник всегда сможет заработать на жизнь. У меня нет ни малейшего желания вступать в дела волшебников – ни жентаримских, ни шадоварских.

Лейтенант усмехнулся через плечо, прежде чем отправиться к своей палатке.

Оставшись наедине, Гармансдер и стражник вперили друг в друга насторожённые взгляды готовых сцепиться псов. Наёмник запустил руку под одежду и извлёк керамическую бутылку, в которой, лаская слух, плескалось нечто алкогольное.

– Раки. У бединов позаимствовал. Знаешь место, где мы могли бы спокойно выпить?

* * * * *

Привязанный к стулу Аварилус сидел за грубо сколоченным деревянным столом напротив Командующего Хесака. Жент был коренаст и заплыл жиром. Чёрная одежда туго обтягивала объёмный живот, лицо было рябым и дряблым, что только сильнее подчёркивало неровное пламя свечей. Он подошёл к столику, на котором были разложены разнообразные инструменты. И торговец не нуждался в объяснениях касательно их предназначения. Несмотря на довольно-таки щекотливую ситуацию, лицо Аварилуса оставалось бесстрастным, а голос спокойным.

– Я не собираюсь скрывать, кто меня сюда послал и зачем. В конце конов, бедины и не рассчитывали на мою преданность вне зависимости от предложенной награды.

– И что же они предложили? – фыркнул Хесак.

– Тысячу золотых, – ответил торговец.

Командующий недоверчиво покачал головой.

– Не думаю, что у них нашлась бы такая сумма.

Аварилус пожал плечами.

– Набеги на караваны в этом сезоне, кажется, были вполне успешны. В любом случае я ещё не видел от них и медяка. Возможно, Жентарим мог бы придумать более подходящее применение моим талантам. Не думаю, что впервые имею честь сотрудничать с агентами Чёрной Сети.

– Возможно. Скажи, зачем тебя послали, и я подумаю над твоим предложением. Или я могу подарить тебе быструю смерть и покончить с этим.

Аварилус повернулся, насколько позволяли путы, и осмотрел интерьер шатра. Палатка была богато обставлена и украшена коврами и гобеленами. Хесак развалился в искусно украшенном резьбой паланкине, который был устлан шкурами пустынных львов.

– Бедины считают, что вы ищете артефакты Погребённых Королевств. И, кажется, они уверены, что что-то уже было найдено.

– Почему?

– Что почему?

Командующий небрежно махнул рукой, и голова Аварилуса дёрнулась как от удара. Торговец вздрогнул.

– Они считают, что вы собираетесь построить здесь форпост. Это так?

– Тебе стоит помнить, что вопросы здесь задаю я. Так будет лучше для тебя самого.

Хесак впился зубами в гранат, позволяя соку стекать по его подбородку розоватыми струйками.

– Пустынные крысы ближе к истине, чем предполагают, – усмехнулся он, глядя на пленника. Командующий встал и извлёк что-то из оббитого серебряными полосками сундучка. – Что скажешь об этом?

На его ладони лежал крошечный амулет. Утомлённым глазам Аварилуса казалось, что артефакт сверкает, словно в его глубины заключена звезда.

– Думаю, эта штука обладает магией, – осторожно сказал торговец. – И что с того?

– Что с того? Что с того?! – командующий расхохотался. – Ты, толстый идиот, хоть знаешь, что это такое?!

– Магический амулет, – отозвался Аварилус со скукой в голосе.

– Ха! Эта игрушка позволила бы мне управлять песком, поднимать бури, создавать завесы из пыли, которые хоронили бы под собой моих врагов. Амулет сделал бы меня повелителем пустыни.

– **Мог бы,** – заметил Аварилус, – но **не сделает.** Амулет покрыт трещинами и сломан. Сомневаюсь, что в нынешнем его состоянии хоть кто-то на рынках Калимпорта предложит за него больше горстки меди.

– Твоя правда, глупец, но где нашёлся один, там отыщутся и другие! – командующий бросил амулет в сундучок и снова опустился на лежанку. – Долгие годы мы, жентаримы, искали под этими песками сокровища Нетерила. И теперь, наконец-то, я их нашёл!

– Вы пока не нашли ничего кроме треснувшего амулета, – сказал Аварилус.

Его тело обмякло в верёвках, но взгляд метался по палатке, словно ища путь к спасению.

– Пока нет, но вскоре найдём. Ещё немного и наши землеройные машины пробьются в тайники под этим местом. И я буду хозяином всех находок. Я стану могуществен. Даже сам Фзул Чембрил будет обращаться ко мне как к равному. Со временем, возможно, я даже смогу занять его место во главе ордена.

Голос Хесака становился всё громче, и под конец он уже почти кричал. С его губ, окрашенных соком граната, слетали капли слюды. Казалось, собственный вопль несколько отрезвил командующего, и он злобно улыбнулся пленнику.

– Но есть ещё ты. И что же мне с тобой делать?

* * * * *

Раки – ликёр не для слабых сердцем или желудком. Его вкус неприятен даже тем, кто пьёт его постоянно, а в некоторых уголках Фаэруна его даже используют как крысиный яд. Но чего не отнять у этого напитка, так это того, что напиться им можно с совсем малых доз.

Гармансдер и Драшка, покачиваясь, выбрались из тени, отбрасываемой палаткой, где провели время с полудня и до вечера. Воздух всё ещё был тёплым, но уже поднимался холодный ветер, предвещающая стылую ночь.

Драшка обнял наёмника за плечи.

– Ну, и как же получилось, что такой замечательный человек как ты, работает на этого... шпы... спи... шпиона? Ты так и не рассказал, что с ним произошло. Я имею в виду... – стражник остановился, отвернулся и его вырвало. Затем он продолжил говорить, словно ничего и не было. – Я имею в виду, чего это он бродил по пустыне? Ты никогда не спрашивал?

Гармансдер задумался на мгновение.

– Он хорошо платил. Наёмники вопросов не задают. Если конечно хотят, чтоб их продолжали нанимать, – он легкомысленно рассмеялся. – Если уж на то пошло, то что в центре пустыни забыли женты?

Драшка огляделся по сторонам и приложил палец к губам.

– Тсс. Это... секрет! – он важно кивнул. – Хочешь расскажу?

Наёмник покачал головой.

– Неа. Если это секрет, то лучше молчи.

– Точно. Правильно. Ничего тебе не скажу, – стражник схватил Гармансдера за руку. – Я **покажу**.

Двое мужчин пробрались через лагерь к тому месту, где строительные леса нависали над местом раскопок. Работа замерла, и поскольку начало темнеть вокруг зажгли несколько факелов, от пламени которых сгущающийся мрак казался ещё чернее. Кое-где горели костры. Надзиратели согнали бединов обратно в невидимый сейчас лагерь, и собутыльник слышали доносящийся оттуда заунывный напев.

Драшка, пошатываясь, пошёл к краю раскопок. Железные рельсы лежали между деревянными стойками, поддерживающими леса, несколько факелов на длинных воткнутих в песок шестах освещали местность. Лейтенант пошатнулся, и Гармансдер схватил его за руку.

– Осторожно. Ты что, хочешь упасть?

Драшка какое-то время обдумывал вопрос, а затем покачал головой.

– Если туда упасть, то будет много времени на раздумья, прежде чем ты долетишь до дна. Слушай!

Он подобрал с земли камень и бросил его в яму. Оба мужчины затаили дыхание, пока не услышали далёкий стук камня о камень.

Впечатлённый наёмник кивнул.

– Это и есть ваша «тайна»? – он облокотился спиной о леса и сделал ещё один глоток *раки*.

Драшка махнул рукой в сторону провала.

– Мы ищем магию. Волшебные артефакты Нетерила. Ну, знаешь, те вещи, что они потеряли, когда попадали летающие города, и развалилась их империя.

– И? – Гармансдер протянул бутылку собеседнику. – Всем известно, что эти артефакты были потеряны давным-давно. С чего ты решил, что вы найдёте их теперь?

– Потому что мы **уже** кое-что нашли, – Драшка оторвался от бутылки и хихикнул. – И найдём ещё что-нибудь. Что-нибудь волшебное.

Наёмник фыркнул.

– Поверю, когда увижу.

– Может, и увидишь, – стражник выпрямился и швырнул бутылку с ликёром в яму. Она разбилась о противоположную стену, и осколки дождём осыпались вниз.

– Эй! – вскрикнул Гармансдер. – Там ещё что-то было!

– Всё в порядке, – голос жента был твёрд, мгновенно утратив вызванную алкоголем невнятность. – Ты можешь, сходить за ней.

Он рванулся вперёд со скоростью и ловкостью разъярённой змеи. Рукой, лежащей на плечах наёмника, стражник толкнул противника в чёрный провал. Гармансдер вскрикнул, успев схватиться одной рукой за свисающие вниз верёвки.

Он качнулся над ямой, раз, другой, и спрыгнул на землю в десяти футах от того места, где недавно стоял. К тому моменту, когда ноги наёмника коснулись твёрдой поверхности, меч уже сверкал в его руке.

Наблюдавший за ним Драшка рассмеялся.

– Гляжу, я не единственный сегодня делал вид, что пью эту гниль, – он обнажил собственный клинок и шагнул вперёд.

Гармансдер осторожно отступал по краю провала, следя за оружием противника. Стражник сделал выпад мечом, лезвие просвистело в ночном воздухе. Действие жента было столь внезапным, что наёмник едва успел увернуться, споткнувшись о рельсы под ногами, и с силой врезался в строительные леса. Дерево треснуло, и Гармансдер с воплем полетел в яму.

Вскрикнув от восторга, Драшка кинулся вперёд, чтобы увидеть падающее в пропасть тело противника. И тут же отшатнулся, кровь струёй хлынула из глубокого пореза на щеке. Одной рукой наёмник держался за деревянные леса, поддерживающие стены ямы, в другой же продолжал сжимать меч.

Мускулы высокого мужчины вздулись, и он закричал от напряжения, подтягиваясь на одной руке. Он перевалился через край, оказавшись на твёрдой земле, и тут же откатился в сторону, спасаясь от нападения жента. Клинок стражника оставил на песке кровавый след, полоснув по рёбрам Гармансдера.

Наёмник подскочил на ноги. Свободной рукой он схватил факел и бросил его в противника.

Пламя, едва коснувшись, тотчас охватило лёгкую одежду стражника. Драшка попытался сбить его одной рукой, но лишь усугубил положение. Крича, он выронил меч, крутясь на месте. Песок просел од его ступнями, и жент упал в темноту. Гармансдер разглядел стены ямы, освещаемые охватившим тело стражника пламенем. Драшка продолжал кричать и всё падал и падал. Затем раздался глухой звук удара, и наступила тишина.

Наёмник оторвал подол от своей одежды и перевязал рану, осторожно оглядываясь, желая убедиться, что никого не разбудил. Видимо, стражник-женты взяли выходной – или же попросту упились *раки*, – но никто не спешил проверять из-за чего весь шум. Гармансдер вложил меч в ножны и скрылся в ночи.

* * * * *

Снова погрузив зубы в гранат, командующий внимательно посмотрел на связанного купца, который прилагал все силы, чтобы сохранить на лице бесстрастное выражение. Повинуясь движению руки жента, небольшой серебряный нож поднялся со столика с пыточными инструментами и медленно поплыл вперёд, чтобы зависнуть возле глаз беспомощного пленника.

– Что бедины хотели бы получить в первую очередь? – размышлял Хесак, вгрызаясь в гранат. – Ухо своего шпиона? Его нос? Верхнюю губу?

Нож покачивался в воздухе, слегка жужжа. Он поплыл вокруг головы торговца, срезав несколько волосков с брови.

– Знаю! – расхохотался командующий. – Глаз. Точно. А затем отправим им... более интересные части.

Нож качнулся назад, готовый вонзиться в левую глазницу Аварилуса. Купец, глядящий поверх ножа на лицо командующего, увидел, что струйки розового сока, стекающие с его губ, внезапно окрасились в багровый. Нож со звоном ударился о пол, когда Хесак, всё ещё сжимая между зубов кусок фрукта, упал лицом вниз.

Через узкую прореху в матерчатой стене в шатер ступил Гармансдер, сжимая в руке стилет. Он пнул тело командующего и не спеша подошёл к Аварилусу, который сверлил его недовольным взглядом.

– Гляжу, ты хорошо провёл время. Ты собирался позволить мне потерять глаз? Или тебя просто позабавило так долго ничего не предпринимать?

– «Спасибо, Гармансдер. Благодарю, что спас мою жизнь». Вот что ты должен был сказать, Ави. Это довольно просто, на самом деле.

Клинок наёмника разрезал путы, и Аварилус поднялся на ноги, растирая затёкшие запястья.

– Нет времени для этой ерунды. Его скоро хватятся. Надо думать о деле.

Высокий мужчина снова пнул тело командующего ногой.

– Он тебе что-нибудь сказал?

– О, множество всего. Вот тебе совет, Гармансдер, на случай, если когда-нибудь решишь стать агентом зла. Если захватил врага в плен, просто убей его без лишних проволочек. Я не знаю почему, но прислужники злых сил просто не могут удержаться и не позлорадствовать. Это чрезвычайно дурная привычка, от которой всенепременно стоит избавиться.

Наёмник кивнул.

– Это основа человеческой натуры, я думаю. Уж очень ему хотелось доказать другим, как он умён. И не важно, друг его зритель или враг. Я надеялся, что у моего стражника развяжется язык после того, как я столь любезно передал жентам шпиона бединов. Но его сведения слишком расплывчаты. У меня не получилось быть убедительным

Аварилус стремительно обыскивал шатер, его пальцы перебирали содержимое сундуков и сумок, на крупном теле играли тени. Капли пота стекали со лба. Гармансдер тоже принимал участие в поисках, переворачивая подушки сдёргивая гобелены.

– Как ты ускользнул от Драка... или как там звали того стражника? – спросил толстяк.

– Без лишних трудностей. Мы выпили немного *раки*, и он показал мне место раскопок, – наёмник передёрнул плечами. – В последний раз, когда я его видел, он пытался научиться летать. – Он указал на тело. – Можем сделать это похожим на убийство. Похоже, тут нет особой преданности между стражниками и их офицерами.

Проигнорировав вопрос компаньона, Аварилус задал свой:

– Как хорошо ты разглядел раскопки?

– Средне. Я побродил вокруг после того, как Драшка отправился в полёт. Глубина впечатляющая. Они используют дымный порошок, чтоб разрушить твёрдые породы. Поэтому здесь всё довольно неустойчиво.

– Понятно.

– Страшно подумать, – рассеяно заметил Гармансдер, – что будет, если что-то случится с лесами. Скорее всего, и конструкции, и песок, упадёт жентами на голову. Уверен, что не хотел бы оказаться здесь в этот момент.

Аварилус тихо выругался.

– Где, во имя Девяти Кругов, он мог это спрятать?

– Ох. Не знаю. Кстати, а что мы вообще ищем? Ещё амулеты?

Торговец покачал головой.

– Амулет не важен. Даже не будь он сломан, наш покойный друг всё равно не смог бы проделывать с его помощью всё то, о чём говорил. Не в таком объёме, во всяком случае. Управление песчаной бурей в пустыне детская шалость по сравнению с тем волшебством, коим на сей располагают день Шадовары. Нет, тут должно быть что-то другое. Что-то, о чём он, быть может. И не догадывался...

Гармансдер неуверенно покосился на замолкшего товарища.

– Что ты имеешь в виду? Конечно же, он узнал бы что ищет, если б оно попало ему в руки. Ты так говоришь, словно это не он был здесь главным.

Аварилус замер на месте.

– Я вовсе не уверен, что он и впрямь чем-то тут управлял. Склоняюсь к мысли, что он ни коим образом здесь не заправлял. Слишком уж глуп.

– О, перестань! Если б глупцы не могли править, половина городов Фаэруна осталась бы без лидеров.

– Нет, даже если он и нашёл могущественный артефакт из эпохи Нетерила, я не уловил ни намёка на то, что он знает что это такое или как это использовать. Кто-то, должно быть, подсказывал ему верный путь. Интересно, кто бы это мог быть?

На вход в шатер легла тень, и внутрь вошёл лейтенант Сасс. Его ладонь лежала на рукояти ятагана, а глаза взирали на развернувшуюся перед ним сцену с холодным спокойствием.

* * * * *

Гармансдер отреагировал первым. Он перекатился под правую руку лейтенанта, обнажая кинжал. Сасс обернулся и ногой ударил наёмника по запястью. Послышался треск костей. Высокий человек задохнулся от боли, оружие выпало из ослабевшей ладони и вонзилось, чуть дрожа, в крышку деревянного сундука. В тот же момент Аварилус метнул свой клинок. Лезвие едва не задело плечо Сасса, скользнув по тёмной куртке и со звоном упав на землю.

Не останавливаясь ни на мгновении, лейтенант кувырком откатился за спину Гармансдера и выхватил его ятаган одним неуловимо быстрым движением. Одной рукой он сжал сломанное запястье наёмника. Остриё ятагана укололо высокого мужчину за ухом.

Аварилус схватил нож, который недавно едва не выколол ему глаз, и занёс руку для нового броска, но замер, увидев, что его друга взяли в заложники.

Воцарилась тишина, которую нарушил только слабый стон Гармансдера.

Сасс заговорил первым.

– Очень хорошо. Не думал, что вы так далеко зайдёте. Слухи о тебе правдивы, Аварилус.

– Благодарю. Предлагаю вам отпустить моего товарища, после чего мы всё спокойно обсудим.

Сасс рассмеялся.

– Я думаю, что ответу отрицательно. Нынешняя ситуация меня вполне устраивает. Но, в любом случае, давайте поговорим. Я так понимаю, вам интересно, что же мы раскопали?

Аварилус поджал губы.

– Не думаю, что это какой-то артефакт. В этом случае тебя бы тут уже не было. Ты бы похитил находку, убив командующего, и отнёс тем, на кого работаешь. На кого, кстати?

Сасс покачал головой и улыбнулся.

– Продолжай.

– Ели это не артефакт, то, скорее всего, само место, – Аварилус сузил глаза. – Вы нашли... что-то внизу. Ход в одно из Погребённых Королевств!

– Великолепно! – лейтенант чуть сместился, реагируя на осторожное движение Аварилуса влево. – Путь к тайнику с волшебными артефактами, потерянными Нетерилом. Мы только нашли место, где они сокрыты, но ещё не вскрывали его. Кто знает, что именно мы там обнаружим.

Аварилус кивнул.

– Понятно. Теперь я вижу, кто за тобой стоит. Ты работаешь на...

Какофония криков и воплей, раздавшихся наружи, не дала купцу закончить. Земля под ногами задрожала. Гармансдер воспользовался замешательством противника и пихнул его локтем здоровой руки в живот. Он наклонился, и в тот же миг над головой наёмника просвистел нож Аварилуса, вонзаясь в горло Сасса.

Кров окропила палатку, которая закачалась от внезапных порывов ветра. Обоим мужчинам с трудом удавалось устоять на ногах. Грохот всё нарастал.

– Землетрясение! – выдохнул Аварилус, но Гармансдер покачал головой.

– Не совсем. Я установил рядом с лесами несколько зарядов дымного порошка с длинными запалами, – пояснил он, перекрикивая шум. – Похоже, их так никто и не нашёл.

Аварилус вытаращил глаза.

– Ты идиот! Хочешь нас убить?!

– Нет, – резко бросил его друг, – я стараюсь вытащить нас отсюда. Уходим. Сейчас.

Наёмник посмотрел на ещё живого Сасса, лежащего на земле в луже собственной крови.

– Добъём?

Но решение было принято за него. Под лейтенантом расплзлось пятно темноты. Оно увеличивалось, пока не стало похожим на чёрный бассейн. Тело Сасса потемнело и стало нечётким, а затем и вовсе пропало. Чернота медленно испарилась.

Аварилус повернулся к выходу.

– Идём!

Компаньоны мчались через оазис. Гармансдер прилагал все силы, чтобы не потревожить повреждено запястье. Их верблюдов бешено рвался с привязи, и уже

почти преуспел в том, чтоб выдернуть столбик, на который были намотаны поводья, из песка. Другие животные бесновались не меньше и их крики добавляли хаоса в царящую вокруг какофонию. Женты хлестали кнутах рабов-бединов, которые, судя по тому, что мог видеть Аварилус, не упустили возможности восстать против своих хозяев. В оазисе вспыхнули десятки мелких сражений.

От места, где раньше велись раскопки, поднимался огромный столб чёрного дыма, частично скрытый облаком поднятой взрывами пыли. У Аварилуса не было времени, чтоб восхитится плодами учинённого товарищем саботажа. Со стороны палатки командующего уже доносились крики, а это означало, что их побег не остался незамеченным. Купец помог Гармансдеру взобраться на верблюда, перерезал удерживающую животное верёвку, и сам вскочил в седло.

Размахивая клинком, им на перерез кинулся один из жентов. Аварилус натянул поводья, и вставшее на дыбы животное замолотило в воздухе копытами. Нападающий упал на песок с раздроблённым черепом, и двое беглецов поскакали вперёд. Постепенно крики и шум стихли вдаль.

Они проехали несколько миль, прежде чем Аварилус настоял на привале, чтобы перевязать и наложить шину на запястье Гармансдера. Высокий мужчина стоически перенёс операцию, хотя его глаза и расширились от боли, пока купец вправлял кости на место.

После, когда товарищи снова оседлали своих верблюдов, Гармансдер заговорил:

– Так значит, этот Сасс работал на Шадоваров.

Аварилус кивнул.

– Да. Кажется, они ищут магию Погребённых Царств, хотя я и не знаю для чего. В любом случае, мы, вероятно, должны радоваться, что остановили их.

– Мы? – проворчал наёмник. – По-моему, всю работу проделал именно я.

Компаньоны проехали в молчании ещё пару миль.

– Так что ты собираешься сказать Бин-Дару, – наконец нарушил тишину Гармансдер.

– Ничего, – толстяк полуобернулся в седле. – Как можно заметить, мы устранили его проблему. Думаю, одно это стоит той награды, что он предложил.

– Значит, сохраним сведения для себя.

– Ни в коем случае. – Аварилус мечтательно посмотрел на горизонт, за который садилось пылающее оранжевым и жёлтым солнце, заливающее пески золотым сиянием. – Информация, мой дорогой Гармансдер, как я неустанно тебе твержу, самый ценный товар в этом мире. Просто нужно знать, что с ней делать.

– Угу. И что же?

Аварилус пожал плечами.

– Это или то. Я слышал, Глубоководье прекрасно в это время года, и мне всегда хотелось встретиться с Хелбеном Арунсуном.

